

Вестник

*Московского государственного
областного университета*

**СЕРИЯ
«РУССКАЯ ФИЛОЛОГИЯ»**

№ 1

Москва
Издательство МГОУ
2008

**Вестник
Московского государственного
областного университета**

Научный журнал основан в 1998 году

Редакционно-издательский совет:

Пасечник В.В. – председатель, доктор педагогических наук, профессор
Дембицкий С.Г. – зам. председателя, первый проректор, проректор по учебной работе,
доктор экономических наук, профессор
Коничев А.С. – доктор химических наук, профессор
Лекант П.А. – доктор филологических наук, профессор
Макеев С.В. – директор издательства, кандидат философских наук, доцент
Пусько В.С. – доктор философских наук, профессор
Яламов Ю.И. – проректор по научной работе и международному сотрудничеству,
доктор физико-математических наук, профессор

Редакционная коллегия серии «Русская филология»:

Лекант П.А. – доктор филологических наук, профессор (ответственный редактор)
Шаповалова Т.Е. – доктор филологических наук, профессор (зам. ответственного редактора)
Алексеева Л.Ф. – доктор филологических наук, профессор
Аношкина В.Н. – доктор филологических наук, профессор
Копосов Л.Ф. – доктор филологических наук, профессор
Леденёва В.В. – доктор филологических наук, профессор

Вестник МГОУ. Серия «Русская филология». – № 1. – 2008. – М.: Изд-во МГОУ.
– 118 с.

Вестник МГОУ (все его серии) является рецензируемым и подписным изданием, предназначенным для публикации научных статей докторантов, а также аспирантов и соискателей (решение президиума ВАК от 07.03.2008 г.).

В «Вестнике» могут публиковаться статьи не только работников МГОУ, но и других научных и образовательных учреждений.

ISBN 978-5-7017-12-26-1

© МГОУ, 2008

© Издательство МГОУ, 2008

СОДЕРЖАНИЕ

РУССКИЙ ЯЗЫК

В.Е. Иосифова	
Влияние отрицания на видовые формы императива	5
В.Г. Лебединская	
О некоторых вопросах истории изучения метрологической лексики в контексте изучения истории метрологии	11
О.И. Лыткина	
«Американский текст» В.Г. Короленко	15
И.С. Папуша	
Сложное синтаксическое целое как единица текста	19
Т.М. Свиридова	
Частицы в аспекте характеристики согласия/несогласия	23
Е.Н. Сердобинцева	
Профессиональная лексика как отражение системы ценностей русского народа (на примере профессиональной лексики русских говоров)	30
М.А. Фокина	
Сюжетообразующее функционирование фразеологии в повествовательном дискурсе	35

Публикации аспирантов

Е.П. Волкова	
Особенности выражения модального значения необдуманности действия в конструкциях с инфинитивом	40
Г.О. Кипарисов, И.В. Попов	
Специфика современного молодежного сленга	46
С.А. Муранова	
Интенциональная организация и модальность текста «Общевоинских уставов Вооруженных Сил Российской Федерации»	51
М.В. Одинцова	
Лексические средства номинации запаха в произведениях И.А. Бунина	55
О.Е. Орлова	
Семантика отторжения как проявление нежелательности действия	60
Е.Ю. Спиридонова	
Возрастная фонология в гендерном аспекте	66

ЛИТЕРАТУРА

Д.Н. Жаткин, О.С. Гришина	
А.С. Пушкин в творческой судьбе Э.И. Губера	74
И.И. Матвеева	
«Фабрика литературы» А. Платонова как проект литературного «производства»	82
О.Г. Шильникова	
Моделирование художественного пространства в литературно-критическом дискурсе	88
М.В. Яковлев	
Апокалиптические мотивы во 2-ой «Симфонии» А. Белого	96

Публикации аспирантов

Е.Ю. Константинова

Философия творческой личности в дневниках М.М. Пришвина в контексте идей А.А. Мейера103

В.Б. Белукова

Рецензия на монографию Э.Я. Фесенко «Художественная концепция личности в произведениях В.А. Каверина».....107

Доцент Нина Сергеевна Гродская (1921-2007)110

Профессор Майя Фёдоровна Тузова (1929-2007)115

РУССКИЙ ЯЗЫК

В.Е. Иосифова

ВЛИЯНИЕ ОТРИЦАНИЯ НА ВИДОВЫЕ ФОРМЫ ИМПЕРАТИВА

Статья посвящена описанию влияния отрицания на видовые формы императива. Проанализированы частные семантические оттенки просьбы, предостережения, запрещения, присущие формам повелительного наклонения в конструкциях с отрицанием и без него.

V.E. Iosifova

THE INFLUENCE OF NEGATION ON THE ASPECTUAL FORMS OF IMPERATIVE

The article is devoted to a description of the influence of negation on the aspectual forms of imperative. It analyzes specific semantic shades of request, warning, prohibition, which are peculiar to forms of imperative mood in the constructions with negation of without it.

Проблемы описания императива – одна из наиболее динамично развивающихся сфер современной теории познания, интерес к которой значительно вырос в последнее время. Специфика прескриптивных отношений между участниками речевого общения и способы их языкового воплощения активно изучаются как в философии, логике, правоведении, социологии, так и в лингвистике, где появились исследования грамматических, семантических, прагматических и типологических особенностей императивных конструкций и правил их функционирования в речи (В.С. Храковский, А.П. Володин, [1]; Е.И. Беляева, [2]; Л.А. Бирюлин, [3]; Ц. Саранцацрал, [4]; В.С. Храковский и А.П. Володин, [5]; А.В. Изотов, [6] и др.).

Императивы являются излюбленным объектом теории речевых актов.

Императив как форма глагола, грамматическая категория и тип высказывания может служить ярким примером тех языковых объектов, при изучении которых нужно учитывать субъективную составляющую языка, конкретных говорящего и слушающего, реальные коммуникативные ситуации, в которых они употребляются, поскольку содержание таких объектов в значительной степени предопределяется ситуацией речи, отражающей связь языка не только со структурой мышления, но и с ситуациями действительного и возможного мира и речевой деятельности.

Эта статья посвящена влиянию отрицания на видовые формы императива. А.П. Володин и В.С. Храковский рассматривают императив с отрицанием как особое явление – прохибитив [7]. Они же отмечают неполную соотносительность императива и прохибитива: редкость употребления прохибитива от некоторых глаголов и предпочтительность от других. У некоторых речевых

актов вмешательство отрицания порождает другое значение, которое занимает определенное место в «списке» частных семантических проявлений императива: приказ с отрицанием – запрещение, совет с отрицанием – предостережение (здесь, впрочем, нет семантического тождества). Просьба с отрицанием может остаться просьбой, хотя при некоторых семантических условиях ее нельзя четко отграничить от совета и предостережения.

Анализ разных семантических групп глаголов показывает, что в зависимости от семантики глагола соотносительность просьбы делать и просьбы не делать не всегда регулярна и симметрична. Эта несимметричность может выражаться в том, что 1) императиву просьбы не соответствует императив просьбы с *не* (например: *Ляг, пожалуйста, так ты мне мешаешь; Встань, пожалуйста, ты мне очень нужен; Сядь и посиди спокойно, прошу тебя*). У всех этих императивов для выражения просьбы нет соотносительного употребления *не ляг, не сядь, не встань*. Употребление типа: *Смотри, не сядь на иголку/ на кошку и т.д./; Не встань после восьми – опоздаешь* и т.п. – представляют собой чистые случаи предостережения. 2) Императиву просьбы с *не* не соответствует императив просьбы без *не* (например: *Не ходи к нему, прошу тебя!*). 3) Соответствие выражения просьбы с *не* и без *не* может быть от разных однокоренных глаголов: *ляг – не ложись, сядь – не садись* и др. (например: *Не ложись, пожалуйста, у нас еще есть дела; Не садись, пожалуйста, пусть сядет пожилой человек*). 4) Соответствие возможно только с изменением вида глагола. *Спой – не пой; принеси – не приноси; уйди – не уходи; закрой – не закрывай; отдай – не отдавай; встань – не вставай* и т. д.

И те, и другие императивы могут выражать значение просьбы, совсем не обязательно предполагать у императива с отрицанием только значение запрещения. Как видно из примеров, просьба не делать выражается в естественном диалоге только глаголами несовершенного вида. Просьба без отрицания за определенным видом не закреплена. Поэтому полная соотносительность просьбы делать и просьбы не делать возможна у глаголов несовершенного вида: *покупай – не покупай; приноси – не приноси* (например: *Читай, пожалуйста, не так быстро. – Не читай, пожалуйста, так быстро; Говори громче, плохо слышно. – Не говори громко: малыш спит*).

Если просьба сделать выражается формой совершенного вида, то просьба не делать возможна только с изменением вида (например: *Скажи, пожалуйста, Нине о собрании. – Не говори пока никому о собрании, его перенесут*).

Выражение просьбы не делать глаголами несовершенного вида наблюдается не только в форме императива, но и в составных конструкциях. Примеры этому мы находим в естественном диалоге: *Очень прошу вас не сообщать об этом. Прошу тебя не отдавать пока эту книгу в библиотеку*.

Соотносительность бесприставочных глаголов движения (так называемого кратного и некратного подвидов внутри несовершенного вида) в формах императива с отрицанием и без отрицания со значением просьбы выражается следующим образом:

1. Императив глаголов некратного подвида может соответствовать императиву того же подвида с отрицанием (например: *Иди помедленней; Не иди так быстро! Беги поскорей за доктором, ради бога! – Не беги, прошу тебя, я не могу бежать*). Однако при определенных лексических значениях возможна только соотносительность разных подвидов: *иди – не ходи, неси – не носи, вези*

– не вози, тащи – не таскай и т. д. (например: *Прошу тебя, иди к нему и объяснись. – Не ходи к нему, прошу тебя*).

2. Глаголы кратного подвида с отрицанием не всегда имеют коррелят без отрицания. (Например: *Не ходи, пожалуйста, по ночам одна, я тебя прошу. – Ходи, пожалуйста, ночью только по людным улицам*). Но просьба – *Не ходи к нему* не имеет соотносительного *Ходи к нему*. *Ходи к нему* теоретически возможно только в значении многократности (например: *Ходи к нему только по делам*). Но если говорящий просит не совершать одноразового действия, то соотносительность наблюдается в формах императива некрратного подвида – *иди, зайди, уйди и др.*

Это, впрочем, наблюдается и в отношении других семантических групп глаголов. Так, например, *Не пиши ему, пожалуйста* не может иметь соотносительное высказывание с императивом без *не*, если речь идет о неодноразовом действии (*Пиши ему, пожалуйста*). Но если имеется в виду одно письмо, конкретный случай написания письма, то возможна только форма от приставочного глагола совершенного вида (*Напиши ему, пожалуйста*). У приставочных глаголов движения и глаголов, обозначающих перемещение объектов в пространстве, при видовой соотносительности отчетливо проявляется отмеченная выше закономерность: императив без отрицания не ограничен определенным видом, императив с отрицанием / с сохранением значения просьбы может быть только несовершенного вида: *принеси / приноси, но не приноси*.

В лингвистической литературе отмечено, что от глаголов непроизвольно-го действия/состояния, проявления чувств, отношения/ императив не употребляется. Это объясняется не лингвистическими причинами. Естественно, что от таких глаголов не должен употребляться и императив просьбы. Однако нельзя сказать, что он не употребляется совсем. И в устной речи мы нередко встречаем высказывания: *Верь мне! Не забудь меня! Спи, пожалуйста. Забудь о нем! Не думай ни о чем, прошу тебя!* и т. п.

Глаголы повелительного наклонения совершенного вида с отрицанием приобретают особый смысловой оттенок предупреждения, предостережения. По этому поводу А.А. Шахматов писал: «Повелительное наклонение совершенного вида по общему правилу не соединяется с отрицанием *не*, а если соединяется (иногда с *смотри, пожалуйста, прошу*), то имеет значение предостерегательное: *не промахнись; смотри не уступи; пожалуйста, не отойдись*» [8]. Принимаемое большинством исследователей это положение, верно отражающее общую закономерность в современном языке, встречается, тем не менее, с рядом отклонений и исключений, которые требуют разъяснения.

В противоречии с отмечаемым правилом формы повелительного наклонения совершенного вида с отрицанием *не* выражают не предостережение, а просьбу, мольбу или запрещение в таких, например, случаях: *Ради бога! Не уходите далеко, не оставьте меня наедине с несносным человеком* (А. Грибоедов. Студент);

*Кто место в небе ей укажет,
Примолвя: там остановись!
Кто сердцу юной девы скажет:
Люби одно, не изменись!*
(А. Пушкин. Цыганы).

– *Государь!* – сказал он. – *Вы властны требовать от меня, что вам угодно; но не прикажите постороннему входить в спальню к жене моей* (А. Пушкин. Капитанская дочка);

– *Эй, братцы!* – сказал он, хлопнув по рукам их, – *эй, не выдайте! Не поспите одной ночи! Век не забуду вашей дружбы!* (Н. Гоголь. Пропавшая грамота).

Формы повелительного наклонения совершенного вида с отрицанием *не* без оттенка предостережения, предупреждения могут встретиться и в ряде других случаев. Прежде чем остановиться на них, следует попытаться выяснить условия и стилистические ограничения данного явления в современном языке.

Таким образом, формы совершенного вида с отрицанием не могут выражать просьбу-мольбу или категорический запрет. Такое значение должно поддерживаться особым тоном речи. Эта возможность ограничена в современном языке в лексическом и стилистическом отношении.

Вообще формы повелительного наклонения совершенного вида с отрицанием *не* обычны в церковных «заповедях», то есть при категорическом запрещении делать что-либо, а также в молитвенных просьбах.

Цитатно воспринимаются *не убей, не укради, не обмани* и т.п.

Некоторые императивы совершенного вида с отрицанием обособились как своеобразные формулы просьбы с отчетливым экспрессивно-стилистическим отпечатком; например, *не откажи (-те), не кинь (-те), не покинь (-те), не оставь (-те), не обидь (-те), не погубите (-те)*:

– *Ах, няня, сделай одолжение...*

Изволь, родная, прикажи.-

Не думай... право... подозренье...

Но видишь...Ах! Не откажи.

(А. Пушкин. Евгений Онегин);

Так как же, товарищ военный, закусим? Не откажите...(А. Толстой. Хождение по мукам).

Могут быть случаи, когда говорящий только указывает на возможность чего-то нежелательного для того, к кому обращено предупреждение. При указании, например, спутнику на яму перед ним слова *яма!* и *не упади!* – почти равноценны. Сравним:

– *Тут сундук стоит, я всегда коленки об него расшибаю...не зацепись!* (Л. Леонов. Барсук); – *Обождите, не ушибитесь. Я сейчас лампу засвечу, – у нас по ночам огня нету* (К. Паустовский. Дождливый рассвет).

Чаще, однако, высказывание более императивно направлено на недопущение какого-либо нежелательного результата (в том числе и для собеседника). Здесь возможны различные экспрессивные оттенки обращения. Сравним: – *С горы-то полегче – слышишь! Да и в Сенькине на косогорье – смотри не вывали!* – приказывал он кучеру. (М. Щедрин. Господа Головлевы; Племяннушка); – *Здравствуйте, дядюшка. И мы едем, – прокричал Петя. – Здравствуйте – то, здравствуйте. Да собак не передавите, – строго сказал дядюшка* (Л. Толстой. Война и мир); – *Хороши! Так и течет с них! Гостиную нашу не замочите!* (там же); – *Иди садись, да никого не запачкай.* (В. Маяковский. Мистерия-буфф); – *Скорее!!! Осторожней!!! Не упустите, не помните животному лапки...* (В. Маяковский. Клоп).

Часто при императивах совершенного вида с отрицанием находятся слова *смотри, гляди, только*.

Слова *смотри, гляди* усиливают предостережение, вносят иногда в него оттенок угрозы. Например: – *Ну, смотри же, хозяйюшка, хлопочи, не осрамись; а вас, господа, прошу за мной пожаловать* (И. Тургенев. Отцы и дети); – *Гляди, не получи себе вреда...* (М. Горький. В людях). Слово *только* привносит оттенок какого-то условия:

Гей – гей! Летим и встретим день.

Взвивайся в вышины!

Да только гривой не задень

Красавицу луну!

(М. Горький. Макар Чудра).

Особое место занимают среди императивов совершенного вида с отрицанием такие, как *не подумай (-те), что (чтобы); не поймите, будто (или превратно); не сочтите..., не примите моих слов* и т. п. Они служат для предупреждения неправильного понимания собеседником высказываний или действий говорящего. Они оторваны от других значений своих глаголов. Собственно императивное их значение ослаблено, они являются в большей мере своеобразным «вступлением» к разъяснению поступков или слов говорящего (или иных явлений), чем средством непосредственного предостережения. Видимо, с этим связано то, что с ними обычно не встречаются усиливающие (и, кроме того, прикрепленные к иной стилистической сфере) слова *смотри (-те), гляди (-те)*. Сравним: – *Не подумайте, чтоб я говорил это из лести; нет, не имею этого порока, от полноты души выражаюсь* (Н. Гоголь, Ревизор,); – *Вы только, ради бога не подумайте, что это была барышня...* (И. Гончаров. Обломов); – *Ради бога, не подумайте, чтоб я хотел... Я сам через минуту бог знает что дал бы, чтоб воротить неосторожное слово...* (Там же); – *Не подумайте, что я рисуюсь, искренно вам говорю: неинтересно и неприятно быть богатым.* (А. Чехов. Моя жизнь); – *Вы, пожалуйста, не подумайте, что я ваша поклонница* (А. Толстой. Хождение по мукам).

Подведем некоторые итоги.

Как показывают наши наблюдения, употребление отрицания *не* влияет на видовые формы императива. У некоторых речевых актов вмешательство отрицания порождает другое значение, которое занимает определенное место в «списке» частных семантических проявлений императива: приказ с отрицанием – запрещение, совет с отрицанием – предостережение. А вот просьба с отрицанием может остаться просьбой, хотя при некоторых семантических условиях её нельзя чётко отграничить от совета и предостережения.

Анализ разных семантических групп глаголов показывает, что в зависимости от семантики глагола соотносительность просьбы *делать* и просьбы *не делать* не всегда регулярна и симметрична.

Как видно из наших примеров, просьба *не делать* выражается только глаголами несовершенного вида. Просьба же без отрицания за определенным видом не закреплена.

Глаголы повелительного наклонения совершенного вида с отрицанием приобретают особый смысловой оттенок предупреждения, предостережения. Хотя, как показывают наблюдения, формы повелительного наклонения совершенного вида с отрицанием *не* могут выражать не предостережение, а просьбу, мольбу или запрещение.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Храковский В.С., Володин А.П. Семантика и типология императива. Русский императив. – Л., 1986. – С. 1-270.
2. Беляева Е.И. Модальность и прагматические аспекты директивных речевых актов в современном английском языке: Автореф. дисс ... д-ра филол. наук. – М., 1988. – С. 1–33.
3. Бирюлин Л.А. Теоретические аспекты семантико – прагматического описания императивных высказываний в русском языке: Автореф. дисс ... д-ра филол. наук. – СПб., 1992. – С. 1-37.
4. Саранцацрал Ц. Речевые акты побуждения, их типы и способы выражения в русском языке: Автореф. дисс ... д-ра филол. наук. – М., 1993. – С. 1-48.
5. Храковский В.С., Володин А.П. Семантика и типология императива: Русский императив. – М., УРСС, 2002. – С. 1-272.
6. Изотов А.И. К функциональной соотносительности парадигм чешского и русского императива// Функциональные исследования: Сб. статей по лингвистике. – М., 1996. – Вып. 2. – С. 9-23.
7. Храковский В.С., Володин А.П. Семантика и типология императива. Русский императив. – Л., 1986. – С. 149.
8. Шахматов А.А. Очерк современного русского литературного языка. – М., 1941. – С. 181.

В.Г. Лебединская

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ МЕТРОЛОГИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ В КОНТЕКСТЕ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ МЕТРОЛОГИИ

В статье представлены два периода в истории изучения метрологии: практический и описательный. Показано, что исторические исследования по метрологии в XX веке во многом строятся по программе изучения мер и весов, предложенной Д. И. Прозоровским.

V.G. Lebedinskaya

THE STUDY OF METROLOGICAL LEXICS AND THE STUDY OF HISTORY OF METROLOGY

The article presents two periods in the history of study of metrology: practical and descriptive. It shows that the historical research in metrology in 20th century is mainly based on the program of study of measures and weights which was suggested by D.I. Prozorvkiy.

В истории изучения метрологии исследователи выделяют два периода: практический и описательный. Первый период – практический, когда все без исключения работы, содержавшие какие-либо метрологические сведения, преследовали практические цели, то есть были призваны установить, узаконить, запретить, разъяснить, уточнить использование какой-либо меры. К таким памятникам письменности с XI по XVII вв. принадлежат древние уставные грамоты, договоры князей, летописные отрывки, Книги сошного письма, Книга Большому Чертежу, Торговая книга, межевые инструкции, приходо-расходные и таможенные книги, руководства для купцов и правительственных писцов. В XVIII веке задачи проводимых по метрологии работ усложняются, но носят все тот же практический характер. Процесс технического перевооружения России Петр I связывал с получением точных количественных сведений, касающихся торговли, промышленности, строительства, картографии и т. д. Для выполнения этой работы, требовавшей многочисленных измерений, необходимо было обеспечить страну мерами и измерительными приборами, улучшить измерительную базу. В XVIII веке выделились некоторые центры, где метрологическая работа велась в большей степени. Коммерц-коллегия, принявшая на себя значительную часть функций прежних приказов Большого прихода и Большой казны, ведала, в частности, вопросами дальнейшего внедрения мер в практику торговли и метрологического обслуживания этой сферы. Адмиралтейств-коллегия руководила процессом внутриведомственного использования мер, в том числе угломерных приборов и компасов [1]. Берг-коллегия ведала измерительным хозяйством горных заводов, рудников и монетных дворов с их лабораториями.

В 30-х годах XVIII века наблюдается интерес к изучению истории, географии, метрологии народов и народностей, населяющих Российскую империю. В 1737 году выдающийся историк и известный политик В.Н. Татищев

представил в Академию наук «Предложения о сочинении истории и географии Российской», которые состояли из вопросов по географии и истории народов России. Вопрос № 192 этой программы заключался в следующем: «Какие они меры и вес употребляют и как оные именуют, какую оные с русскими разницу имеют, например татары имеют батман которое слово по-русски значит «вес», токмо они имеют разные батманы». В.Н. Татищев разослал офицеров геодезии и геодезистов по разным российским губерниям. До нас дошли ответы капитана Г.И. Стрижевского на предложенные вопросы о башкирах. Так, отвечая на вопрос № 192, он пишет: «Меру имеют они называемую *пучук* и *чирик*, из которых входит в *пучук* 4 пуда, а в *чирик* 2 пуда» [2].

В конце 30-х годов XVIII века была образована Комиссия весов и мер, о которой нам практически ничего неизвестно. Задачи комиссии не были четко определены, и вскоре о ней все забыли. Вспомнили о Комиссии весов и мер лишь в 1742 году: 18 февраля был издан указ о ее ликвидации. Почти через 100 лет, в 1827 году, была создана Комиссия образцовых мер и весов. Сразу определили основную задачу Комиссии – уточнение мер. В состав этой Комиссии входили А.И. Ламберти, П.Г. Соболевский, А.Я. Купфер, Э.А. Коллинс, В.К. Вишневский. Выдающимся вкладом в развитие метрологии является исследование доктора философии, члена Комиссии образцовых мер и весов А.И. Ламберти «О первоначальном происхождении и нынешнем состоянии российской линейной меры и веса» [3]. Эту книгу следует назвать последней работой практического периода: она посвящена проблеме создания точных эталонов мер. Итак, монография А.И. Ламберти завершает практический период в развитии метрологии.

Начало описательного исследования метрологической лексики было положено в XIX веке. Ее изучение в этот период связано прежде всего с трудами известного историка и археолога XIX века Ф.И. Петрушевского. Работы этого ученого открывают новый этап в истории метрологии. Этот этап историки называли описательным. В 1831 году вышла «Метрология» Ф.И. Петрушевского – фундаментальное исследование, посвященное мерам вообще и истории метрологических единиц различных народов в разные периоды их истории, а в 1849 году – «Общая метрология», которая явилась по существу переизданием первого труда, но значительно переработанным и дополненным [4]. Обе книги представляют читателю таблицы, показывающие состояние и соотношения различных видов мер у разных народов Земли, причем как древних, так и современных исследователю. Мер существует много. Их разнообразие, считает Ф.И. Петрушевский, проистекает «из огромного количества родов величин» [5]. Автор называет основные меры: линейная (для определения длины), квадратная, или плоскостная (для измерения поверхностей), кубическая (для определения величины или объема тел), мера вместимости (для непосредственного измерения количества сыпучих или жидких тел), вес (для определения количества вещи по ее тяжести массы тела, по его объему и плотности), монета (для обозначения ценности вещей). Всякое цивилизованное государство обязано следить за употреблением и распространением всех этих мер. В связи с этим автор говорит о трех обязательных правилах (законах) государственного значения: во-первых, государство должно «иметь и сохранять первобытные, или образцовые меры»; во-вторых, «поверять по ним все копии, выпускаемые или выпущенные во всеобщее употребление»; в-третьих, «истреблять подлоги

и вообще злоупотребления в мерах» [5: 6]. Ф.И. Петрушевский замечает, что мера вместимости употребляется в виде сосуда, для непосредственного вымешивания сыпучих и жидких тел. Мера для жидких веществ, пишет он, называется винною, а для сыпучих – хлебною. Эти названия объясняются тем, что употреблялись эти меры, главным образом, для измерения количества хлеба и вина. На некоторых территориях бывают еще особые меры: овсяные, пивные, масляные, угольные и другие. Последние, считает исследователь, бесполезны, только путают счет и должны уничтожаться по причине своей ненужности.

В XIX веке существовали противоположные точки зрения на предмет того, что следует понимать под метрологией, на каких источниках должны основываться исследования метрологов, в этот период была создана программа изучения различных мер и весов, остро встал вопрос о статусе метрологии среди других наук, заговорили о народной метрологии. Ф.И. Петрушевский под метрологией понимал «описание (подчеркнуто нами. – В. Л.) разного рода мер по их наименованиям, подразделениям и взаимному отношению» [5:5]. Д.И. Прозоровский, другой выдающийся историк и метролог XIX века, метрологией называл «простое практическое познание (подчеркнуто нами. – В. Л.) различных единиц: единиц веса, единиц ценности (то есть монеты. – В. Л.), единиц объема, единиц протяжения, единиц времени». Наукой, по Д.И. Прозоровскому, метрология становится тогда, когда переносится в область археологии, изучает происхождение и историю различных единиц и решает исторические задачи. Ученый писал, что древнерусскую метрологию следует изучать как особый, специальный отдел археологии [6]. Д.И. Прозоровский наметил программу изучения различных весов и мер. Сначала, полагал он, необходимо определить метрологию вообще, выяснить ее основания, происхождение мер, весов и ценностей, их развитие и приведение в порядок. Прежде чем изучать русскую метрологию, необходимо рассмотреть метрологию других народов, например, евреев, греков и римлян, указать на распространение греко-римской метрологии и на ее влияние на страны Западной Европы, а также на то, что греко-римская метрология была известна славянским племенам, в том числе и Руси. Затем должен следовать переход к русской метрологии. Ее описание следует начать с обзора письменных памятников, в которых сообщаются какие-либо метрологические сведения. Исследователь не должен оставить без внимания и вещественные памятники: гири, меры, монеты. Необходимо определить границы русской метрологии, сказать о разнообразии весов и мер по временам и местностям, указать на историю мер Великого Новгорода, Смоленска, Полоцка, Пскова и Москвы – важных политических, культурных и хозяйственных центров древней Руси, на распространение московской системы мер. Только после этого Д.И. Прозоровский предлагает изучать следующие разделы метрологии: вес, ценности, меры продольные, меры вместимости (для жидких и густых тел, для сыпучих тел), единицы объемные и примерные, меры и единицы поземельные, единицы заводские и промышленные, времяисчисление.

Исторические исследования по метрологии в XX веке во многом строятся по программе изучения мер и весов, предложенной Д.И. Прозоровским.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Шостьин Н.А. Очерки истории русской метрологии XI-XIX вв. – М., 1975. – С. 96-98.
2. Татищев В.Н. Предложения о сочинении истории и географии Российской. – Казань, 1909.
3. Ламберти А.И. О первоначальном происхождении и нынешнем состоянии российской линейной меры и веса. – СПб., 1827.
4. Петрушевский Ф.Ф. Русская десятичная система мер. – СПб., после 1884. – С. 5.
5. Петрушевский Ф.И. Метрология, или Описание мер, весов, монет и времяисчисления нынешних и древних народов. – СПб., 1831. – С. 5.
6. Прозоровский Д.И. Древняя русская метрология. – СПб., 1888. – С. 1.

О. И. Лыткина

«АМЕРИКАНСКИЙ ТЕКСТ» В. Г. КОРОЛЕНКО

В статье отмечено, что изучение «Американского текста» позволит описать не только «американский образ мира», но и воссоздать модель русской языковой картины мира, определить сходное и различное, прояснить дискуссионные вопросы в теории сверхтекста.

O.I. Lytkina

“AMERICAN TEXT” BY V.G. KOROLENKO

The article explains that the study of “American text” makes it possible to describe not only the “American vision of the world” but also to create the model of Russian linguistic picture of the world, to define common and different features, to clarify the debatable questions in the theory of “extratext”.

Для современной лингвистики, которую можно охарактеризовать как макролингвистику, остается актуальным изучение текста в различных аспектах. Традиционное определение текста подверглось переосмыслению, текст стал пониматься «не как некоторый стабильный предмет, имеющий постоянные признаки, а в качестве функции: как текст может выступать и отдельное произведение, и его часть, и композиционная группа, жанр, в конечном итоге – литература в целом» [1]. Следствием такой интерпретации текста стало возникновение понятия сверхтекста (в другой терминологии Х-текста, гипертекста).

Исследование сверхтекстов началось с изучения «Петербургского текста» в русской литературе [2]. Идея «Петербургского текста» привлекла внимание многих ученых: были выделены и исследованы «Московский», «Крымский», «Итальянский», «Венецианский», «Лондонский», «провинциальные» тексты, «Аполлоновский текст», «пасхальный текст» русской литературы, опубликованы работы, в которых описывались «толстый» журнал, художественная проза о войне, политические лозунги как сверхтексты и т. д.

В настоящей работе предпринимается попытка выделить и описать «Американский текст» на материале произведений В. Г. Короленко «Без языка» (1895 г.), «Фабрика смерти» (1895 г.), «Софрон Иванович» (1895 г.) [3], созданных в связи с поездкой писателя в 1893 г. в Америку, на всемирную выставку в Чикаго.

Как и другие сверхтексты, «Американский текст» порожден мифом, в частности мифом об Америке как свободной стране, земле обетованной, второй родине: «Свобода в этой стороне большая. Земли довольно, коровы дают молока по ведру на удой, а лошади — чистые быки. Человека с головой и руками уважают и ценят, и вот даже его, Лозинского Осипа, спрашивали недавно, кого он желает выбрать в главные президенты над всею страной. ... Одним словом, свобода и все остальное очень хорошо» [4].

Для описания «Американского текста» была использована методика, разработанная В. Н. Топоровым для описания «Петербургского текста». Основны-

ми критериями и способами языкового кодирования «Американского текста» являются:

Внутреннее состояние: а) отрицательное — печаль (сильная, жгучая), тоска (острая, глубокая, смертельная, безотчетная), одиночество, оскорбление, боль, ненависть, волнение, беспокойство, тревога, гнев, тупая вражда, огорчение, обида, беспомощность, растерянность, отчаяние, справедливое негодование, надежда на чью-то помощь, без языка, без надежды, крайнее удивление, вечные искания, иная душа, бедняга, бродяга, несчастливец, не идиллия, на посмешище, жертва, бедствие, гибель, смерть; сердитый, мучительный, тревожный, испуганный, затерявшийся, один, одинокий, оскорбленный, загнанный, убитый, печальный, потонувший без следа в людском океане; как иголка в траве или капля воды, упавшая в море; точно иголка на пыльном проезжем шляху, как слепой или малый ребенок, как потерянные; как человек, который тонет; как барка, которую сорвало с причала и несет куда-то по течению; грустно, обидно; на душе стало еще темнее; горько, грустно, мрачно, до боли жаль, неизвестно, беспокойно, неприятно, все порвано, многое умерло, нет покоя; идти на дно, тянет книзу, утонуть, вынырнуть, потонуть (в огромном городе), умереть, страдать, жаловаться, становиться чужим, понурить голову, не может ничего сделать, искать приюта, искать счастья, голова кружится, никто не понял, не знать, продать душу, бояться, проклинать судьбу, трепетать и сжиматься от ужаса, пугала неведомая доля; падать, ждать помощи, чувствовать себя подавленным и униженным, забыть все, начинать сходить с ума; затравили, как дикого зверя; хочется кинуться на этих людей, бить и, пожалуй, кусаться; родилось что-то новое, просыпается что-то волчье, забыть, погибнуть, отделиться от земли, крикнуть, позвать, схватиться, удержаться на поверхности, надеяться, плакать, назад, на родину!; тосковать...;

б) положительное — любопытство, удивление, тихое смирение; оттаивать, смягчаться, раскрываться (о душе); оживать, надеяться; личность теряется здесь гораздо меньше, чем в любой нашей толпе; свободно и самостоятельно, тепло (на сердце)...

Общая оценка Америки: а) отрицательное — социальный опыт, проклятая сторона, проклятый город, проклятые люди, огромная могила, бойня, бездна, величие на свиной туше, паутина, сеть, катастрофа, вавилонское столпотворение, стихийное движение, огромный человеческий океан, свобода (фигура женщины, медная женщина; чужая, рвут друг другу горла; все равные, кто за себя платит деньги; неясно, неопределенно); что ни улица, то своя конгрегешен; свои обычаи, Содом и Гоморра, чужбина, гигантской котел, дьявол, пекло, нечистые духи; безжалостный, зловещий, другой, иной, чужой, циничный, незнакомый; все не наше, не такое, не то, мало хорошего, наше худое лучше здешнего хорошего, все не понравилось, убивать, пить кровь из людей; не различишь человека, не схватишь ни слова в человеческой речи; за крещеным человеком бегают мальчишки так, как в нашей стороне бегали бы разве за турком; перемалывать людей; брать человека, нет никакого порядка, не умеют сделать как следует, удача встречается не всех; рыба попадает в невод, а люди в Америку; много здесь дураков прилетало, как мухи на мед; все навыворот; А! чтоб ей провалиться; А, чтоб их всех взяла холера!...; б) положительное — великая американская земля, земля обетованная, новая родина; вторая родина, такая же как старая; Россия, разумная стихия, кажущийся хаос...

Культура: газеты, сенсация, фантастический (полуфантастический) сюжет, знаменитости-мотыльки (легко стать знаменитым), город (грязный, проклятый, безжалостный), митинги, выбор, широкие площади и улицы, исполинские дома, фонтан, вавилонская башня, фабричные трубы, мост, парходы, фигура женщины, медная женщина (о статуе Свободы), окно, пещера, ущелье, канаты, сеть, паутина, натянутая струна, поезд, тьма, зарево, огни, грязь, пыль, испарения, клубы дыма, толкотня, сутолока, шум машины, рокотание, гул (жалобный), свист, грохот (страшный, тяжелый), шум (глухой, неустанный, ровный, безнадежный), визг, лязг; особенный, тяжеловатый и чрезвычайно неприятный запах; однообразный, узкий, темный, грязный, закопченный, черный, мимолетный; стонать; гудеть, как ветер в степи; катиться, говорить смешанными голосами; страшно слушать, зазвенеть, завизжать, болтать, смеяться, греметь, стонать; стучать, ворочаться, громохатать, клококать, шуметь, ворчать, рыться, звонить...

Американцы: а) отрицательное — беспечный народ, бездельники, шарлатан, «барин», толпа странных приведений, жестокость; люди с такими лицами, по которым нельзя было определить, добрые они или злые, нравятся ли они человеку или не нравятся; мертвец, самоубийца; странные, чужие, непонятные, похожи друг на друга, незнакомые; некогда (время — деньги), непонятное веселье, амбиция, не прочь попасть в президенты; не думать о своем ближнем; всякий любит также получить больше, а работать меньше; не очень любят вмешиваться в чужие дела; считают себя не хуже других и не хотят ничем отличаться по внешности; летают по воздуху, забыть бога, смеяться в церквах, жениться у раввинов на еврейках; выбирать себе веру, брать себе всего человека, любят драться (бокс)...; б) положительное — народ серьезный, последовательные, любопытные, сдержанные, не казались уже до такой степени похожими друг на друга, фермеры, индейцы...

Высшие ценности: свобода (как равные, как братья), деньги, блестящая карьера, дело (доходное, честное, солидное)...

Америка в оценке американцев: лучшая страна в мире, цивилизованная страна, больше всего остального света, свобода; самый большой, самый богатый, лучший, великий...

Отношение американцев к иностранцам: странный человек, дикарь, полудикарь, презрение; издеваться...

Предикаты (чаще отрицательные): сновать, полететь, мелькать, покачаться, приближаться, мчаться во все стороны, вползать, вздрагивать, напрягаться, ползать, отбежать, изгибаться, торопиться, двигаться, нестись, кинуться, скользнуть, метаться, рваться, клубиться, исчезнуть, сбежать, взбираться, подбегать, хлестнуть, кинуться со всех ног, ринуться со всех ног, торопливо пройти...

Пространство: стихия, над землей, под землей, по воздуху, небо и земля, страшная высота, бездна, глубина, ущелье, пещера, город, поток, океан, залив, долина...

Способы выражения предельности: стихийная громадность; огромный, громадный, бесконечный, всемирный, невиданный, грандиозный, исполинский...

Природа: а) отрицательное — клуб черного дыма, пар, мгла, болото, лес, мошка, лесные пожары...; б) положительное — солнце, закат, волны,

водопад, небо (синее, звездное), облака (белые, светлые, совсем, как наши), звезда, залив, вода, океан, зеленые горы, луна, взморье, деревья, острова, река, плантации, леса, дождь, долина, вольный ветер лесов и полей, пашня...

Как видно из приведенного материала, в «Американском тексте» сохраняется принцип, отмеченный В. Н. Топоровым в описании «Петербургского текста», — выход «из центра, середины, узости-ужаса на периферию — на простор, широту, к свободе и спасению...» [5].

Неоднократно отмечалось, что сверхтексты взаимосвязаны между собой, например: «Петербургский текст» противопоставлен «Московскому», «Московский» и «Петербургский» тексты — «провинциальному», «Венецианский текст» — «Петербургскому» и т. п. В «Американском тексте» ключевым является концепт Россия (родина, родная сторона): в мечтах героев Америка представляется такой же, как Россия («все то же»), «только гораздо лучше».

Способами языкового кодирования концепта России в «Американском тексте» В. Г. Короленко являются: старый свет, родное местечко, старая родина, язык, дремотный, спокойная, тихая, сонная, родная, своя, живое, родное, знакомое; ангелы ходят, а черти, как вороны, носятся над крышами, не смея приблизиться к порогу; бор, тихая речка, светлая вода, дорога, степь, равнина, поля, лоза, простор, соломенные хаты, ярмарка, церковь; шепот тростника, скрип колес, смолкает, стихает; запах лошадиного пота, запах дегтя и душистого сена; народ еще не испорчен, христиане, крещеный человек; люди знают свое место; всякий смиренно понимает, кому что назначено от господ; люди живут и славят бога; ходить с открытыми глазами; гораздо лучше, приветливо, приятно, сладко, спокойно; природный аристократизм, российское слабодушие...

Изучение «Американского текста» позволит описать не только «американский образ мира», но и воссоздать модель русской языковой картины мира, определить сходное и отличное в русской и американской языковых картинах мира, а также прояснить ряд дискуссионных вопросов в теории сверхтекста (уточнить критерии его выделения, категории его составляющие, способы его языкового кодирования и др.), в том числе вопрос о связи сверхтекстов между собой.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Лотман Ю. М. Культура и взрыв. — М., 1992. — С. 178.
2. См. работы: Анциферов Н. П. Душа Петербурга. — М., 1991; Лотман Ю. М. Символика Петербурга и проблемы семиотики города // Лотман Ю. М. История и типология русской культуры. — СПб., 2002. — С. 208-220; Топоров В. Н. Петербургский текст русской литературы: Избранные труды. — СПб., 2003.
3. Работа проводилась по: Короленко В. Г. Собрание сочинений: В 10 т. — М., 1956. — Т. 4.
4. Короленко В. Г. Собрание сочинений: В 10 т. — М., 1956. — Т. 4. — С. 10.
5. Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ. Исследования в области мифопоэтического. — М., 1995. — С. 315-316.

И. С. Папуша

СЛОЖНОЕ СИНТАКСИЧЕСКОЕ ЦЕЛОЕ КАК ЕДИНИЦА ТЕКСТА

В статье отражена точка зрения, оформившаяся в современной русистике, на сложное синтаксическое целое как текстовую единицу с собственными семантическими, структурными и функциональными особенностями. Отмечена необходимость многоаспектного исследования данной единицы для определения ее статуса.

I.S. Papusha

COMPLEX SYNTACTICAL CONSTRUCTION AS A UNIT OF TEXT

The article describes the contemporary for Russian linguistic study point of view on the complex syntactical construction as a unit of text with it's own semantic, structural and functional peculiarities. The author mentions the necessity of multiaspectual survey of the unit to determine it's status.

Вопрос об определении статуса сложного синтаксического целого и на сегодняшний день остаётся открытым. Сложное синтаксическое целое – структурно-семантическое образование, и это позволяет соотнести его с понятием «текст»: в сложном синтаксическом целом более концентрированно, нежели в целом тексте, обнаруживаются одинаковые признаки и принципы организации, идентичные средства структурной и смысловой связи [1]. В то же время становится общепризнанным, что высшей и наиболее независимой единицей языка является не предложение, а текст (Валгина Н.С., Карасик В.И., Лукин В.А., Тураева З.Я., Овсянникова А.И.). Сложилась определённая направленность в изучении текста как системы, организованной по своим законам. Он рассматривается как целое, обладающее рядом специфических категорий (собственно лингвистика текста), от части к целому (грамматика текста), а также в функционально-смысловом аспекте – с позиций композиционно-смысловых типов речи, особенностей оформленности содержания (стилистика текста). Связный текст принимается при этом обычно как некоторая (законченная) последовательность предложений, связанных по смыслу друг с другом в рамках общего замысла автора [2]. При изучении грамматики текста внимание уделяется особой грамматической структуре, лежащей в основе построения текста, общим принципам построения текстов, которые «относятся не к области речи, а к системе языка или к языковой компетенции» [3]. В рамках стилистики текста предполагается необходимость анализа «не только и даже не столько языковых фактов, сколько способов их организации, их связей и соотнесённости» [4].

Теория текста [5], синтезируя три указанные направления, вошла в общий круг лингвистических и нелингвистических наук, изучающих текст: текст становится объектом изучения всех этих дисциплин. Именно связь теории текста с данным кругом наук и превращение текста в интердисциплинарный объект изучения определяет новое понимание текста и новый подход к тексту. Естественно, что сложное синтаксическое целое, будучи конституэнтном текста, попадает в центр внимания исследователей (Поспелов Н.С., Булаховский Л.А., Лосева Л.М., Солганик Г.Я., Москальская О.И., Зарубина Н.Д. и др).

Создание теории текста как новой отрасли языкознания потребовало определения статуса той единицы, которая становится объектом ее изучения. В последние десятилетия двадцатого века возникает вопрос о статусе текста (Реферовская Е.А.), об отношении его к языку и речи (Кухаренко В.А.), о возможности включения его в перечень единиц языка и признания за ним функции языкового знака (Гиндин С.И.). Применительно к тексту как объекту междисциплинарного исследования решение этого вопроса не представляется возможным: текст многомерен и многогранен и не всегда рассматривается с позиций языковой системы. Но если говорить о сложном синтаксическом целом – вопрос об определении его статуса стоит на повестке дня. Ранее аналогичные вопросы получили решение применительно к предложению. Исследователи предполагали, что целесообразно признать существование уровня выше предложения (или даже нескольких уровней) (Марченко Е.П., Фридман Л.Г., Ильенко С.Г.). Но все, что выходит за рамки предложения, относили исключительно к области стилистики: в решении вопроса о возможности отнесения текста к языковой системе и признании за ним знаковой природы на первых порах чувствовалась известная осторожность. Тем не менее, область текста не может оставаться вне поля зрения собственно лингвистики; ее нельзя оставлять в очень неясной области речи – стилистический аспект представляет собой лишь одну из сторон данного явления. Рассматривать сложное синтаксическое целое с точки зрения стилистики – и того сложнее: стилистика ССЦ – неотъемлемое качество целого текста и подчинена стилистике целого текста. Именно то общее, что объединяет предложение и ССЦ в функциональном плане как формы выражения высказывания, заставило лингвистов подойти к сложному синтаксическому целому с теми же мерками, которые были выработаны незадолго до этого применительно к предложению (Блох М.Я., Гак В.Г., Колшанский В.Г., Чесноков П.В.).

Такие отрасли языкознания, как теория коммуникации, социолингвистика, психолингвистика, лингвистическая прагматика, функциональная стилистика, а также такие направления, как теория речевых актов, теория референции, теория деятельности, по-новому ориентирующие и теорию текста, начинают рассматривать текст не только как готовый продукт речевой деятельности, но как процесс, как язык в действии, как составную часть общественной практики. При таком подходе к тексту сложное синтаксическое целое как единица текста и языковое образование соотносится с речемыследеятельными процессами (Кубрякова Е.С., Апресян Ю.Д., Чертов Л., Немец Г.П., Алефиренко Н.Ф.). Новые аспекты изучения, несомненно, обогащают понимание текста, рассматривая его в широком контексте коммуникации, социальной деятельности, но они ни в коей мере не отменяют лингвистический (системный, языковой) подход к тексту.

Возникла необходимость в разграничении эмического и этического уровней в применении к сложному синтаксическому целому, что ранее в применении к предложению позволило преодолеть распространенное мнение о том, что предложение существует лишь как факт речи и якобы не входит в систему языка (Адмони В.Г., Бухбиндер В.А.). И теперь уже в применении к текстам должно различать единицу системы языка (текстему, потенциальный текст, эмический текст) и актуальный, конкретно произносимый или написанный (этический) текст. Такому решению вопроса способствовали и интенсивные

исследования в области структуры текста (Реферовская Е.А., Тураева З.Я., Марченко Е.П., Гарус А.А., Салищев В.А.). Был сформулирован принцип когерентности (Гальперин И.Р.), описаны явления лексической и грамматической когезии (Откупщикова М.И., Москальская О.И.), выявлены основные схемы тема-рематического движения в тексте (Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю.), выработаны принципы делимитации текстовых единств (Ильенко С.Г., Солганик Г.Я.). Все это позволило увидеть в сложном синтаксическом целом синтаксическую единицу, четко делимитированную, имеющую собственную внутреннюю структуру, представляющую собой моделируемую единицу языка.

Перенесение тех свойств, которые приписывались ранее предложению, на сложное синтаксическое целое, оказались важными также при решении вопроса о его знаковой природе. Коль скоро оказывается, что подлинным высказыванием является не отдельное предложение, а сложное синтаксическое целое [6], в то время как предложение-высказывание лишь его частный случай, то естественно признать номинативную функцию и за ССЦ, а следовательно, признать и его знаковую природу. Устанавливая иерархию языковых знаков, ученые подчеркивают, что основным и первичным языковым знаком служит текст, состоящий из конечного упорядоченного множества частичных знаков [7]. Лингвистическая концепция языкового знака исходит из той исконной формы, в которой существуют языковые знаки: они существуют как тексты, то есть конечные, упорядоченные множества организованных в текст частичных знаков различного рода и значения.

В то же время лингвистический подход к сложному синтаксическому целому не претендует на исчерпывающее познание текста. Он ориентирован лишь на изучение лингвистического, языкового – тех грамматических признаков, которые определяют структуру и форму текста. «За каждым текстом стоит система языка. В тексте ей соответствует все повторенное и воспроизведенное и повторимое и воспроизводимое, все, что может быть дано вне данного текста (данность). Но одновременно каждый текст (как высказывание) является чем-то индивидуальным, единственным и неповторимым, и в этом весь смысл его (его замысел, ради чего он создан). ... По отношению к этому моменту всё повторимое и воспроизводимое оказывается материалом и средством» [8]. А признав сложное синтаксическое целое «материалом и средством» текста, его следует признать, во-первых, единицей текста, во-вторых, языковой единицей.

Термин «текст» завоевал себе право быть наиболее обобщенным выражением крупных, законченных речевых произведений. Л.А. Киселева, развивая точку зрения Ф. Данеша и К. Гаузенбласа в понимании структуры целого с иерархией частей и асимметричным отношением между единицами разных уровней структуры, относит текст к четвертому, высшему ярусу, который, по ее мнению, «составляет семантически и структурно законченное целое». Текст определяется ею как «целостная, сложная структура и система, качественно (не только количественно) новое единство, обусловленное его общим целевым назначением, которому подчиняются частные цели единиц низших ярусов, и единой структурной и семантической организацией, семантико-структурной основой, с которой взаимодействуют единицы низших ярусов» [9]. Но сложное синтаксическое целое, объективно являясь единицей текста, несомненно выступает как единица языка, обеспечивающая наряду с другими языковыми единицами низших уровней целостность структуры текста как целого.

Рассматривая различные по объему, содержанию и стилю виды текстов, И.Р. Гальперин заключает: «Текст – это сообщение, объективированное в виде письменного документа, литературно обработанное в соответствии с типом этого документа, состоящее из ряда особых единств, объединенных разными типами лексической, грамматической и логической связи, и имеющее определенный модальный характер и прагматическую установку» [10]. Наиболее существенными и определяющими само понятие «текст» грамматическими категориями им признаются следующие: обусловленность, последовательность, континуум, интегративность, ретроспективность, переакцентуац, зависимость/независимость отрезков текста, особый тип предикативности, информативность, прагматика, глубина (подтекст) [10]. Опираясь на тот факт, что текст является целостным и связным не только на уровне общего смысла, но и чисто формально, вполне логично признать одним из таких «особых единств» и сложное синтаксическое целое: структурно-семантическая организация текста выражается, в частности, в том, что он членится на единицы, отрезки крупнее предложения. В лингвистической литературе для обозначения объединений, групп предложений используются термины «сложное синтаксическое целое», «сверхфразовое единство», «прозаическая строфа», «компонент текста», «суперфраза», «секвенция», «коммуникант», «цепь предложений» и другие (более 20). Сложное синтаксическое целое [11] в современной русистике выступает как формирующаяся текстовая единица, обладающая собственными семантическими, структурными и функциональными особенностями, что требует её рассмотрения в аспекте текстовой деятельности. Тем не менее, переориентация исследований текста на сферу когнитивной и социокультурной лингвистики не означает исчерпанности проблем имманентной лингвистики, занимающейся проблемами структурно-семантического устройства языка. В частности, свойства и признаки сложного синтаксического целого как языковой единицы должно выявить, описать и систематизировать для того, чтобы её статус был бесспорен.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Марченко Е.П. Функционирование полипредикативных сложных предложений в русском тексте: Учеб. пособие. – Краснодар, 2005. – С. 62.
2. Николаева Т.М. Лингвистика текста. Современное состояние и перспективы // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1978. – Вып. 8. – С. 6.
3. Москальская О.И. Грамматика текста. – М., 1981. – С. 9.
4. Одинцов В.В. Стилистика текста. – М., 1980. – С. 35.
5. Николаева Т.М. Лингвистика текста. Теория текста. Текст // Лингвистический энциклопедический словарь. – М., 1990. – С. 507.
6. Поспелов Н.С. Сложное синтаксическое целое и основные особенности его структуры // Докл. и сообщ. И-та русского языка АН СССР. – М., 1948. – Вып. 2. – С. 47.
7. Рождественский Ю.В. Об исследовании текста в языкознании. // Проблемы теории текста: Реферативный сборник. – М., 1978. – С. 42.
8. Бахтин М.М. Проблемы текста: Опыт философского анализа // Вопросы литературы. – 1976. – № 10. – С. 112.
7. Киселёва Л.А. Язык как средство воздействия. – Л., 1971. – С. 77.
8. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. – М., 2007. – С. 72, 48.
11. Поспелов Н.С. Указ. соч.

Т.М. Свиридова

ЧАСТИЦЫ В АСПЕКТЕ ХАРАКТЕРИЗАЦИИ СОГЛАСИЯ/НЕСОГЛАСИЯ

Частицы активно включаются в структурно-семантический комплекс согласия/несогласия, находятся в препозиции, маркируют разные значения, выполняют акцентирующую функцию, связаны с коммуникативно-прагматической категорией. Частицы передают характер выражения согласия/несогласия, уточняют отношение к реакции, вносят необходимые значения в условиях контекста.

T.M. Sviridova

PARTICLES IN THE ASPECT OF CHARACTERIZATION OF AGREEMENT/ DISAGREEMENT

Particles are active in their entering the structural-semantic complex of agreement/disagreement, they are in preposition, they mark various meanings, they carry out the accenting function, they are connected with the communicative-pragmatic category. Particles show the character of expressing agreement/disagreement, they particularize the attitude to reaction and introduce the necessary meanings in the conditions of the context.

Частицы выступают в функции передачи разнообразных коммуникативных характеристик сообщения [1; 2; 3]. «Лишенная частиц речь воспринимается как излишне сухая, невежливая, поскольку в ней нет контакта, связи, отношения, вовлечения собеседника в сферу общего знания, даже взаимопонимания» [4].

Функционирование частиц связано с выражением отношения к действительности [5], с их влиянием на семантику согласия/несогласия, с внесением разнообразных смыслов, которые корректируют отношение говорящего к высказыванию, отражают его мироощущение, характер коммуникативного поведения в речевой ситуации. Широкая употребительность частиц связана со стремлением говорящего выразить свое отношение к предмету речи [6].

Частицы подчеркивают структурный комплекс со значением согласия/несогласия, определяют его модально-смысловую организацию [7; 8; 9], «предстают как средства прагматической адаптации сообщаемого» [10], обладают оценочной или эмоционально-оценочной характеристикой [11].

Частицы *едва ли, вряд ли, (да) вроде (бы), как будто, будто бы, как бы, все равно что, все же, все-таки, только, лишь, даже, уже, просто* и др. активно включаются в конструкции со значением согласия/несогласия, придают тексту модальность [12], напоминая о субъекте [13], указывают «на степень достоверности передаваемой адресату информации и соответственно степень «доверия», с которой тот может отнестись к содержанию высказывания» [14].

Разные смыслы частиц являются своеобразными качественными показателями [15], конкретизируют отношение к согласию/несогласию.

1. Частицы *едва ли, вряд ли* и под. выражают значение сомнения, предположения относительно оформления согласия/несогласия.

Неуверенное отношение к реализации согласия/несогласия обуславливается закономерностью событийных факторов, определяющих несоответствие: 1) целей заинтересованных сторон, одна из которых в большей степени оберегает собственную систему ценностей (ср.: заданная потенциальная ситуация, обозначенная маркером *перекройка границ*, не отвечает традиционным требованиям названного субъекта (ср.: *татары*): *Татары едва ли согласятся с перекройкой границ Татарстана* («Литературная газета». – 2004. – № 45); 2) оценок относительно предмета речи (ср.: негативный показатель *примитивны*, интенсифицируемый оценочным компонентом *довольно*, коррелирует с представлениями второстепенного характера): *Его истолкования понятий «правые», «левые» довольно примитивны, и «правые» вряд ли согласятся с ними* («Литературная газета». – 2004. – № 44); 3) намерений (ср.: побуждение (используется эксплицируемое слово *предлагают*) к совместному действию не вызывает интереса со стороны адресата, актуализированное желание (ср.: *очень хочет*) которого направлено на реализацию конкретной цели (ср.: обстоятельственный конкретизатор *домой* указывает на вариант желаемого поведения)): *Ей предлагают продлить контракт. Она вряд ли согласится, потому что очень хочет домой* («Литературная газета». – 2003. – № 11).

2. Модальные показатели *вроде, вроде бы, да вроде бы, вроде и, якобы, как будто, будто (бы), как бы* и под. выражают семантику кажущегося [16; 17], неуверенности, недостоверности.

Знаки кажимости маркируют и уточняют разнообразие отношений неуверенности, связанных с оформлением согласия/несогласия и отражающих состояние коммуниканта, его неопределенное «субъективное впечатление» [18] и сниженную категоричность утверждения.

1. Модальная частица *вроде* вносит значение «близкой вероятности» [19], проявляет показатель «скромности» [20] и указывает на внутренние противоречия говорящего.

В речевой ситуации неуверенное согласие противоречит и проявляемому желанию говорящего (ср.: *мне хотелось*), и чувству долга, которое существует на фоне сложившихся официальных отношений (ср.: маркер контакта *предлагали*). Акт согласия возникает из необходимости подчиниться ситуативным отношениям: *А в Кемерово мне хотелось бы поехать. И предлагали. И я вроде согласился* (В. Астафьев).

2. Заключение об оформлении согласия/несогласия осуществляется на основе наблюдений говорящего и характеризуется отсутствием уверенности.

Субъективная интерпретация относительно позиции согласия сопровождается признаком кажимости, проявлением компонента осторожности. Указание на близкую вероятность оформления согласия подтверждается информацией собеседника, который позитивно (ср.: аксиологический маркер *хорошо*) реагирует на побудительный акт, обусловленный предпочтительной перспективой (ср.: компаратив *легче* усиливает побуждение и ценностную функцию): *Я говорил ему: «Пиши явку с повинной, тебе же легче будет». Он вроде и соглашается: хорошо, напишу* («Комсомольская правда». – 1998. – 22 июля).

3. Согласие/несогласие приобретает значение уступительности и противопоставляется тем действиям, которые не контролируются коммуникантом или обозначают иное положение дел. В конструкции грамматическим выражением противопоставления являются союзы *а, но*.

Сочетание частиц *вроде бы* и маркирует характер существования согла-

сия, которое обуславливается эмоциональным состоянием говорящего (ср.: *эмоции берут верх*) и характеризуется включением компонента сомнения. Духовное колебание говорящего свидетельствует о несформированности убеждения в принятии окончательного решения, связанного с выражением согласия. Говорящий находится в состоянии кажущегося согласия: *Они предлагают не делать вселенской трагедии из двойки в дневнике ребенка. Мы вроде бы и соглашаемся, но эмоции берут верх над рациональными доводами* («Аргументы и факты». – 2004. – № 46).

Акт просьбы (ср.: *попросили*), регламентируемый правилами этикета (ср.: *вежливо*), побуждает собеседника действовать в интересах адресанта. На начальном этапе (ср.: используется обстоятельственный конкретизатор *сначала*) речевого процесса наблюдается неуверенное (ср.: оценочный маркер *вроде бы*) намерение согласиться, однако в ходе диалога адресат корректирует свои речевые действия (ср.: об изменении установки свидетельствует маркер *передумал*). В мыслительном процессе коммуниканта акт согласия реально осознавался, но воздействие разных мотивов не способствовало его реализации. Наречие *потом* выделяет субъективную перспективу коммуниканта: *Николая Аксененко вежливо попросили лично ответить на вопрос. Он сначала вроде бы согласился, но потом передумал* («Аргументы и факты». – 1999. – № 48).

4. Согласие/несогласие маркируется как предположительное (ср.: вводятся частицы *будто бы, как будто*). «Сообщения, полученные от других лиц, трактуются языком как перцептуальная информация» [21].

Знания говорящего основываются на информации, полученной с чужих слов (ср.: *говорят*) и вызывающей сомнение в достоверности.

Говорящий неопределенно, осторожно информирует о реакции согласия других лиц. Неуверенность в реализации акта согласия ограничивает поведение участников ситуации: *Говорят, что съезд советов 14 ноября утвердит всюду свободу торговли и всем партиям будет предоставлена свобода выборов в новые советы, что будто бы согласны на это и деникинцы* (М. Пришвин).

5. Частица *как бы* квалифицирует акт согласия/несогласия, помогает выявить специфику его оформления. Высказывания с *как бы* «тяготеют к миру человека – его чувствам и внутренним состояниям, поведению, непосредственным реакциям – внешним и внутренним, адресованным и неадресованным действиям, интерперсональным отношениям и т.п.» [22].

Частица *как бы* является показателем противоречивых отношений, несовпадений внутренних представлений человека с внешним планом обстоятельств, может служить «знаком обманчивости в ситуации сбоев в межличностном общении» [23].

Частица *как бы* ослабляет полноту уверенности при оформлении согласия/несогласия, указывает на приблизительность соответствия той или иной реакции, на ее неопределенность, свидетельствует о замешательстве в оценке и определении речевого акта. Ср.: *Я как бы согласился, что Пугачева сознательно идет на амбразуру* («Комсомольская правда». – 1997. – 11 июля); *Я как бы не согласился с тем необычным предложением* (С. Залыгин).

Частица *как бы* «выделяет периферийные признаки», «сдвигает понятие» [24].

Согласие и несогласие могут демонстрироваться как ложные реакции, вводить коммуниканта в заблуждение и дезориентировать в конкретной рече-

вой ситуации: *Я как бы соглашался с ней, но не воспринимал душой ее призывы* (К. Паустовский); а также подразумевать скрытые смыслы (ср.: в тексте частица *как бы* актуализирует семантический компонент 'притворство'): *Для проформы даю ребятам себя поугovarивать и потом как бы соглашаюсь* («Комсомольская правда». – 1997. – 2 июля).

3. Частицы *все равно что, словно, точно*, употребляемые в структурах со значением согласия/несогласия, сигнализируют о модальном сравнении. В речевом акте обозначенные действия коммуниканта, характер его общения и поведения и т.д. приравниваются к оформлению реакции согласия/несогласия, отождествляются с ней.

Конструкции со значением согласия/несогласия выражают отношения оценки, «квалификацию-сравнение» [25]. В речевом акте говорящий моделирует ситуацию согласия/несогласия, которая образно включается в отношения сопоставления. Установление подобных отношений в структуре речевого акта характеризуется субъективностью, выразительностью, определяется положительной/отрицательной аналогией, динамичностью развития суждения. Разнообразны в реальном общении репрезентативы-«эквиваленты», которые обозначают: 1) отсутствие речевого действия (ср.: *промолчать*), которое указывает на определенный поступок: *Промолчать – все равно что согласиться* (Из телеинтервью); 2) отрицательное сообщение (ср.: *ответить «нет»*): *Ответить такому кинолюбу «нет!» – это все равно что согласиться с тем, что мы не проветриваем своей квартиры* (М. Тарковская); 3) ментальное постижение состояния (ср.: *сформулировать ощущения*): *Сформулировать свои ощущения – словно согласиться с собой* (Из телеинтервью); 4) интеллектуальное действие, называющее содержание пропозиции (ср.: *думать о куреве*): *Думать о куреве – точно не соглашаться со своим здоровьем* (Из радиопередачи «Здоровье»).

4. Частицы *все же, все-таки, однако же* и под. актуализируют значения противопоставления, рациональной оценки и выполняют акцентирующую функцию.

Согласие/несогласие является осознанным выбором коммуниканта. В речевом акте согласие/несогласие приобретает значения уступки/неуступки, возражения, несходства и: 1) оформляется под воздействием определенных факторов: побудительных речевых действий (ср.: *просьба, уговоры*), характеризующихся компонентом длительности, о чем свидетельствуют используемые лексемы *настойчивая, долго, уговаривал*: *По нашей настойчивой просьбе он все же не согласился с предложением конкурента* («Красное знамя». – 2004. – 11 декабря); *Ришар долго отказывался на просьбу сфотографироваться, но потом все-таки согласился* («Аргументы и факты». – 2003. – № 3); *ОРТ уговаривал остаться Буратаеву. Она все же согласилась баллотироваться в депутаты* («Комсомольская правда». – 1999. – 21 сентября); 2) квалифицируется как рациональное решение, принятое под воздействием сложившейся ситуации: *Единственная для Явлинского возможность уйти от образа «недоговороспособный» – все-таки согласиться на какую-то должность* («Аргументы и факты». – 1999. – № 40); *Я ничем не рисковал. Но однако же не согласился на взлет* («Комсомольская правда». – 1999. – 10 декабря).

5. Модальные частицы *тоже, также* служат для выделения акции согласия/несогласия, подчеркивают семантический компонент 'сходство', имеют градуирующее значение. Частицы связаны с предшествующим текстом, вно-

сят значения одобрения/неодобрения. В условиях общения намерения коммуникантов совпадают: *Все решили ехать в театр. Они тоже согласились; Друзья также не согласились с нами.*

6. Акт согласия/несогласия подчеркивается и характеризуется наличием компонента ограничения. Данные признаки актуализируются посредством используемых частиц *только, лишь, просто* и под.

«‘Только’ указывает на то, что не существует другого элемента, принадлежащего множеству R, который был бы адекватен X по своим свойствам» [26]. Согласие/несогласие реализуется при определенных условиях: *Он согласится/не согласится только в том случае/тогда...* и т.п.

В речевой ситуации функция согласия/несогласия распространяется на заданный фрагмент действительности (ср.: предлог *на* указывает на предмет назначения). Значение ограничения выделяется частицей *лишь* и усиливается оценочным конкретизатором *не более*: *Он лишь согласился на безоговорочную поддержку и не более* (В. Песков); *Директор лишь не согласился на разговор и не более* (С. Залыгин).

Несогласие ориентировано на ситуацию отрицательного характера. Интенсивность оценочного акта несогласия ослабляется в связи с введением экспрессивной частицы *просто*, и соответственно степень категоричности высказывания снижается. Несогласие является вполне адекватной реакцией на сложившуюся ситуацию и поэтому однозначно маркируется как акт понятный, «несложный», который не вызывает возражений: *Они просто не согласны с тем, что президентом их страны станет человек с уголовной репутацией* («Литературная газета». – 2004. – № 51-52). Выделительная частица *просто* содержит и оценочный компонент, и вызывает эффект «минимизации» [27].

7. Частицы выражают разные значения, модифицируют отношения согласия и несогласия, актуализируют их.

1. Частица *даже* обозначает отношение «неравного характера» [28] и значение отрицательной оценки: *В «уплату долга» большевики даже согласились отдать бесплатно Германии весь военно-морской флот на Балтике(!?)* («Литературная газета». – 2004. – № 46-47). Частица *даже* маркирует понимание нецелесообразности реализации согласия. Сочетание вопросительного и восклицательного знаков имплицитно выражают экспрессивное отрицательное отношение – неодобрение, возмущение и т.п.

2. Частица *же* активизирует смысловые отношения убеждения, настаивания. Ср.: *Он же согласился/не согласился; Ты же согласишься/не согласишься!*

3. Частица *уже* обнаруживает в тексте значение опасения и др.: *Все уже согласились/не согласились!* Ср.: частицы *еще, уже* указывают на то, что ситуация оценивается на основе векторного параметра [29] как нечто соответствующее/несоответствующее нормативному представлению. Частицы могут вносить временные значения: *Они уже согласились/не согласились* (=‘раньше, чем ожидалось’).

4. Частицы *ведь, вот ведь* подчеркивают разные смысловые компоненты: напоминание, итог, упрек, необычность и др., которые осложняют семантику согласия/несогласия.

5. Сочетания частиц *вот и, вот тебе и* выражают значения удовлетворения/неудовлетворения, удивления, огорчения и др. Ср.: *Вот и согласился/не согласился!* (то есть в результате реализации речевого акта надежды не оправдались).

6. Частица *да* усиливает проявление побудительной функции и передает своеобразные эмоционально-смысловые показатели в составе восклицательных предложений: *Да согласитесь/не соглашайтесь!*

7. Частица *авось* символически воплощает в себе компонент неопределенности, подчеркивает неконтролируемость оформления согласия и несогласия, надежду на их стихийную реализацию, без целенаправленной активности говорящего, проявляющего равнодушие или чрезмерную уверенность в осуществлении надлежащей позиции со стороны партиципанта. Ср.: *Авось согласится/не согласится.*

Частица *авось* «подводит краткий итог теме», свидетельствует о том, что «не нужно чересчур полагаться на силы разума, логики или на свои рациональные действия» [30].

Таким образом, частицы активно включаются в структурно-семантический комплекс согласия/несогласия, находятся в препозиции, маркируют «разные качества» [31], выполняют акцентирующую функцию, связаны с коммуникативно-прагматической категорией.

Частицы передают характер выражения согласия/несогласия, уточняют отношение к реакции, вносят необходимые значения в условиях контекста.

Частицы являются средством экспликации, актуализации точки зрения говорящего [32], выражения квалификативных смыслов. «Формальные показатели авторского мнения» свидетельствуют «о некатегоричности мнения говорящего, чтобы предоставить собеседнику право самому решать, соглашаться либо не соглашаться с предоставленным ему видением события» [33].

Только в предложении частицы имеют свой смысл, свое значение [34], выполняют функцию качественного показателя смыслового «веса» согласия/несогласия, вносят своеобразные градуирующие оттенки и признаки выразительности, убедительности, доверительности, указательности, манифестируя все тонкости взаимоотношений.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Виноградов В.В. Русский язык (грамматическое учение о слове). – М., 1972. – С. 573.

2. Бабайцева В.В. Система членов предложения в современном русском языке. – М., 1988. – С. 52.

3. Русская грамматика: Т. 1. Фонетика, фонология, ударение, интонация, словообразование, морфология / Ин-т рус. яз., АН СССР. – М., 1980. – С. 723.

4. Николаева Т.М. Функции частиц в высказывании (на материале славянских языков). – М., 2005. – С. 13.

5. Виноградов В.В. Указ. соч. – С. 575.

6. Земская Е.А. Русская разговорная речь: лингвистический анализ и проблемы обучения. – М., 1979. – С. 93.

7. См.: Виноградов В.В. Указ. соч. – С. 568-583.

8. См.: Николаева Т.М. Указ. соч.

9. См.: Русская грамматика: Т. 1. Фонетика, фонология, ударение, интонация, словообразование, морфология / Ин-т рус. яз., АН СССР. – М., 1980.

10. Ляпон М.В. Вводные слова. Вставная конструкция // Русский язык: Энциклопедия. – М., 1986. – С. 95.

11. Ср.: Немец Г.П. Семантико-стилистические средства выражения мо-

дальных отношений в русском языке: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Днепропетровск, 1990.

12. Русская грамматика. Указ. соч. – С. 728.
13. См.: Николаева Т.М. Указ. соч.
14. Теория функциональной грамматики: Темпоральность. Модальность / Под ред. А.В. Бондарко. – Л., 1990. – С. 90.
15. Виноградов В.В. Указ. соч. – С. 522.
16. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. – М., 1999. – С. 860.
17. Гатинская Н.В. Модальные слова кажимости в русском языке: характеристика и взаимоотношения с другими категориями // Семантика и прагматика языковых единиц: Межвуз. сб. науч. трудов. – Уфа, 1999. – С. 61-68.
18. Арутюнова Н.Д. Указ. соч. – С. 851.
19. См.: Семенова О.В. Морфологический статус и синтаксические функции слова вроде: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2000.
20. Шмелев А.Д. Гипотетичность и квазиассертивность // Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Языковая концептуализация мира. – М., 1997. – С. 302.
21. Человеческий фактор в языке: Коммуникация, модальность, дейксис. – М., 1992. – С. 133.
22. Арутюнова Н.Д. Указ. соч. – С. 854.
23. Там же. – С. 857.
24. Там же. – С. 860.
25. Ср.: Фигуровская Г.Д. Системные связи сложных предложений (на материале модусно-пропозициональных предложений). Монография. – М., 1996. – С. 156-157.
26. Чернышова А.Ю. Частицы как средство связи в сложном предложении // Традиционное и новое в русской грамматике. Сб. статей памяти В.А. Белошапковой / Сост. Т.В. Белошапкова, Т.В. Шмелева. – М., 2001. – С. 283.
27. Баранов А.Н., Плунгян В.А., Рахилина Е.А. Путеводитель по дискурсивным словам русского языка. – М., 1993.
28. Горина И.И. Эмоционально-прагматические элементы как связующие средства предложений в тексте // Рациональное и эмоциональное в языке и речи: средства художественной образности и их стилистическое использование в тексте: Межвуз. сб. науч. трудов, посвящ. 85-летию профессора А.Н. Кожина. – М., 2004. – С. 396.
29. Моисеев А.И. Частицы *уже* и *еще* в современном русском языке. – М., 1978.
30. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. – М., 1997. – С. 78-79.
31. Виноградов В.В. Указ. соч. – С. 575.
32. Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. – М., 2004. – С. 229-231.
33. Нагорный И.А. Субъектная перспектива как фактор снятия четкой противопоставленности диктума и модуса в высказываниях с модально-персуазивными частицами // Рациональное и эмоциональное в языке и речи: средства художественной образности и их стилистическое использование в тексте: Межвуз. сб. науч. трудов, посвящ. 85-летию профессора А.Н. Кожина. – М., 2004. – С. 432-435.
34. Виноградов В.В. Указ. соч. – С. 520-522.

Е.Н. Сердобинцева

**ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ЛЕКСИКА КАК ОТРАЖЕНИЕ
СИСТЕМЫ ЦЕННОСТЕЙ РУССКОГО НАРОДА
(НА ПРИМЕРЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ
РУССКИХ ГОВОРОВ)**

Статья посвящена исследованию профессионализмов из русских говоров в лексико-тематических группах. Выявлены коннотации в профессиональной лексике, позволившие определить место конкретных трудовых сфер в жизни народа.

E.N. Serdobintseva

**PROFESSIONAL VOCABULARY AS A REFLECTION OF VALUE SYSTEM
OF RUSSIAN PEOPLE (BASED ON THE EXAMPLES OF PROFESSIONAL LEXICS
OF RUSSIAN DIALECTS)**

The article is devoted to the survey of the professional lexics of Russian dialects in lexical subject groups. The author exposes the connotation in the professional lexics which allow to determine the position of specific work sphere of people's life.

Познание окружающего мира человеком осуществляется через логическое осмысление и эмоционально-чувственное восприятие его, что выражается в структуре языкового знака денотатом, предметно-логической частью значения; и коннотациями, несущими дополнительную информацию об отношениях между субъектом и объектом или явлением реальной действительности.

Денотативные значения языковых знаков содержат непосредственно смысловую информацию о действительности. Коннотации, характеризующие отношения человека к действительности, обусловлены соответствием или несоответствием потребностям, лежащим в основе его деятельности. Деятельность человека, базируясь на определенном мотиве, имеет эмоционально-оценочную окраску, выраженную коннотативными семами слова.

Исследование профессиональных наименований различных отраслей труда, представленных в Словаре русских народных говоров, дает возможность получить информацию не только о конкретной области знания, но и о месте ее в жизнедеятельности человека. Такой подход позволяет раскрыть жизненную систему ценностей русского человека (не жителя определенной местности, а обобщенно русского человека, так как рассматриваются профессиональные названия не одного конкретного диалекта, а профессионализмы нескольких отраслей широкого спектра говоров, представленных в Словаре).

Аналізу подверглись профессиональные наименования рыболовецкой, охотничьей, торговой, земледельческой, животноводческой, сапожной, ткацкой и хлебопекарной отраслей хозяйства. Отражая деятельность человека в определенной трудовой сфере, профессиональная лексика структурирует его опыт и конечные цели, создавая ментальные модели отраслевой картины мира, которая прослеживается в лексико-тематических группах.

Особое значение в профессиональной сфере деятельности отводится человеку, выполняющему определенное действие. Тематическая группа наименований представителей профессии имеет достаточно разветвленную структуру, элементы которой тщательно конкретизируют наименования.

В основе таких названий может находиться указание на отношение к объекту действия (*котовщик* – сапожник, делающий коты, *витушник* – торговец витушками, калачами; *зверятник* – охотник), на выполняемое действие (*бойник* – работник на промысловом судне, бьющий гарпуном рыбу или морского зверя, *кروحий* – закройщик обуви, *бралец* – покупатель, *гулебщик* – охотник); на характер действия лица (*дорогунья* – торговка, продающая товар по высокой цене; *бродильщик* – охотник, который прокладывает дорогу, *загрёбочник* – человек, сгребаящий сено), на иерархические отношения (*башлык* – старший во время ловли рыбы, *вожатель* – вожак, *котляничик* – член артели); на место действия (*лесовщик* – охотник); на время действия, если это имеет значение в данной отрасли (*летняк* – рыбак, промысляющий летом, *весновальщик* – охотник на морского зверя, промысляющий весной); на отношение к действию, производимому лицом (*биток*, *битей* – хороший охотник; *мазло* – плохой охотник).

Все слова, называющие лицо, за исключением последней подгруппы наименований, представляют собой номинативные единицы, которые дают конкретную и емкую информацию о профессиональной деятельности человека. Подгруппа названий, содержащих указание на отношение к выполняемому действию, предполагает выражение оценки, которая материализуется при помощи аффиксов.

Немаловажную роль в производственном процессе играют орудия труда. Большое количество профессионализмов этой группы представлено отглагольными существительными, указывающими на действие, совершаемое предметом: *затягальник*, *каток*, *кроельница* (сапож.); *защепка*, *дотыкальница* (ткач.); *брудовка*, *бухало* (живот.); *обдеруха*, *огребалка*, *грядило*, *держален*, *дергалка* (землед.), *задача* (торг.) и другие.

В некоторых профессиональных сферах существует множество разновидностей орудий производства, каждое из которых имеет свое название. Наиболее многочисленны подгруппы наименований орудий труда в рыболовецкой и охотничьей профессиональной лексике. В рыболовецкой лексике выделяются названия снастей (*адур*, *иски*, *клон*); сетей, неводов (*матник*, *пайка*, *палёвка*); приспособлений для запугивания рыбы (*батауха*, *балда*); поплавков (*бальеры*, *балаболка*, *кабелёк*); живой приманки (*бармаш*, *бормоши*, *зарыба*); лодок (*багровуша*, *голубятница*, *облас*, *двувеселка*).

В профессиональной лексике охотников тематическая группа наименований орудий труда подразделяется на 14 подгрупп. Названия ловушек делятся на наименования ловушек на малого зверя (*копцы*, *ибечна*, *кулёма*, *пастушка*) и наименования ловушек на крупных зверей (*волковия* – на волка; *избушка*, *заседа*, *кулема*, *кабара*, *коуга* – на медведя), а также названия ловушек на птиц (*оклад*, *короб*). Большое количество названий капканов и их деталей (*залезы*, *насторожка*, *кляпун*, *ибальджа*, *лук*, *игла*); сетей (*кулуп*, *колуп*); устройств для засады (*арева*, *вылки*, *люлька*, *одёр*, *закрад*, *дрец*); чучел и дудочек для приманивания (*вабок*, *горловинка*, *манок*, *мангин*, *манишка*). Значительна по своему объёму подгруппа наименований оружия охотников, которая подраз-

деляется на а) названия огнестрельного оружия – ружья (*зажигалка, орудина, оружа, оружейко*) и их разновидности (*однопулек, кавалека, игольчатка, большепуля*) и б) названия холодного оружия – ножи (*копье, заложник, вития*); гарпуны, колья, трезубцы (*кольё, зазубра*); палки, используемые как оружие (*каёк, кичкора*). Остальные подгруппы состоят из названий мелких приспособлений для профессиональной деятельности (*мазничка* – жестянка для смазки оружия, *матка* – компас, *конёк* – станок для ружья); средств передвижения (*ламбы, камаёк* – лыжи; *копылки* – сани); снаряжения (*аряможи, батола, батары, калаут, корчаки, лузан, лузей, однометин, омчуры*) и другие.

Тематическая группа наименований процессов производства включает в себя глаголы и отглагольные существительные без коннотаций: *засапожничать, катовальничать, лапотничество, окублучка* (сапож.); *бойка, вскок, выпряг, выберезь, гоньба, издой* (животн.); *болванить, ботать, будетенить, выкатка, вытронуться, забусеть* (хлебоп.); *лешить, лущить, зазначать, лопатить, жатьё, загрёбка, измолье* (землед.); *выголяться, выпродавать, картошничать, крамарство* (торг.); *зверованье, биевани, высмотр, беспромыслица* (охотн.) и другие.

Группа наименований места трудовой деятельности так же, как большинство профессионализмов в говорах, имеют мотивирующую основу глагола (*застой, затон* – место, где много рыбы у рыболовов; *буян* – торговая площадь; места расположения животных: *валище, впуск, выпуск, выгон, загонка, загорода, кабанник, кадра* в животноводстве; *паханина, выгородь, залёжка* в земледелии) или существительного (*вольница* – место свободной торговли; *косый* – торговый ряд, где продаются косы в торговле, *жерденики, жеребятник, кабанятник* у животноводов и т.п.).

Лексико-тематическая группа наименований сырья и материалов выделяется не во всех трудовых сферах: в рыболовной, охотничьей, торговой сырье для производства отсутствует. В животноводстве к данной группе можно отнести названия корма животных (*вых, забед*). Земледельческие культуры могут выступать одновременно и сырьем и продуктом труда (*ивановка, гирька, оудь, огелье*). Значительна по объему эта группа наименований в хлебопекарном производстве (*бурдук, варенец, восьмипятка, выть, dospешек, dospешник, дранина, заварник*).

Самая многочисленная тематическая группа включает наименования результата трудовой деятельности и продуктов производства. Результатом трудовой деятельности в торговле являются товар или прибыль: *достача* – покупка, накопление; *выбой* – плохой товар, оставшийся непроданным; *завалка* – товар, вышедший из моды, нераспроданный; *выкид* – товар, который должен быть выброшен из-за непригодности; *бакладной* – пушной товар. У охотников продуктом профессиональной деятельности являются промысловые животные: *гирько, голубец, дачет, зыряния, осенчук, осенчуй, пакость*; а также шкура и мех животных: *барловина* – осенняя лучшая шкура дикой козы, *вёшница* – шкура зверя, убитого ранней весной; *выходка* – первосортная шкура.

В рыболовной отрасли продуктом производства выступает рыба: *залёдка, налима, налимина*.

В сапожном деле – обувь: *выхоры, кеньги, крапошки, насувень, обувенка, обувина, обувница, обужоночка, обуйка, обутки, обуточек, опорки, ошлёпок, пагольджи, паголёшки, пантофли*; которая подразделяется на наименования

различных видов: женская обувь (*валётки, камашки, пантуфельки, пантюни*); сапоги (*аланчики, ботины, ботали, бродаки, бродни, бутылы, вильчуры, жимы, камасницы, кеньги, лаковки, натяжни, обрезки*); галоши (*ботика, ботики, боты, калочки*); валенки (*валеницы, валенухи, валешки, валёники, валики, камашники, панчоха*); башмаки (*башмок, башмочки, босовики, босовички, ботины, насовыши, насовышни*); лапти (*архипцы, годаки, девятерик, колманы, коверзни, лапотень, лапотёк, лапотники, лапотки, лапотонцы, лапотушечки, нагини*) и т.д.

В ткаческом и портновском, в хлебопекарном деле и животноводстве данная группа наименований наиболее многочисленна. В ткачестве и портновском деле продуктом производства является одежда и ее элементы: *добричка, добро, дуручка, заботка, заставье, затрапез, исподочка, исподник, исподка, испод, косимка, косиночка, косица, косичок, косник, косочек, кофтёнка, кофтёшка, кофтик, кофтонька, кофтя, кургузик, колокол, колбаска, колелюга, надева, надевашка, наплечничек, наплечник, наплечка, наплека, нарядочка, нарядка, лохман, одинчик, одирушка* и др.

Многообразны продукты и их названия в хлебопекарном производстве: *алябушки, алялюшка, алякушки, балабка, бабышка, бабака, бяшка, буханок, бубенчики, блёздинка, барабышка, барабашка, балябыш, баландыш, балабашка, балабышка, балабушка, балабошка, балабочка, винтиклюшки, вздыхальник, воробьи, глупыш, горбыль, гороховик, гороховичок, жарёха, жаренцы, жареньки, загибина, загибешка, загибенья, загибаник, загибальник, житнуха, житник, жарочки* и др.

В животноводстве животные являются одновременно и объектом трудовой деятельности, и продуктом производства, поэтому наименования их поместим в данной ЛТГ: *авко, буланчик, барун, баринька, бараш, бараниха, бонюмка, борша, бодун, бодучка, бодуля, болдырь, болдырка, борафейко, борей, боровчок, боровчаниха, боронка, брыкуха, бурёшка, бучень, бынька, быняк, бычуша, бяшутка, верблюдка, вторька, вторёха, втореня, воротеюшка, воронуха, воронкворонке, воронице, воронюшко, воротеюшко, выбережек*,

Последняя лексико-тематическая группа интересна тем, что, в отличие от всех остальных тематических групп, в ней находятся слова с эмоционально-оценочным значением. Вербальное выражение эмоций позволяет по-новому взглянуть на семантические характеристики языковых единиц в их эмоционально-оценочной функции. Исследование коннотаций в сфере профессиональной лексики представляется особенно актуальным и с теоретической и с практической стороны. А.А. Леонтьев замечает, что в значениях языковых единиц представлена «идеальная форма существования предметного мира, его свойств и отношений, раскрытых совокупной общественной практикой» [1]. В структуре языкового знака эмоции относятся к коннотациям и на языковом уровне «трансформируются в эмотивность» [2]. Именно эмоционально-оценочная окраска позволяет раскрыть духовный мир человека, основывающийся на системе его жизненных ценностей.

Все лексико-тематические группы профессиональных наименований в говорах содержат преимущественно слова, имеющие только денотативное значение, передавая логическую информацию о профессиональной действительности. Последняя тематическая группа профессионализмов включает в себя как номинативные, так и эмоционально-оценочные слова. Причем наибольшее ко-

личество коннотативных сем находятся в наименованиях лишь трех отраслей: ткачество, животноводство и хлебопекарное дело. (В сапожном деле присутствуют эмоционально окрашенные слова, но в меньшей степени). Все эти отрасли связаны с тем, что человек производит непосредственно руками, вблизи от дома или в самом доме. В названных профессиональных сферах нет оппозиции «свой-чужой», как у охотников и рыбаков: «дом – лес», «дом – река, море», «безопасность – опасность», «мир человека – мир дикой природы» и т. п., или у торговцев: «дом – базар, лавка», «продавец – покупатель» и т.п.

Ткацкий станок располагался обычно при доме, производили одежду, не выходя из дома. Одежда защищала человека, поэтому отношение к ней было бережным, благоговейным. Это объясняет множественность ласкательных сем в значении профессиональных названий, касающихся одежды человека.

К хлебу на Руси всегда было особое отношение: хлеб – всему голова. Словарь русских народных говоров демонстрирует огромное количество названий изделий из муки, отраженное в профессионализмах. Абсолютное большинство данных наименований имеет эмоционально-оценочную окраску, причем положительную, обычно, уменьшительно-ласкательную, которая показывает важность места, которое занимает хлеб и его производство в жизни русского человека.

Не меньшую роль в жизнедеятельности русского народа играют домашние животные, выступающие кормильцами семьи. В названиях скота также много слов с ласкательными семами. Интересно, что иногда отрицательная оценка значения корня в таких наименованиях закрывается уменьшительно-ласкательным значением суффикса и слово приобретает положительную оценку, как, например, в словах: *бодуля, бякушка*.

Исследование профессионализмов из русских говоров в лексико-тематических группах показывает, насколько серьезным являлось отношение к профессиональной деятельности человека по тщательно выбираемым наименованиям, структурирующим все действия, процессы и объекты этой деятельности. Выявление коннотаций в профессиональной лексике позволило определить место конкретных трудовых сфер в жизни народа.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Леонтьев А.А. Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания. – М., 1969. – С. 156.

2. Шаховский В.И. Эмотивный компонент значения и методы его описания. – Волгоград, 1983. – С. 7.

М. А. Фокина

СЮЖЕТООБРАЗУЮЩЕЕ ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ФРАЗЕОЛОГИИ В ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНОМ ДИСКУРСЕ

В статье выявлена роль устойчивых оборотов в построении сюжета произведения: они связывают события, составляющие единое последовательное действие, друг с другом. Показано, что особенности функционирования фразеологизмов обусловлены типологией нарратива и моделями сюжетосложения.

M.A. Fokina

STORY-FORMING FUNCTIONING OF PHRASEOLOGY IN THE NARRATIVE DISCOURSE

The article represents the role of stable constructions in forming the plot of the work: they put events together in the single narrative action. The article shows that the peculiarities of functioning of phraseology are determined by typology of narrative and models of story-forming.

Структура и семантика повествовательного дискурса разноаспектно рассматриваются в современных исследованиях отечественных и зарубежных филологов [1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8 и др.]. В этих работах характеризуется смысловая многомерность понятия *повествование (нарратив)*, которое трактуется учёными неоднозначно. Большинство исследователей обращает внимание на то, что в повествовательном тексте осуществляется развитие действия в пространстве и времени. К текстовым универсалиям литературного нарратива относятся лексика и фразеология с процессуальной и пространственно-временной семантикой.

Фразеологические единицы (ФЕ) организуют повествование как в пределах целого текста, так и в отдельных эпизодах произведения, являющихся ключевыми фрагментами развития действия, стержневыми составляющими сюжетных линий. Устойчивые обороты участвуют в создании событийных рядов, обеспечивающих последовательность элементов сюжета: экспозиции, завязки, кульминации, развязки. Доминантные фразеологические конфигурации семантически связаны с предшествующими или последующими текстовыми фрагментами, которые в совокупности способствуют интеграции общего смысла целого текста. Сюжетообразующая роль ФЕ проявляется в динамике развертывания проспективно-ретроспективных взаимодействий лексико-фразеологических компонентов в составе текстовых парадигм, представляющих панораму событий и эксплицирующих смысловую структуру повествования. Использование ФЕ обусловлено сюжетно-композиционными особенностями произведения: в авторском повествовании преобладают устойчивые обороты с процессуальной семантикой, которые способствуют продвижению действия во времени и пространстве, обеспечивают развитие характеров персонажей; фразеологические повторы объединяют несколько отдельных эпизодов или глав и разные сюжетные линии героев в общую повествовательную ткань.

Рассмотрим одну из кульминационных глав рассказа Н.С. Лескова «Павлин» (1874). В третьеличном повествовании рассказывается о молодой женщине Любе, жене пожилого швейцара Павлина в богатом доме. Пренебрегая нравственными принципами, Люба становится любовницей сына хозяйки, блистает в полусвете, имея репутацию дамы сомнительного поведения: *Санки, на которых спускалась добродетель Любы, раскатились быстро книзу* (ср. с узуальной ФЕ *катиться вниз* разг. ‘опускаться в нравственном, моральном и т.п. отношении’; дефиниции ФЕ здесь и далее приводятся по словарю: ФСР-ЛЯ) [9]. Анализируемая глава построена на использовании фразеологических повторов, создающих картину окружающей пошлости, фальши, обмана, неестественной игры, что неминуемо приводит героиню к моральному падению:

«В полусвете страсти кишат и пылают часто гораздо сильнее, чем в свете, и наша Швейцарка увлеклась своей новой жизнью и *играла видную роль* в своей среде.

<...> Она любила этого мальчишку и понимала, что ему недостает... женщины, которою он мог бы щеголять, как щеголяют подобными женщинами другие, и Люба *выступила на путь состязаний* в полусвете <...> Додичке не приходилось краснеть за Любу: она сразу же *вошла в свою роль* и исполняла ее с таким апломбом, что *самые кровные морские львицы французской породы* должны были признать полный успех за *madame Paulin*. И была *своя пора, свое время*, что этим славным именем дышала вся атмосфера, окружающая известные кружки *золотой молодежи* <...>

Между тем успех Любы усиливался, темная слава ее росла; она уже не только *заняла весьма видное место*, но даже господствовала и царила в полусвете <...> но Люба была клад не купленный: она любила Додю и тем окончательно *сбила* его *с толку*. Он возмечтал о себе так высоко, что *не умел сочинить себе цены*, и возмнил, что для любой женщины нет человека его драгоценнее. Этим воспользовалась дышавшая на Любу зависть и злоба соперниц по полусвету: зазнавшегося Додичку коварно приласкали и усыпили в коварных объятиях, и потом все это *вывели наружу*. Люба была уязвлена в самое сердце и стала мстить равнодушием. А между тем, пока она *вела эту игру*, Додичку *трясли за карман*, и *трясли* так немилосердно и ловко, что он *не успел оглянуться*, как погряз в самых запутанных долгах <...>

Между тем в это время *с глаз Павлина начала опускаться завеса* <...> Павлин напряг ум и зрение, чтобы проникнуть, что за сокровенная, но злая скорбь мутит его жену?.. Он смекнул: не обидел ли его жену *monsieur Woldemar*? и *сердце* его *упало* в груди и *заныло*. В этом расстройстве он вдруг *лицом к лицу* столкнулся с бледным и расстроенным Додичкой, который возвращался откуда-то домой, что называется, *не имея на себе зрака человеческого*.

Павлин, встретив молодого человека и приняв брошенную им шинель, покачал вслед ему укоризненно головою и только что обернулся... как почувствовал бесцеремонный и тяжеловесный удар по плечу: он оглянулся и увидел двух полицейских и одного плац-майора <...>

Павлин было попытался сказать что-то в защиту своего жилища, но едва он вымолвил одно слово, как пристав ударил его по шляпе и крикнул:

- Что, у тебя шляпа к башке приросла, или ты боишься *рога* показать?
- *Рога!* – молвил растерянный Павлин.
- Да, *рога, рога*, – отвечал ему развязный офицер. – А ты, *пестрый дурак*,

еще не знал до сих пор, что у тебя есть *рога*? Поклонись же за них своей миленькой жене и поцелуй у нее ручку, которая так ловко в чужие комоды ходит...

Павлин более ничего не слушал и не понимал: *с него было много* и того, что *звучало в его ушах*: «*рога* и комоды».

«Что сделала Люба? Что она могла сделать такого, за что бы ее обыскивали и, наконец... арестовали?»

Да, ее арестовали, и притом не одну, а вместе с Додичкой, только с той разницею, что Додю повезли куда-то в карете, а ее квартирный увел в часть пешком с солдатом» [10].

Рассматриваемая глава обладает большой степенью плотности текста по насыщенности ФЕ, которые участвуют в организации повествования. Содержание главы можно условно разделить на две смысловые части: 1) успехи Любы в полусвете и ее разочарование в Доде; 2) потрясение Павлина и драматическая развязка. Доминантами первой части являются процессуальные ФЕ с общими компонентами, последовательно характеризующие поведение молодой содержанки, сумевшей привлечь внимание общества и стать заметной фигурой полусвета: *играла видную роль* (*играть роль* 'иметь какое-либо значение в чем-либо'); *выступила на путь состязаний* (*вступить на путь* (чего) книжн. 'начать какую-либо деятельность или начать вести какой-либо образ жизни'); *вошла в роль*; *заняла весьма видное место* (*занять место* разг. 'заменить кого-либо'); *вела игру*. Последовательность расположения перечисленных ФЕ и их грамматические признаки формируют повествовательную структуру первой части главы. В качестве зачина используется ФЕ *играла видную роль* в самом первом предложении анализируемого фрагмента: с этого устойчивого оборота начинается рассказ о Любе, его глагольный компонент стоит в форме несовершенного вида, что усиливает семантику незавершенности действия, так как смысл ФЕ затем конкретизируется, раскрывается в ходе дальнейшего повествования. Последующие ФЕ образуют единство видо-временных форм стержневых глаголов, употребленных уже в совершенном виде прошедшего времени (*выступила – вошла – заняла*). Если ФЕ *выступила на путь состязаний* имеет семантику начала процесса, то финальный оборот *вела игру* подводит итог порочного образа жизни, приведшего к обману и воровству. Смысловыми коррелятами рассматриваемых ФЕ являются элементы контекстного окружения, усиливающие интенсивность действия, нарастание напряженности, что свойственно кульминационным фрагментам: *успех Любы усиливался, темная слава ее росла; она уже не только заняла весьма видное место, но даже господствовала и царила в полусвете*. Создается восходящий градационный ряд, одной из центральных составляющих которого является ФЕ *заняла весьма видное место*. Происходит расширение ее компонентного состава, что также усиливает, интенсифицирует процессуальный признак. Фразеологические синонимы с общим субститутивным компонентом *играла видную роль, заняла весьма видное место* являются средством межфразовой когезии, связывая зачин и кульминацию фрагмента в общей структуре нарратива.

В собственно авторское повествование от 3 лица включены также элементы описания, характеризующие полусвет: *самые кровные морские львицы французской породы* (ср. с узуальной ФЕ *светская львица* 'пользующаяся успехом и влиянием в высшем свете женщина'); *известные кружки золотой молодежи* (*золотая молодежь* 'презрительное название бездельничающего, прожигаю-

щего жизнь молодого поколения элитных слоев общества'). Фразеологически-ми средствами здесь выражена авторская негативная позиция по отношению к полусветскому обществу. Трансформированный оборот *самые кровные морские львицы французской породы* передает реалии изображаемого времени, является конситуативным культурным комментарием писателя, адресованным читателю его эпохи. Ср. с фрагментами предшествующей главы: «иностранные дамы из «морских» и в те времена обходились так дорого»; «он... хотел обнаружить покровительственные права на какую-нибудь женщину, которая была бы не хуже других за веселым столом у любого из «морских» рестораторов» [11]. Здесь «морские» женщины – это дамы полусвета. Лесков называет их так потому, что самые известные рестораны, которые они посещали, находились тогда на Большой Морской улице в Петербурге. Продажность «морских» дам охарактеризована в тексте ФЕ *трясли за карман* (*трясти карман* прост. 'заставлять, принуждать кого-либо тратить деньги'): *Додичку трясли за карман, и трясли так немилосердно и ловко, что он не успел оглянуться, как погряз в самых запутанных долгах*. Происходит смысловое выделение глагольного компонента *трясли*, что способствует созданию ощущения стремительности и интенсивности действия в процессе семантического взаимодействия этого стержневого глагола с его коррелятами: ФЕ *не успел оглянуться* (*оглянуться не успел* разг. 'быстро и незаметно (случилось, произошло что-либо)'); глаголом *погряз* (*погрязнуть* перен. 'оказавшись в каком-либо трудном, неприятном, предосудительном положении, не найти сил, возможности выйти из него'); словосочетанием с прилагательным в превосходной степени *в самых запутанных делах*. Анализируемое высказывание в структуре нарратива обладает динамикой видо-временных форм: *трясли (за карман)* несов. вида; *не успел (оглянуться)* сов. вида; *погряз* сов. вида.

Вторая часть рассматриваемой главы повествует о последующих событиях, которые представлены через восприятие Павлина, мужа Любы. Герой узнает об измене жены, испытывает сильное эмоциональное потрясение в результате обнаружившегося обмана. Его психологическое состояние передано фразеологическим рядом, создающим драматизм повествования: *сердце его упало в груди и заныло* (узуальные ФЕ *сердце упало* разг. 'кто-либо чувствует уныние, тоску, тревогу'; *сердце заныло* разг. 'кто-либо испытывает гнетущую тоску, душевную боль, волнение, потрясение; у кого-либо тяжело на душе'); *с него было много и того, что звучало в его ушах* (узуальные ФЕ *будет с него* прост. 'довольно, достаточно, хватит'; *звучит в ушах* 'сохраняется в памяти, не забывается что-либо'). Эти обороты создают эмоциональную тональность текста за счет последовательного нагнетания тревожных чувств персонажа, что служит более глубокому раскрытию семантики препозитивного ключевого фразеологизма, являющегося смысловой доминантой эпизода: *с глаз Павлина начала опускаться завеса* (ср. с узуальной ФЕ *словно пелена спала с глаз* разг. 'стало ясным, понятным то, что раньше было или представлялось кому-либо неясным'). Фрагмент развязки этого эпизода в самом финале главы содержит диалогическое единство – разговор Павлина с полицейским приставом, который грубо-фамильярно называет его *пестрым дураком* (ср. с ФЕ *набитый дурак* грубо-прост. 'предельно глуп; тупица, олух'), имея в виду его разноцветную швейцарскую ливрею. Диалог насыщен лексическим повтором фразеологического компонента *рога*. В тексте присутствует аллюзия: автор ис-

пользует известный фразеологический образ для характеристики супружеской неверности (*наставлять рога* ирон. ‘сожительствуя с другим мужчиной, изменять мужу’). Речевое поведение пристава приближает описанные события к логическому завершению, приводит к драматической развязке. Обширные фразеологические средства, участвующие в развертывании сюжетной схемы текста, отражают специфику нарративной техники писателя, мастерски владеющего языковыми механизмами создания динамики действия.

Таким образом, фразеологические единицы являются важным языковым средством организации художественного текста, они участвуют в сюжетопостроении произведения: связывают событийные ряды, составляющие единое последовательное действие. Особенности функционирования устойчивых оборотов в повествовательном дискурсе обусловлены типологией нарратива и моделями сюжетосложения. Выявление роли фразеологизмов в структуре повествования необходимо для более глубокой и объективной интерпретации текста.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика / пер. с фр., сост., общ. ред. и вступ. ст. П.К. Косикова. – М., 1994. – 616 с.

2. Гончарова Е.А. Особенности референциальной структуры субъекта повествовательной речи в эпических текстах от первого лица // Текстовый и синтаксический уровни стилистического анализа: межвузовский сборник научных трудов. – Л., 1989. – С. 41-52.

3. Женетт Ж. Повествовательный дискурс // Женетт Ж. Фигуры. В 2-х томах. Том 2. – М., 1998. – С. 60-280.

4. Кожевникова Н.А. О соотношении типов повествования в художественных текстах // Вопросы языкознания. – 1985. – № 4. – С. 104-114.

5. Николина Н.А. Филологический анализ текста. – М., 2003. – 256 с.

6. Падучева Е.В. Семантика нарратива // Падучева Е.В. Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке). – М., 1996. – С. 195-418.

7. Попова Е.А. Коммуникативные аспекты литературного нарратива. Липецк, 2001. – 268 с.

8. Шмид В. Нарратология. – М., 2003. – 312 с.

9. Фразеологический словарь русского литературного языка: в 2-х томах / сост. А.И. Фёдоров. – М., 1997 (ФСРЛЯ).

10. Лесков Н.С. Собрание сочинений в 5 томах. – М., 1981. – Т. 4. – С. 221-222.

11. Лесков Н.С. – Т. 4. – С. 213.

ПУБЛИКАЦИИ АСПИРАНТОВ

Е.П. Волкова

ОСОБЕННОСТИ ВЫРАЖЕНИЯ МОДАЛЬНОГО ЗНАЧЕНИЯ НЕОБДУМАННОСТИ ДЕЙСТВИЯ В КОНСТРУКЦИЯХ С ИНФИНИТИВОМ

Выделяются семантические разновидности модального значения необдуманности действия. Приводится описание структурных особенностей каждого семантического типа. Рассматриваются модальные глаголы, выражающие значение необдуманности.

Volkova E. P.

PECULIARITIES OF THE EXPRESSION OF THE MODAL MEANING OF THE RASH ACTION IN THE CONSTRUCTIONS WITH THE INFINITIVE.

The semantic varieties of the modal meaning of the rash action are distinguished. The structural peculiarities of each semantic type are described. The modal verbs which express the meaning of the rashness are considered.

Необдуманное действие – это нецеленаправленное действие, не соответствующее чьим-либо желаниям, интересам; оно нецелесообразно с точки зрения его полезности, логичности, уместности в определённой ситуации, а также действие, противоречащее этическим нормам и приводящее к нежелательному результату.

Основным средством, выражающим модальное значение необдуманности, являются модальные глаголы, которые в сочетании с инфинитивом представляют «модальность, включённую в форму предиката» [1]. Модальные глаголы *вздумать*, *вздуматься*, *дёрнуть*, *нести* и *разнести* составляют лексическую основу семантического поля необдуманности. Они эксплицитно выражают значение необдуманности и являются широко употребительными. На периферии данного поля оказывается глагол *ухитриться* (*ухитряться*), который имплицитно выражает указанное значение и не является частотным.

Глаголы *вздумать*, *вздуматься*, *дёрнуть*, *ухитриться* (*ухитряться*), *нести*, *разнести* выступают в функции вспомогательного компонента главного члена, или предиката, в конструкциях с семантикой необдуманности. Задача вспомогательного компонента сводится к выражению синтаксических значений времени, модальности в объективном аспекте и (реже) персональности (при форме настоящего или будущего времени, а также повелительного наклонения). Но главное назначение модального глагола – быть носителем семантики предикатной модальности. К перечисленным глаголам примыкает инфинитив, который (если является субъектным) конкретизирует действие и одновременно обозначает его результат – иными словами, репрезентирует вещественное значение главного члена.

В модальном значении необдуманности действия можно выделить семантические разновидности, выражаемые отдельными конструкциями. Для выражения семантических типов модального значения необдуманности действия важное значение имеют следующие моменты: 1) каков субъект действия: агенс или неопределённый деятель; 2) присутствует ли объект, на который направлено действие; 3) насколько неосознанно выполнено необдуманное действие; 4) каковы последствия этого действия. Каждый семантический тип данного значения имеет свои структурные особенности. На основании этих показателей в значении необдуманности выделяются такие семантические разновидности и представляющие их конструкции:

1. 1. Выражение отношения к необдуманному действию, осуществлённому или осуществляемому безотносительно к воле и желанию субъекта:

– **дательный субъекта действия + модальный глагол + субъектный инфинитив**. Приведём примеры: *Жалко было видеть, какая участь постигала ту несчастную [гончую], которой вздумалось отстать* (Л. Толстой).

В данном контексте представлено безличное предложение, в котором местоимение в форме дательного падежа, выступающее в функции семантического субъекта, указывает на то, что действие совершено неосознанно.

В приведенном нами примере модальный глагол *вздумалось* выражает сочувственное отношение к необдуманному действию, которое привело к печальным последствиям только для самого субъекта. Это отношение подчёркивается лексемами, передающими сочувствие, нелепость и нежелательные последствия выполненного действия: *жалко; несчастную; участь постигала*.

Рассмотрим ещё один пример: *Ямщику вздумалось ехать рекою, что должно было сократить нам путь тремя верстами. Берега были занесены; ямщик проехал мимо того места, где выезжали на дорогу, и таким образом очутились мы в незнакомой стороне* (А. Пушкин).

В этой конструкции глагол *вздумалось* указывает на отрицательное отношение к необдуманному действию, в результате осуществления которого обнаружилось негативные последствия не только для субъекта. Лексемы *занесены; очутились; в незнакомой стороне*, показывающие, к какому печальному результату привело нежелательное действие, выступают экспликаторами данного значения.

В «Словаре русского языка» под редакцией А.П. Евгеньевой (МАС) толкование модального глагола *вздуматься* представлено так: ‘Разг. Прийти на мысль, захотеться’ [2]. Сравним: *Когда Алексей учился на втором курсе университета, ему вздумалось заняться подводным плаванием*. В отличие от приведённых выше примеров в данной конструкции модальный глагол выражает значение желательности, так как нет лексем, указывающих на негативные последствия выполненного действия.

Для данного модального глагола характерно употребление с субъектным инфинитивом. Субъектный инфинитив выступает как «приглагольный инфинитив, относящийся к тому же субъекту действия, что и подчиняющий глагол» [3] и конкретизирует, какое необдуманное действие неосознанно совершено субъектом.

1. 2. Выражение отрицательного отношения к необдуманному (нелепому, ненужному) действию, преднамеренно совершённое или совершаемое субъектом:

– **имплицитно-эксплицитный субъект оценочного отношения (эмотивный) + модальный глагол + описательный предикат + творительный объекта оценки:** *Только я-то себя не прощаю, что вздумала связать судьбу свою с таким ничтожеством, как вы* (А. Островский).

В данном сложноподчинённом предложении придаточная часть соотносится с неполным двусоставным предложением с пропущенным подлежащим. По главной предикативной единице можно определить семантику определённого лица – первого, то есть имплицитно-эксплицитного субъекта оценочного отношения.

Модальный глагол *вздумала* выражает отрицательное отношение к необдуманному действию, которое привело к печальным последствиям. Описательный предикат указывает на состояние субъекта.

Семантический объект *с ничтожеством* является носителем негативной оценки состояния субъекта;

– **именительный субъекта действия + модальный глагол + субъектный инфинитив.** Например: *Мишель был большой охотник до лошадей. Он вздумал сам объезжать молодого рысака. Тот понёс, начал бить и выбросил его из саней...* (И. Тургенев).

В роли субъекта выступает действитель, или агенс [4], который преднамеренно совершает нелепое действие. Модальный глагол *вздумать* в данной конструкции выражает отрицательное отношение к необдуманному и ненужному действию. Значение необдуманности подчёркивается актуализаторами, показывающими нелепость или ненужность действия, а также негативные последствия, обнаружившиеся после его совершения: *понёс; начал бить; выбросил его из саней.*

В МАС даётся такое толкование модального глагола *вздумать*: ‘Разг. Неожиданно задумать, пожелать или решить что-либо сделать’ [5]. Рассмотрим пример: *Не зная наконец, чем расшевелить её, я вздумал рассказать ей моё вчерашнее приключение. Она выслушала меня до конца с видимым любопытством...* (И. Тургенев).

В данной конструкции глагол *вздумать* оформляет модальное значение желательности. Неожиданно задуманное действие привело к благоприятным последствиям. Лексемы *выслушала меня до конца; с видимым любопытством* указывают на одобрение выполняемого действия;

– **модальный глагол + именительный – каузатор действия + объектный инфинитив.** Пример: *Дёрнет же нечистая сила потаскаться по такой вьюге!* (Н. Гоголь).

В данном примере «есть грамматическое подлежащее, но нет определённости деятеля» [6]. По нашему мнению, мифическое существо выступает в этой конструкции каузатором действия. Модальный глагол *дёрнуть* всегда имеет негативную коннотацию и выражает отрицательное отношение к ненужному действию. МАС даёт следующее толкование этого глагола: ‘Дёрнула (дёрнет) кого и чёрт (или нелёгкая и т.п.) дёрнул (дёрнет) кого сделать что (прост.) – о том, чего не следовало делать, что сделано напрасно или неуместно’ [7].

Объектный инфинитив – «инфинитив, указывающий на действие другого лица, чем то, к которому относится подчиняющий глагол» [8], – конкретизирует, какое необдуманное действие совершено субъектом;

– **винительный субъекта действия + именительный – каузатор действия + модальный глагол + объектный инфинитив.** Приведём примеры: *Хотя, ко-*

нечно, он [Акакий Акакиевич] знал, что за Петровичем водилась блажь заломить вдруг чёрт знает какую непомерную цену, так что уж, бывало, сама жена не могла удержаться, чтобы не вскрикнуть: «Что ты с ума сходишь, дурак такой! В другой раз ни за что возьмёт работать, а теперь разнесла его нелегкая запросить такую цену, какой и сам не стоит» (Н. Гоголь); Зурин слушал меня с большим вниманием. Когда я кончил, он покачал головою и сказал: «Всё это, брат, хорошо; одно нехорошо: зачем тебя чёрт несёт жениться?» (А. Пушкин).

В конструкциях данного типа грамматическое подлежащее и семантический субъект не совпадают. Ситуация представлена от субъекта к каузатору действия. Субъект частично возлагает вину за необдуманное действие на «неведомую силу», которая побудила его к осуществлению действия. Мы вслед за Т. И. Стексовой считаем слова типа *чёрт, нелёгкая, нечистая сила* квазисубъектами, не имеющими под собой реального денотата [9].

1. 3. Выражение негативного отношения к необдуманному (непозволительному, недопустимому) действию с этической точки зрения:

– **именительный субъекта действия + модальный глагол + субъектный инфинитив**. Рассмотрим примеры: *Уже добрались до тамбура, до межвагонного перехода, а кто-то ухитрился наложить в вагонную печку* (А. Приставкин); *После обеда философ был совершенно в духе. Он успел обходить всё селение, перезнакомиться почти со всеми; из двух хат его даже выгнали; одна смазливая молодкахватила его порядочно лопатой по спине, когда он вздумал было пощупать и полюбопытствовать, из какой материи у неё была сорочка и плахта* (Н. Гоголь).

В приведенных нами примерах субъектом является лицо (определённое *он* и неопределённое *кто-то*), совершившее действие, противоречащее этическим нормам.

Отрицательное отношение к недопустимому действию оформляется при помощи модальных глаголов *вздумать* и *ухитриться (ухитряться)*, а также актуализаторов, усиливающих данное отношение: *в вагонную печку; лопатой по спине*.

Модальная семантика глагола *ухитриться (ухитряться)* в МАС представлена так: «Разг. Проявив ловкость, умение и т.п., оказаться в силах, в состоянии сделать что-либо; умудриться, изловчиться» [10]. Например:

Приёмник берегли. [...] Но я при отсутствии взрослых, ясное дело, забирался на спинку дивана и ухитрялся крутить маленькую ручку, лоя эфир (А. Приставкин). В данной конструкции с модальным значением **возможности** этот глагол выражает способность агенса совершить действие, проявляя ловкость, умение. На это модальное значение также указывает лексема *маленькую ручку*;

– **именительный субъекта действия + модальный глагол + винительный прямого объекта + субъектный инфинитив**. Пример: *Я терпеть не могу лакейского круга: всегда развалится в передней и хоть бы головою потрудился кивнуть. Этого мало: один раз одна из этих бестий вздумала меня, не вставая с места, потчевать табаком. Да знаешь ли ты, глупый холоп, что я чиновник, я благородного происхождения* (Н. Гоголь).

В данном примере в функции семантического субъекта выступает имя существительное, обозначающее активного деятеля.

В этой конструкции обязательно наличие объекта, уточняющего, почему действие недопустимо с точки зрения этики.

Лексемы *развалится в передней; не вставая с места* усиливают негативное отношение.

1. 4. Выражение неодобрительного отношения к необдуманному (ненужному) действию или состоянию в данной ситуации:

– **именительный субъекта действия + модальный глагол + винительный прямого объекта + субъектный инфинитив.**

Рассмотрим примеры:

– *Кто ж тебя из кучеров разжаловал?*

– *А новая барыня.*

– *Какая барыня?*

– *А что нас-то купила. Вы не изволите знать: Алёна Тимофеевна, толстая такая... немолодая.*

– *С чего ж она вздумала тебя в рыболовы произвести?* (И. Тургенев).

В данной конструкции субъектом является активно действующее лицо.

Семантический объект указывает на ненужность действия в определённой ситуации.

Значение необдуманности, ненужности действия определяется при помощи актуализатора, показывающего, при каких обстоятельствах данное действие кажется странным и вызывает неодобрительное отношение: *из кучеров разжаловал;*

– **имплицитно-эксплицитный субъект эмоционального отношения-состояния (эмотивный) + модальный глагол + субъектный инфинитив.**

Уж ведь совсем убитый хожу, а тут ещё дурь в голову лезет! Ну, к чему пристало! мне ли уж нежности заводить? Загнан, забит, а тут ещё сдуру-то влюбляться вздумал. Да в кого! В женщину, с которой даже и поговорить-то никогда не удастся (А. Островский);

– **имплицитно-эксплицитный субъект действия и восприятия + модальный глагол + субъектный инфинитив.** Пример: *Сержусь-то я на самого себя; сам я кругом виноват. <...> Грех попугал: вздумал забрести к дьячихе, повидаться с кумою. Так-то: зашёл к куме, да засел в тюрьме. Беда да и только!..* (А. Пушкин).

В первом контексте представлено определённо-личное предложение с главным членом *хожу убитый*, во втором контексте – двусоставное предложение с подлежащим *я* и сказуемым *сержусь-то*; вторые предложения обоих контекстов – неполные двусоставные, с пропущенными подлежащими, сказуемые – составные глагольные *вздумал влюбляться* и *вздумал забрести, повидаться*. По первым предложениям первого и второго контекстов можно судить о семантике определённого лица – первого, то есть имплицитно-эксплицитного субъекта эмоционального отношения-состояния и субъекта действия и восприятия (в отличие от субъекта действия и восприятия субъект отношения-состояния не представлен отдельным словом – существительным или местоимением, а передается окончанием – *у*).

Субъектный инфинитив *влюбляться* выражает эмоциональное отношение, инфинитив *забрести* – действие субъекта, *повидаться* – восприятие субъекта; модальный глагол *вздумать* указывает на ненужность такого отношения, действия и восприятия при определённых условиях: *поговорить-то никогда не удастся; зашёл к куме, да засел в тюрьме.*

Актуализаторы *дурь в голову лезет; грех попутал; беда да и только* подчёркивают необдуманность состояния, действия и восприятия.

Итак, нами выделено четыре семантических типа конструкций со значением необдуманности действия. Как показали наблюдения, каждой семантической разновидности данного значения присущи свои структурные особенности: облигаторными компонентами являются **модальный глагол + субъектный или объектный инфинитив**; семантический субъект не всегда может быть определён; употребление объекта в конструкциях с указанным значением не носит обязательного характера: объект оценки иногда встречается в конструкциях, выражающих отрицательное отношение к необдуманному действию, преднамеренно совершённому субъектом; прямой объект, как правило, присутствует в конструкциях со значением негативного отношения к необдуманному действию с этической точки зрения и редко – со значением ненужности действия в данной ситуации.

Самыми частотными, по нашим наблюдениям, модальными глаголами, выражающими значение необдуманности, являются глаголы *вздуматься, вздумать*. Эти глаголы также могут выражать значение желательности при отсутствии лексических показателей необдуманности. За ними следуют модальные глаголы *дёрнуть, разнести, нести*, которые употребляются только в конструкциях со значением необдуманности. Глагол *ухитриться (ухитряться)* редко употребляется в конструкциях со значением необдуманности, а чаще – в конструкциях со значением возможности. Важную роль в разграничении этих значений играют лексические показатели.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Виноградов В. В. О категории модальности и модальных словах в русском языке / Избранные труды. Исследования по русской грамматике. – М., 1975. – С. 67.

2. МАС – Словарь русского языка: В 4-х тт. / Под ред. А. П. Евгеньевой. – Т. 1. – М., 1999. – С. 167.

3. Розенталь Д. Э. Справочник по русскому языку. Словарь лингвистических терминов. – М., 2003. – С. 153.

4. См.: Касаткин Л. Л., Клобуков Е. В., Лекант П. А. Современный русский язык: Словарь-справочник. – М., 2004. – С. 212, 213.

5. МАС. – С. 167.

6. Бабайцева В. В. Система односоставных предложений в современном русском языке. – М., 2004. – С. 219.

7. МАС. – С. 391.

8. Розенталь Д. Э. Указ. соч. – С. 153.

9. Стексова Т. И. 'Невольность осуществления' как скрытая семантическая категория и её проявление. – Новосибирск, 1998. – С. 70.

10. МАС. – Т. 4. – С. 539.

СПЕЦИФИКА СОВРЕМЕННОГО МОЛОДЕЖНОГО СЛЕНГА

В статье сленг представлен как жаргон, употребление которого не замыкается в пределах отдельной социальной группы. Отмечена характерная словесная игра, служащая постоянным источником обогащения сленговой лексики.

G.O. Kiparisov, I.V. Popov

SPECIFICITY OF MODERN SLANG

In the article slang is presented as the jargon the use of which is not limited by separate social groups. Authors mention the specific word play which is a constant source of enrichment of slang.

Многие исследователи уже уделяли свое внимание вопросам происхождения и развития сленга. Но изучение данной проблемы до сих пор не утратило своей актуальности, так как сленгу, в отличие от многих других пластов лексики, присуща быстрая динамика обновления. Ни один современный школьник не поймет или поймет неправильно язык своих сверстников конца 80-х годов. С каждым годом интерес к этому явлению заметно растет, что обусловлено проникновением его в разные сферы жизни.

Сленг (от англ. *Slang*): *s* (sub) – приставка, указывающая на второстепенность, непервоочередность; *lang* (language) – язык, речь. Таким образом, *slang* – вспомогательный, другой вариант языка – набор особых слов или новых значений уже существующих слов, употребляемых в определенных объединениях людей.

В последние годы словарный состав сленга резко изменился. Обусловлено это прежде всего изменением социально-политической обстановки. Усилилось влияние американского городского сленга; резко увеличилось количество арготизмов; активно развились профессиональные жаргоны (например, жаргон программистов); в молодежный язык вошло такое явление, как жаргон наркоманов.

В истории русского языка XX века имели место четыре заметных изменения молодежного сленга, три из которых связаны с арготизацией лексики [1]: первый этап – 20-е-30-е годы; второй – 50-е-60-е годы и третий – начало девяностых годов. Кроме того, на 70-е – 80-е годы приходится изменение, связанное с появлением сленговых слов английского происхождения. В конце девяностых годов этот процесс пошел на спад, и на сегодняшний день в молодежном сленге преобладает арготическая лексика. Нами отмечена такая тенденция: англицизмы подвергаются словообразованию по русской модели (продуктивное сочетание английских основ с русскими аффиксами). Например, от английского сленгового *cool* (прохладный в литературном языке, хороший, приятный, крутой в сленге) образовано наречие *кульно* с тем же сленговым значением. Английское *baby* (малыш, дитя) в русском сленге трансформируется в *бэбик* с тем же значением. Слова *юзать*, *поюзанный* (использовать, использованный), употребляемые программистами, восходят к английскому *to use* – использовать. *Бёздник* – ‘день рождения’ образовано от английского *birthday*.

Отмечается и прямое заимствование иноязычных слов: *ниггер* (негр) от англ. пренебрежительного *nigger*; *фазер* (отец) от англ. *father*; *пэренты* (родители) от англ. *parents*.

При заимствовании отмечается калькирование. Известно сленговое выражение программистов *пнуть* – передать какую-либо информацию по сети Интернет или локальной сети. В то же время в английском отмечается глагол *to boot* с тем же прямым и переносным значениями, что и у глагола *пнуть*. В жаргоне футболистов существует слово *чистильщик* – ‘защитник, исправляющий ошибки партнеров’. В английском футбольном жаргоне мы находим лексему *cleaner* с аналогичным значением. Немецкому арготическому *schissen* – ‘воровать’ (в литературном языке ‘стрелять’) соответствует русское арготическое *стрелять*, приобретающее в сленге значение ‘просить, выпрашивать’.

Однако большую часть лексики современного молодежного сленга составляют заимствования из профессиональных жаргонов и арго. Использование нами этих понятий требует их разграничения: под арго понимается язык преступного мира, развившийся из тайных языков и сохраняющий какую-то долю засекреченности и по сей день. Значительная часть арготической лексики восходит к языку волжских разбойников, сформированному в семнадцатом веке [2]. Арго, прежде всего, условный язык, целью которого было сделать недоступной для окружающих передаваемую информацию, однако это назначение арго впоследствии было утрачено, эмоциональность лексики выдвинулась на первый план. В исследованиях прежних лет тайность арго не подвергалась сомнению, за исключением нескольких работ [3]. В начале девяностых годов взгляд на эту проблему был во многом пересмотрен.

Жаргон мы определяем как язык относительно замкнутой социальной группы. Например, можно выделить жаргон туристов (характерны жаргонизмы: *кильнуть* – ‘перевернуть сплавное средство’; *шмотник* – ‘рюкзак’; *мартышка* или *огурец* – ‘пассажир’; *заброска* – ‘выход на маршрут’; *бульник* – ‘камень на веревке’ и т.д.); жаргон военных (*негр* – ‘инженер саперной роты’; *дизель* – ‘дисциплинарный батальон’; *черпак* – ‘солдат, прослуживший год в армии’; *дембель* – ‘солдат до демобилизации которого осталось 100 дней или уже демобилизованный’; *дух* – ‘новобранец’ и т.д.); жаргон музыкантов (*ящик* – ‘фортепиано’; *консерва* – ‘консерватория’; *джазуха* – ‘джаз’; *бузить* – ‘играть блюз’; *репа* – ‘репетиция’; *кухня* – ‘ударная установка’; *электруха* – ‘электрогитара’ и т.д.); жаргон наркоманов (*баян* – ‘шприц’; *гер*, *генрих*, *герыч* – ‘героин’; *колеса* – ‘наркотик в таблетке’; *приход* – ‘проявление действия наркотического вещества’ и т.д.). Жаргон не является тайным языком. Экспрессивная лексика жаргона выражает настроения и чувства членов социальной группы.

Под сленгом мы понимаем интержаргон, то есть жаргон, употребление которого не замыкается в пределах отдельной социальной группы. Он соединяет в себе элементы всех жаргонов, арго и просторечия (характерны лексемы: *тусовка* – ‘собрание людей, вечеринка’; *комок* – ‘торговая палатка’; *баксы* – ‘доллары США’; *лимон* – ‘миллион’; *фараон* или *мент* – ‘милиционер’; *стучать* – ‘доносить на кого-либо’; *бычок* – ‘окурок’ и т.д.). Многие сленговые слова постепенно входят в просторечную лексику и далее в литературный язык (например, слова *темнить*, *стрелять*, *отсебятина*, *халтура*, *шпаргалка* и др.) [4].

Исходя из всего вышесказанного, мы делаем ряд выводов о взаимодействии арго и жаргона. Лексика тайных языков и арго осваивается представителями различных социальных и профессиональных групп, формируя таким образом жаргоны. Эти жаргоны взаимодействуют между собой и создают сленг. Мы проанализировали лексику современного молодежного сленга по характеру экспрессивной окраски и сопоставили результаты с таким же анализом, проведенным в 1976 году [5]. Оказалось, что для сленговой лексики последних лет характерен меньший процент пейоративных действий и состояний (30% в 1976 году и 10% в 2007 году). В то же время процент мелиоративных и нейтральных действий, а также слов, обозначающих лица, остался прежним (15 и 20% соответственно). Мы видим здесь свидетельство ослабления влияния арго на сленг за последнее 30 – 40 лет. Для арго в целом характерна ярко отрицательная окраска большей части означаемых в лексике. «Арго есть явление своеобразного мироощущения. Произнося арготическое слово, человек символизирует свою нечувствительность к враждебным и неприятным действиям. Цель арго – высмеять враждебную стихию», – писал Д.С. Лихачев [6]. Цель же сленга – яркое, экспрессивное изображение действительности.

Жаргонные слова зачастую выражают понятия, свойственные только данной социальной группе, и вместе с тем в жаргонах существуют слова, выражающие понятия, свойственные обществу в целом. В первом случае мы отмечаем примеры из жаргона программистов: *винды* – ‘программы windows’, *винт* – ‘жёсткий диск компьютера’, *лазарь* – ‘лазерный принтер’, *мать* – ‘материнская плата компьютера’ и т. д.; из жаргона туристов: *морковка* – ‘спасательный конец’, *крокодил* – ‘трехместная байдарка ‘Таймень’, *трамвай* – ‘скала в русле реки’, *маршрутка* – ‘маршрутная книжка’; из жаргона наркоманов: *Шурик* – ‘коробочка для хранения наркотика’, *корабль* – ‘коробок наркотика анаша’, *винт* – ‘особо сваренный наркотик, не имеющий языкового названия’ и т. д. Подобные случаи мы находим и в арго: *Байкал* – ‘слабозаваренный чай’, *чифир* – ‘очень крепкий чай’, *goneц* – ‘доставщик наркотических веществ’, *скрипка* – ‘ножовочное полотно’ и т. д.

Ни одна из лексем не находит точного соответствия в литературном языке, и для толкования того или иного понятия приходится пользоваться перифразами. Такое явление можно сравнить с непереводаемыми оборотами в иностранных языках. Так, в английском языке существует оборот *there is*, который не находит соответствия в русском и не может быть буквально переведён. Такие слова и определяют устойчивость жаргонной лексики в языке, а иначе бы лексика жаргонов менялась бы с катастрофической быстротой. Это положение может также служить основанием для разграничения сленга и жаргона, так как сленгу не свойственны узкоспециальные понятия.

Лексика сленга характеризуется обилием слов, выражающих категорию состояния. Понятия, выраженные в литературном языке лексемами ‘хорошо’, ‘здорово’ находят соответствия в сленге: *маза*, *фишка*, *круто*, *клёво*, *улёт*, *чума*, *шиза*, *бест*. Все эти слова имеют мелиоративный оттенок значения. Кроме того, мы сталкиваемся с противоположным явлением: слова *вешалка*, *жара*, *дрова*, *отстой*, *облом*, *аут*, *край*, *финиш* несут пейоративный оттенок значения. Мы причисляем эти слова к категории состояния на основании того, что в предложении они выступают в функции сказуемого (Ср.: Это такая *чума!* – Это так здорово!); могут выражать душевное состояние человека (Ср.: Нам было *клёво!* – Нам было хорошо!); имеют способность сочетаться со связкой (см. пре-

дыдущий пример). *Посмотри, какая фишка!* В данном контексте слово ‘фишка’ указывает на предмет. В диалоге: *Сегодня дают стипендию – Фишка!* В этом контексте слово ‘фишка’ отражает состояние говорящего и может быть сопоставлено, например, со словом *здорово*. Аналогичный пример: *Компьютер – это маза!* Слово ‘маза’ обозначает предмет и может изменяться по падежам: *Я не знаю этой мазы*.

Интересно также наличие в лексике слов категории состояния в застывших глагольных формах: *плющит, втыкает, колбасит, крутит, прет, ломает, торкает*. Они употребляются только в форме 3-его лица ед. числа. Значение этих слов отражает состояние человека, однако варьируется в зависимости от ситуации. Например, слово ‘плющит’ отражает лишь пейоративное состояние: у меня сегодня температура. *Меня плющит*. Что именно происходит с человеком, из такой фразы не ясно, однако носитель лексики сленга поймет, что речь идет о каком-либо крайне плохом состоянии. Напротив, слово ‘прет’ отражает только мелиоративное состояние: *такая хорошая погода! Меня прет!* Мы делаем вывод, что перечисленные глагольные формы отражают только одобрение или неодобрение, но не называют конкретных состояний.

Слова, соотносимые нами с категорией состояния в сленге, требуют особого внимания исследователей, так как они почти не изучались.

Относительно словообразования в сленге мы хотим отметить два распространенных явления: фонетической мимикрии и аббревиации конца слова. Для первого случая характерны следующие примеры: *толя* – ‘телефон’, *лазарь* – ‘лазерный принтер’, *клава* – ‘клавиатура’, *степь* – ‘стипендия’; а также топонимы: *Кощеево* – (район) Канищево, *Глиствянка* – (река) Листвянка и т. д. При подобном способе словообразования наблюдается действие закона аналогий. Во втором случае отмечаются слова *бутер* – ‘бутерброд’, *баскет* – ‘баскетбол’, *гаш* – ‘гашиш’, *комп* – ‘компьютер’ и т. д. Приведенные лексемы иллюстрируют действие закона экономии. Кроме того, встречаются слова, при образовании которых сочетается действие обоих этих законов: *сэм* – ‘самогон’, *контра* – ‘контролер’, *мать* – ‘материнская плата’.

В заключение мы хотим заметить, что для любого жаргона или сленга характерна словесная игра. Именно она служит постоянным источником обогащения сленговой лексики. Функционирующие в сленге лексемы по мере употребления утрачивают экспрессивную окраску и заменяются новыми словами сходной семантики.

Мы осветили ряд вопросов изучения сленга и хотели бы обратить внимание в будущих исследованиях на такие аспекты, как словообразование, этимологию жаргонизмов. Также требует более подробного освещения категория состояния в сленге. Большой интерес может представлять изучение взаимодействия различных жаргонов и влияния на них иностранных языков.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Грачев М. А. Арготизмы в молодежном жаргоне // Русский язык в школе. – 1996. – № 1.

2. Скворцов Л.И. Литературный язык, просторечие и жаргоны в их взаимодействии // Литературная норма и просторечие. – М., 1977.

3. Одна из ранних работ, отрицающих ‘тайность’ аргос – статья Лихачева Д.С. Черты первобытного примитивизма в воровской речи. – М., 1935.

4. Скворцов Л.И. Указ. соч.
5. Копыленко М.М. О семантической природе молодежного жаргона // Социально-лингвистические исследования. – М., 1976.
6. Лихачев Д.С. Арготические слова профессиональной речи // Развитие грамматики и лексики современного русского языка. – М., 1965.

С. А. Муранова

ИНТЕНЦИОНАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ И МОДАЛЬНОСТЬ ТЕКСТА «ОБЩЕВОИНСКИХ УСТАВОВ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

В статье отмечена целесообразность выделения набора интенций автора «Общевоинских уставов ВС РФ»: инструкция, требование, приказ, рекомендация, предписание.

S.A. Muranova

INTERNATIONAL ORGANIZATION AND MODALITY OF TEXT OF
“GENERAL REGULATIONS OF RUSSIAN ARMED FORCES”

The article shows the reasonability of indicating of the set of author's intensions in “General regulations of Russian Armed Forces”: instruction, demand, order, recommendation, direction.

Данная статья посвящена проблеме интенциональной организации текста «Общевоинских уставов ВС РФ». Актуальность данной темы обусловлена обращением коммуникативно-прагматических принципов к тексту военного делового документа, что позволит раскрыть смысловую природу фрагментов устава с позиций интенциональных значений и смыслов.

Понятие речевой интенции было введено последователями Дж. Остина (Т. Н. Ушакова [1], Г. В. Колшанский, О. Г. Почепцов [2], И. П. Сусов и др.) с целью уточнения его идей относительно иллокутивного уровня анализа речевого акта. Вопрос о речевых интенциях говорящего – один из центральных в теории общения. Речевые интенции, или коммуникативные намерения говорящего, – особые психические состояния мотива и цели совершить практическое или ментальное действие с помощью такого инструмента, как язык/речь/произнесение высказывания: советовать, благодарить и мн.др. Таким образом, интенция – это побудительная сила реализовать коммуникативное намерение и одновременно психический денотат значения высказывания [3].

Цель настоящей статьи – выявить основные интенции автора и охарактеризовать основную модальность исследуемого текста.

Говоря об интенциях, организующих тот или иной текст/дискурс, нельзя не охарактеризовать адресанта речи. Устав – это организационно-деловой жанр военной официально-деловой речи, поэтому субъект речи максимально обобщен и лишен каких-либо личностных характеристик. Все его интенции и действия являются выражением воли Государства. Как правило, устав составляется коллективом, состоящим из представителей Министерства обороны, то есть перед нами обобщенный коллективный автор, который находится в позиции непререкаемого авторитета, что свидетельствует об асимметричной ситуации общения [4].

Цель автора устава – регламентирование жизни и службы военнослужащих. Избранный жанр и стиль речи предписывает данному автору учесть все возможные ситуации и описать их по отношению к каждому в отдельности и ко всем военнослужащим вместе взятым. На первый взгляд кажется, что ос-

новой интенцией автора подобного текста может быть только приказ. Однако это не так.

В состав «Общевоинских уставов ВС РФ» входят четыре устава: «Устав внутренней службы ВС РФ», «Дисциплинарный устав ВС РФ», «Устав гарнизонной и караульной служб ВС РФ» и «Строевой устав ВС РФ». Все перечисленные уставы различаются своей интенциональной организацией.

Основной интенцией «Строевого устава» мы считаем интенцию инструктирования, так как цель автора здесь – проинструктировать военнослужащих о требованиях, предъявляемых к строевым приемам, к движению без оружия и с оружием, к строю подразделений и воинских частей в пешем порядке и на машинах, к порядку выполнения воинского приветствия и т.п. [5]. Например: *Для переползания на боку лечь на левый бок; подтянув вперед левую ногу, согнутую в колене, опереться на предплечье левой руки, правой ногой упереться каблук в землю как можно ближе к себе; разгибая правую ногу, передвинуть тело вперед, не изменяя положения левой ноги, после чего продолжать движение в том же порядке [5: 470].* Следует отметить, что данная интенция в тексте подкрепляется рисунками для наиболее точного исполнения движений.

Интенция инструктирования предопределяет модальную тональность данного устава. Здесь мы можем говорить об обертоне («дополнительный тон, придающий основному особый оттенок» [6]) модальности долженствования «инструкция», отличительной чертой которого на уровне языкового воплощения является использование инфинитива в функции императива. Кроме того, этот обертон предполагает, что действия выполняются военнослужащим (военнослужащими) только в определенно строгой последовательности.

Цель автора «Устава гарнизонной и караульной служб ВС РФ» – дать распоряжения по поводу порядка и несения гарнизонной и караульной служб. Основу данного текста составляет перечисление должностных лиц гарнизона и караула и их обязанностей. Такое содержание предопределяет наличие у автора интенции требования (распоряжение, выраженное в категорической форме). Однако в данном случае одной интенции не достаточно: здесь важно не только потребовать исполнения какого-либо действия, но и добиться того, чтобы это требование и обязательность его выполнения были осознаны адресатом, то есть интенция требования должна трансформироваться в интенцию приказа, что на грамматическом уровне проявляется как переход от предиката «глагол в форме настоящего предписания» к предикату «обязан + инф.». Например: *Дежурный по караулам обязан: прибыть в назначенное время к военному коменданту гарнизона, предъявить предписание о назначении дежурным по караулам, получить записки со старыми и новыми паролями и необходимые указания [5: 272].* Заметим, что такая трансформация интенций требования и приказа характерна для всех случаев описания обязанностей должностных лиц.

Цель «Устава внутренней службы ВС РФ» – определить общие права и обязанности военнослужащих и взаимоотношения между ними, обязанности основных должностных лиц полка и его подразделений, а также правила внутреннего порядка [5: 4]. Такая цель предусматривает появление нескольких интенций. Кроме требования, переходящего в приказ (при описании обязанностей должностных лиц), в данном уставе мы находим интенцию рекомендации, которая появляется при описании прав военнослужащих, их общения и поведения во внеслужебное время, при описании содержания помещений. Следует отметить, что данная интенция по степени интенсивности менее кате-

горична, чем требование или приказ, поскольку при выполнении указываемых действий часто нужно учитывать какие-либо дополнительные обстоятельства: *Военнослужащие при исполнении обязанностей военной службы, а при необходимости и во внеслужебное время имеют право на хранение, ношение, применение и использование оружия* [5: 11].

Здесь мы видим обертон модальности долженствования «рекомендация», языковыми средствами выражения которого являются модальные компоненты «может», «имеет право», «пользуется правом», «вправе + инф.».

Кроме того, можно говорить и о наличии здесь интенции предписания, целью автора в данном случае являются указания по размещению военнослужащих, распределению времени и повседневного порядка, подъему по тревоге, описанию мероприятий по сохранению и укреплению здоровья военнослужащих.

Следует заметить, что обертон модальности долженствования «предписание» занимает промежуточное положение между достаточно нейтральными (указание и рекомендация) и крайне жесткими (требование, приказ), что обуславливает наибольшее количество ситуаций с использованием модальности предписания. Типичным языковым средством выражения предписания в текстах Устава являются формы настоящего времени глаголов.

И, наконец, «Дисциплинарный устав ВС РФ» определяет сущность воинской дисциплины, обязанности военнослужащих по ее соблюдению, виды поощрений и дисциплинарных взысканий [5: 198]. Здесь мы можем говорить о двух интенциях автора – это обещание и угроза. Интенция обещания появляется при описании и перечислении поощрений, применяемых к военнослужащим. Заметим, что эта интенция является неинтенсивной в своем языковом проявлении: в данном случае на уровне грамматики отмечены предикаты, выраженные только глаголами в форме настоящего предписания: *Поощрение – награждение личной фотографией военнослужащего, снятого при развернутом Боевом Знамени воинской части (Военно-морском флаге), – применяется в отношении солдат, матросов, сержантов и старшин* [5: 209].

Интенция угрозы выявлена нами в тексте устава при описании взысканий, налагаемых на военнослужащих. Данная интенция более интенсивна и, видимо, более важна для автора устава, нежели обещание, поскольку здесь мы видим не только перечисление взысканий (например: *На солдат и матросов могут налагаться следующие взыскания: а) выговор; б) строгий выговор ...*), но и те проступки, за которые они могут быть наложены на военнослужащего: *На прапорщиков, мичманов и офицеров, состоящих в запасе и находящихся в отставке, в случае нарушения ими воинской дисциплины, общественного порядка или совершения проступков, порочащих воинскую честь и достоинство воинского звания, при ношении военной формы одежды могут быть наложены дисциплинарные взыскания: выговор и строгий выговор* [5: 219].

Здесь следует отметить также графическое оформление: каждое действие, за которое налагается взыскание, выделено отдельным абзацем и сопровождается символом – буквой:

Начальники гарнизонов, старшие морские начальники и военные коменданты гарнизонов имеют право налагать дисциплинарные взыскания на военнослужащих гарнизона или на временно остановившихся в гарнизоне в следующих случаях:

а) когда проступок касается нарушений правил несения гарнизонной или караульной службы;

б) когда совершено нарушение воинской дисциплины или общественного порядка вне расположения воинской части;

в) когда проступок совершен при нахождении в отпуске, командировке или при содержании на гарнизонной гауптвахте [5: 218].

Что касается обещаний, то есть поощрений, применяемых к военнослужащим, то адресант только перечисляет их, не давая никакого комментария, по какому поводу то или иное поощрение может быть применено к военнослужащему.

К солдатам, матросам, сержантам и старшинам применяются следующие поощрения:

а) снятие ранее наложенного дисциплинарного взыскания;

б) объявление благодарности... [5: 204].

Заметим, что даже перечисление поощрений может происходить с помощью упоминания взысканий: *Военнослужащий, имеющий дисциплинарное взыскание, поощряется снятием ранее наложенного взыскания* [5: 208]. В данном уставе нами отмечен один обертон модальности долженствования – «рекомендация», отличительные черты которого описаны выше.

Таким образом, проанализировав «Общевоинские уставы ВС РФ», мы пришли к выводу, что целесообразно говорить о наборе интенций. Это инструкция, требование, приказ, рекомендация, предписание. Данные интенции мы можем охарактеризовать (вслед за классификацией Н. И. Формановской [7]) как открытые, нейтральные по отношению к адресату, практические. Интенции обещания и угрозы также определяются как открытые, практические, но обещание выражает речевое действие в пользу адресата, а угроза – речевое действие против адресата.

Итак, можно отметить достаточно широкий диапазон авторских интенций названных документов, которые влияют на выбор обертона общей модальности данных текстов.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Ушакова Т.Н. Психология речи и психолингвистика в институте психологии РАН // Психологический журнал. – 2001. – №5. – С. 47-54.

2. Почепцов Г.Г. Фатическая метакоммуникация // Семантика и прагматика синтаксических единств: Межвузовский тематический сборник. – Калинин, 1981. – С. 52-60; Почепцов О.Г. Теория коммуникации. – М., 2003. – 256 с.

3. Формановская Н.И. Коммуникативная лингвистика – коммуникативной методике // Материалы Международной научно-практической конференции «Мотинские чтения» «Профессионально-педагогические традиции в преподавании русского языка как иностранного. Язык – речь – специальность». Ч.1. – М., 2005. – С. 373-380.

4. Крысин Л.П. Социоллингвистические аспекты изучения современного русского языка. – М., 1989. – 199 с.

5. Общевоинские уставы Вооруженных Сил Российской Федерации. – М., 1994. – 526 с.

6. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – М., 1996. – 928 с.

7. Формановская Н.И. Речевое общение: коммуникативно-прагматический подход. – М., 2002. – 216 с.

М. В. Одинцова

ЛЕКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА НОМИНАЦИИ ЗАПАХА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ И.А. БУНИНА

Рассматриваются модели номинации запаховых ощущений на материале поэзии 1886-1917 годов И.А. Бунина. Уточняется для конкретного идиолекта система предпочтительных средств и способов номинации обонятельных ощущений. Характеризуется конструкция с глаголом и именем существительным в творительном падеже как характерная для писателя (веет черемухой, ноет свежестью), раскрывается мысль о ее важности для передачи ольфакторных ощущений в текстах И.А. Бунина.

M.V. Odintsova

LEXICAL MEANS OF SCENT NOMINATION IN WORKS OF I.A. BUNIN

Models of scent perception nomination in Bunin's poetry of 1886-1917 are under study. The system of preferred means and methods of scent perception nomination for a certain idiolect is being defined. The word group «Verb + Noun in Instrumental Case» (veyet cheremukhoy, noyet svezhestyu) is described as being characteristic for Bunin's idiosyle, and is analysed as being very important for the representation of olfactor perceptions in Bunin's texts.

Существуют некие национально-культурные стереотипы (в большинстве случаев они интернациональны), которые можно назвать точкой отсчета в «распознании» того или иного ощущения; И.Г. Рузин подробно рассматривает эталоны ощущений [1]. Эталон может быть задан самой внутренней формой слова: *лимонный цвет, атласная бумага, хвойный запах*, он может находиться «вне слова»: *черный* – «цвет угля», *кислый* – «вкус лимона» и т.д. С эталонами сочетаются ощущения разных модальностей: цветовые, световые (*солнечный, фосфорический*), тактильные (*ледяной, бархатистый*), вкусовые (*яблочный, кофейный*), обонятельные (*хвойный, лимонный*), звуковые (*барабанный, лающий*). Интересны случаи, когда ощущения разных модальностей определяются общим эталоном: *лимонный цвет, вкус, запах*.

В научной литературе отмечается, что для обозначения обонятельных ощущений используются:

- прилагательные, включающие «эталон» в свою словообразовательную структуру: *пахучий, дымный*;
- сравнительный оборот: *запах, как в людской*;
- конструкция с родительным падежом: *запах листьев*.

Считаем необходимым дополнить этот перечень, по итогам работы с поэтическими текстами И. А. Бунина, которые явились материалом для нашего исследования, таким положением: глагол, содержащий сему 'запах', с творительным падежом существительного, называющего источник запаха (*веет хлебом, потянуло дымом*). Наша цель – выявить средства номинации запаха (запахов) в поэтических текстах этого автора. Чтобы доказать, что данной конструкции более характерна номинативная функция, анализу подвергаются лирические произведения, так как в них преобладает описание, а следовательно,

статика, роль номинации главная.

Г.А. Золотова на основании учета конкретно-типového значения субъекта-предиката (S-P) и компонентного состава предложений выделяет несколько моделей, последовательность которых отражает снижение активности воспринимающего и усиление активности воспринимаемого. Так, указывается, что в модели $Pers/N_4 + V_r + Q/N_5$ и $Pers/N_4 + V_4 \mp Q/N_1$ лицо, воспринимающее запах «становится объектом сильного воздействия интенсивного запаха» [2]. В случае речевой невыраженности позиции воспринимающего субъекта в конструкции остается минимальное ядро для выражения значения запаха: $V_r + Q/N_5$ (кроме конструкций с глаголами-спецификаторами). Ср. у И. А. Бунина: *На рассвете в долинах теплом и черемухой вьет*, / *Соловьи до рассвета поют* («Все темней и кудрявей березовый лес зеленеет...») и *Тихо в темном поле, сладко пахнет клевер*, / *Над землю брезжит слабый полусвет* («Отошли закаты на далекий север...»).

Л. Б. Крюкова, рассматривая лексические средства выражения предикативного компонента в высказываниях о восприятии запаха, отмечает, что в группе глаголов со значением «издавать запах» всегда находится квалификатор запаха, «в большинстве случаев выраженный существительным в творительном падеже» [3]. В поэтическом творчестве И. Бунина 1886-1917-х годов нами выделено 92 контекста с глаголами, содержащими сему 'запах', из них 64 – с квалификацией запаха именем существительным в творительном падеже.

Запах по своей природе растянут во времени: «он не возникает мгновенно и мгновенно не исчезает (если только это появление / исчезновение не обусловлено устранением / внесением препятствий для восприятия)», как пишет И. Г. Рузин [4], который также отмечает, что в сфере «Запах» употребление совершенного вида глагола, имеющего значение однократности или результата прекратившегося действия, невозможно в силу чисто семантических (онтологических) ограничений. Мы принимаем тонкое указание этого ученого на то, что в данном модусе есть исключение – глагол *пахнуть* со значением «обдать струей воздуха, тела, запаха», то есть указывающий на возможность моментального, одномоментного действия, «атомарного» проявления запаха. У И. А. Бунина находим: *Садом и рекою / В окно пахнуло...* («Наследство»). Констатируем, что соответствующие производные слова с приставками в рассматриваемом материале немногочисленны. Так, из выделенных контекстов только в двух использован глагол *пахнуть*, еще два производных выявлено с приставкой *за-* (*Запахли медом ржи*, / *На солнце бархатом пшеницы отливают*, / *И в зелени ветвей, в березах у межи*, / *Беспечно иволги болтают...* («Как дымкой даль полей закрыв на полчаса...»)) и три с приставкой *по-* (*И от зари, из-за аллея*, / *Повеял чистый, легкий ветер / Весенней свежестью полей* («Затрепетали звезды в небе...»)). Эти префиксы имеют значение 'начинательности', не формируют в контексте значения 'одномоментности' или 'прекращения действия'.

Несовершенный вид имеет значение актуальности – некоторое действие или состояние актуально, наличествует в данный момент времени. Это используется автором: *Навис потолок, обвалились углы*, / *Повсюду скрипят под ногами полы / И пахнет печами...* («...И снилось мне, что осенней порой...»).

Особенно заметна данная черта в конструкциях с глаголами-спецификаторами. Г. А. Золотова выделяет только один глагол-спецификатор (*экспозитивный глагол* – Рузин И. Г.) в одорической (ольфакторной) лексике – *пахнуть*, так как его значение включает в себя и сему 'запах', и сему 'распространения' и, следовательно, сему 'восприятия запаха'. См.: «ПАХНУТЬ, пахну, пахнешь, прош. пахнул, -а, и пахла, несов. 1. Издавать какой-н. запах. || безл., чем. Чувствуется, слышен запах чего-н., какой-н.» (ТСУ) [5]. Например: *С поля пахло рожью и дождем, / Ночь была душиста и прохладна* («Нынче ночью кто-то долго пел...»).

Глагол *вонять* Г. А. Золотова считает сходным с *пахнуть* по комбинаторным свойствам. Ср.: «ВОНЯТЬ, воняю, воняешь, несов. 1. (сов. нет) чем и без доп. Издавать дурной, неприятный запах (разг.)» (ТСУ). В стихах И.А. Бунина 1886-1917 гг. мы не отметили ни одного употребления данного глагола. Остальные глаголы, по мнению ученого, заключают в себе только сему 'движение' [6].

Л.М. Васильев называет больший круг глаголов, объединенных значением «издавать запах»: *пахнуть, благоухать, ударять в нос, вонять, разить, смердеть* и под. [7]. И.Г. Рузин круг основных глаголов определяет так: *благоухать, вонять, смердеть, пахнуть* [8].

Наше исследование показало, что глагол *смердеть* («СМЕРДЕТЬ, смержу (редко), смердишь. несов. (книжн. ритор. или ирон., иногда бран.). Испускать зловоние, быть смрадным, вонючим. || безл. Дурно пахнет» – ТСУ), как и *вонять*, отсутствует в лирике И. А. Бунина анализируемого периода.

Напротив, глагол *благоухать* («БЛАГОУХАТЬ, благоухаю, благоухаешь, несов. (книжн.). Приятно пахнуть, распространять аромат» – ТСУ) используется в лирических произведениях 7 раз без квалификатора: *Как нежно сад благоухает!* («Ночь наступила, день угас...»), а также дважды – с квалификатором в творительном падеже: *Осенней свежестью, листвою и плодами / Благоухает сад* («Плеяды»).

Рассмотрим контексты, в которых использованы «не собственно субъективные атрибуты модуса запах» (Рузин И. Г.). Так, в стихотворениях 1986-1917 гг. использованы следующие глаголы: *дышать* (9) [9], *веять* (8), *тянуть* (5), *ныть* (1).

Глагол *веять* со значением «движение запаха в пространстве» не имеет зафиксированного словарями значения, которое бы четко выражало сему 'запах'. См.: «ВЕЯТЬ, вею, веешь, несов. 1. чем. Махать, приводя в движение воздух (устар.). 3. без доп. Дуть (о ветре). 5. безл., чем. Дуть, обдавать дуновением» (ТСУ). У И. А. Бунина выявляем: *На рассвете в долинах теплом и черемухой веет, / Соловьи до рассвета поют* («Все темней и кудрявей березовый лес зеленеет...»). Существительное *черемуха* тоже не называет прямо запаха, но именуется предмет, обладающий свойством его издавать: «ЧЕРЁМУХА, черёмухи, ж. Дерево с белыми душистыми цветами и черными ягодами, вяжущими на вкус» (ТСУ). На это указывает определение *душистый* (о цветах черемухи).

Подчеркнем, что сочетание глагола, относящегося к лексике чувственного восприятия, и имени существительного, называющего предмет, которому присущ специфический запах, обостряет внимание к обонятельному ощущению, доносившему текстом: *Теплом и гнилью веет.* («Багряная печальная луна...»). Характер запаха помогает передать лексема *гниль* – имя существительное на-

зывает предмет, который обладает сильным запахом, и читатель воспринимает этот одорический образ в зависимости от жизненного опыта, развития ассоциативного мышления. Ср.: *В колодце гниль и грязь* («Имру-уль-кайс») – здесь тоже И. А. Бунин использует слово *гниль*, но оно не называет тип запаха – неприятного. Такие лексемы принадлежат периферии поля «Запах». Для актуализации семы 'запах' оказывается необходимым и глагол, и предмет-квалификатор. Это отражают и другие поэтические контексты: *Померкнули в лесу кресты монастыря, / Оттуда по Оке пахучим дымом тянет...* («Разлив»). Глагол *тянуть* называет движение, имя существительное *дым* – «Летучие продукты горения с мелкими летящими частицами угля». Имя прилагательное *пахучий* усложняет уже названный запах.

Отмечаем неповторимые бунинские словоупотребления: *За рекой луга зазеленели, Ноем легкой свежестью воды* («За рекой луга зазеленели...»). Глагол *ныть* относится к группе «глаголов слуха», но сочетание с существительным *свежестью* («СВЕЖЕСТЬ, свежести, мн. нет, ж. 2. Прохлада, чистый, холодноватый воздух» – ТСУ) позволяет автору использовать его для характеристики других ощущений. Предложение безличное (речь идет о пассивном, произвольном восприятии), у глагола появляется новое, окказиональное управление *ныть чем?* (формой творительного падежа – по моделям *пахнет чем?, вьет чем?, тянет чем?, дышит чем?*, где такое управление традиционно). В этом индивидуально-авторском словосочетании, писатель, по причине бедности узувального круга одорической лексики, расширяет узувальные способы обозначения запаха, его перенесения за счет метафоры *ныть*, но тем ярче доказывается способность конструкции «глагол с творительным падежом» называть запах.

В лирике И. А. Бунина 1886-1917 гг. все экспликативы семы 'запах' называют предметы природы; их можно разделить на следующие группы в зависимости от природной сферы:

– водная стихия (*море, вода, дождь, сырость, росная пыль* и др.): *Дым смешан с холодом воды, / Он пахнет медом и ванилью, / И вами, белые сады, / И кизяком, и росной пылью* («Шипит и не встает верблюду...»),

– сфера воздуха (*воздух, вьюга, ветер, муссон, буря, прохлада, свежестью, холод, дым* и др.): *Осенний ветер вьет / Соленой свежестью – и все кругом шумит* («Зеленоватый свет пустынной лунной ночи...»),

– растения, включая их совокупности, плоды, вещества, источаемые растениями (*роза, черемуха, листва, пни, сосна, мята, дуб, хвоя, плоды, рожь, грибы, трава, цветы, зелень, жасмин, елка, крапива, кипарис, смола дерева, сад* и др.): *На рассвете в долинах теплом и черемухой вьет, / Соловьи до рассвета поют* («Все темней и кудрявей березовый лес зеленеет...»),

– артефакты, сделанные руками человека, предметы человеческого быта (*варево, сбруя, печи, гумно*): *В конюшне полусумрак и прохладно, / Навозом пахнет, сбруей, лошадыми...* («Сенокос»).

Число экспликативов запаха в тексте, безусловно, зависит от изображаемой автором картины, передаваемых ощущений. У И. А. Бунина число слов данного содержания в микроконтексте может быть значительно: *На пьесте / Камни мокры. Нежно пахнет морем, / Холодно и сыро вонью скользких / Темных переулков, от канала – / Свежестью арбуза. / За оградой / Вижу садик; в чистом небосклоне – / Голые, прозрачные деревья, / И стеклом блещут они, и пахнет / Сад вином и медом* («Венеция»)...

Среди отобранных примеров в 20 случаях количество экспликаторов запаха равно двум или более: *Лес пахнет дубом и сосной, / За лето высох он от солнца* («Листопад»). Представляется, что это идиостилистическая черта лирики И. А. Бунина 1886-1917 гг.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Рузин И. Г. Когнитивные стратегии именования: модусы перцепции (зрение, слух, осязание, обоняние, вкус) и их выражение в языке // Вопросы языкознания. – 1994. – № 6. – С. 80.

2. Золотова Г. А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. – М., 1982. – С. 216.

3. Крюкова Л. Б. Ситуация восприятия и способы ее репрезентации в поэтическом тексте (на материале поэзии «Серебряного века»). – Томск, 2003. – С. 79.

4. Рузин И. Г. Модусы перцепции (зрение, слух, осязание, обоняние, вкус) и их выражение в языке. – М., 1995. – С. 138-143.

5. ТСУ – Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова. Тт. 1-4. – М., 1935-1940. Эл. вариант.

6. Золотова Г. А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. – М., 1982. – С. 218.

7. Васильев Л. М. Семантика русского глагола. – М., 1981. – С. 67.

8. Рузин И. Г. Модусы перцепции (зрение, слух, осязание, обоняние, вкус) и их выражение в языке. – М., 1995. – С. 124.

9. О глаголе *дышать* см. нашу статью: Предикаты *дышать – наддышаться* в текстах И.А. Бунина // Семантика слова и семантика текста (выпуск VIII): Сб. научных трудов. – М., 2007. – С. 92-96.

СЕМАНТИКА ОТТОРЖЕНИЯ КАК ПРОЯВЛЕНИЕ НЕЖЕЛАТЕЛЬНОСТИ ДЕЙСТВИЯ

Данная статья посвящена описанию конструкций, репрезентирующих семантику отторжения в структуре безличного предложения. Исследуемое нами модальное значение передаётся посредством личных глаголов в безличном употреблении, а также с помощью наречия тошно. Действие в подобных предложениях происходит безотносительно к деятелю, который по ряду различных причин отвергает его. Использование предложений с семантикой отторжения является одним из способов выражения модального значения нежелательности.

О.Е. Orlova

This article is devoted to the description of the constructions which are representing the semantics of rejecting in the structure of impersonal sentences. The modal meanings, which we study are conveyed by modal verbs in impersonal using and with adverbial feels. The action in such sentences is without actor who rejects the action. The using sentences with semantics rejecting is one of the manner of expression of the modal meaning of undesirability.

«В двусоставных предложениях действие зависит от деятеля (субъекта), определяется его желанием и волей. В односоставных предложениях действие-состояние характеризуется безотчётностью, неосознанностью причин, непроизвольностью, чем создаётся особая семантико-стилистическая выразительность безличных глагольных предложений» [1].

В процессе исследования безличных предложений с модальным значением нежелательности действия мы выделили ряд конструкций, репрезентирующих значение отторжения действия как один из способов проявления нежелательности.

[**Отторгнуть**, -ну, -нешь, -орг и -оргнул, -оргла; -оргший и -оргнувший; -нутый, -оргнув; сов.,кого-что (книжн.). 1. Отделить, отнять насильственным путём. *О. чужие земли*. 2. Не принять, отвергнуть. *Организм отторг трансплантированный орган. О. изменника* (перен.; высок.). I I *несов. отторгать*, -аю, -аешь. I I *сущ. отторжение*, -я, *ср.*] [2].

Применительно к теме нашей статьи будем руководствоваться вторым толкованием лексемы *отторгнуть*, так как первое толкование отражает скорее действие, производимое одним субъектом и направленное на другого, вынужденного в свою очередь страдать от производимого в его отношении действия.

Нас же интересует, прежде всего, действие, не соотнесённое с деятелем, а происходящее независимо от него по ряду неких причин и обстоятельств окружающей его действительности, так как «безличные предложения репрезентируют ситуацию, в которой человек не может быть производителем действия, деятелем; скорее каузатором процессуального состояния в этой разновидности

односоставных предложений являются стихийные силы и силы высшего порядка, управляющие мирозданием» [3].

Семантика отторжения реализуется в безличных предложениях, прежде всего, посредством личного глагола в безличном употреблении **надоело** в сочетании с инфинитивом:

*Собственно говоря, тут и победы не было, а просто надоело барыне **возиться** с бестолковой работой, которая упала ей как снег на голову.* (М.Салтыков-Щедрин); *Им надоело даже **смотреть** на белеющие перед церковью шатры и на снующую около них толпу крестьянских девушек и парней.* (М. Салтыков-Щедрин); *О, как надоело ему **видеть** каждый день все те же убогие немногочисленные предметы его “обстановки”.* (А. Куприн);

*Мне надоело **жить** в опеке
Боясь судьбы
Хочу направить парусину
Ветрам наперекор
Пусть пена орошает спину
Буран – упор.*

(Д. Бурлюк);

*И так веду мою игру,
Хоть **притворяться** надоело...*

(З. Гиппиус).

Интересны также предложения с **парцелляцией**:

– *Который уж месяц я от вас муку мученскую терплю! **Надоело**. Живите как знаете. Только ежели дворянка твоя на глаза мне попадетя – уж не прогневайся! Прав ли ты, виноват ли... обоих в Сибирь законопачу!* (М. Салтыков-Щедрин); *Оно конечно, одет прилично и числюсь человеком не бедным; нас ведь и крестьянская реформа обошла: леса да луга заливные, доход-то и не теряется; но... не пойду я туда; и прежде **надоело**: хожу третий день и не признаюсь никому... А тут еще город!* (Ф.Достоевский); *Нехорошо-с. Да вот я вам расскажу-с. Шлялся я без дела месяца три, **надоело**; дай, думаю, дяденьку навещу* (А. Островский);

***Надоело** нам в зной
У опушки лесной –
Гайда в степь! Мы колеса подмазываем* (Я. Полонский).

Иногда даже **антитеза** помогает передать в предложении семантику отторжения:

*Дант усмехнулся: “Коль вы здешний житель,
Так **надоело** вам - не надоело,
Здесь никому до этого нет дела.
Сюда попали - значит, и сидите”*

(З. Гиппиус).

Следует отметить конструкцию **надоело+глагол-связка быть+именная часть**:

***Надоело** мне **быть** незнакомкой,
Быть чужой на твоём пути*
(А. Ахматова);

– *Хоть бы автомат выдумали какой-нибудь: до чего мне **трудящимся** **быть** надоело! – рассуждал Фома Егорович, упаковывая в мешок пищу: хлеб и пшено* (А. Платонов).

Вопросительная интонация в сочетании с **отрицательной частицей не при глаголе надоело** передаёт некий скепсис по отношению к адресату высказывания, но, на наш взгляд, тоже иллюстрирует семантику отторжения в структуре безличных предложений:

Перестаньте, господа! Не надоело вам (А. Чехов);

Ну что, Лукич, не надоело

Стоять да слушать? Извини...(И. Никитин).

Крайнюю степень отторжения действия поэты и писатели передают посредством **лексических повторов и стилистических средств**:

Надоело, надоело, надоело...И вот не выходит у меня из головы... Просто возмутительно (А. Чехов);

Куклу я на пол швырнула:

В маму играть - надоело!

Книгу я на пол швырнула:

В папу играть - надоело!

(М. Цветаева).

Интересны также примеры с лексемами **надоедает** и **надоест**.

В предложениях, содержащих лексему **надоедает**, в отличие от предложений с лексемой **надоело**, содержится потенциальное, будто назревающее отторжение действия, обусловленного прежде всего монотонностью повторяющегося по независимым от субъекта причинам действия:

– Очень, бабушка, надоедает. Ни уйти без спросу нельзя, ни взять что-нибудь... совсем подлость! (М. Салтыков-Щедрин); Я скучаю, глядя на него, и уж стараюсь больше не смотреть. Надоедает (А. Куприн);

И уже надоедает

*Каждый день читать, как Игрек грудь и череп
раздробил... (С. Чёрный);*

Но вскоре

Надоедает мне колоть, я выпрямляюсь (В. Ходасевич).

В предложениях же с лексемой **надоест** наличествует «Скрытое» отторжение действия, которое в настоящий момент ещё не является нежелательным, но под воздействием определённых внешних обстоятельств, вероятно, станет таковым в будущем:

Трава под носом: надоест глазеть на пейзаж - смотри на какую-нибудь пузатую козявку, как она ползет по былинке, или на муравья, как он суетится. Право, так лучше (И. Тургенев); Жрать надоест - под стол бросают! (М. Салтыков-Щедрин);

Если ж вам надоест сердиться

(Грех сердиться в такую погоду) –

Приходите вместе лениться

И смотреть, не мигая, на воду (С. Чёрный).

Но не только лексема **надоело (надоедает, надоест)** может проиллюстрировать семантику отторжения в структуре безличных предложений.

Руководствуясь проведёнными исследованиями, мы выделили следующие конструкции, реализующие отторжение действия как способ проявления его нежелательности в безличном предложении:

1. **Наскучило**а) **наскучило+инфинитив:**

*Нигде искусству своему
Он не встречал сопротивленья –
И врать наскучило ему*

(А. Апухтин);

*Я знаю: ты другого полюбила,
Щадить и ждать наскучило тебе...*

(Н. Некрасов);

*В собранье пусто: членов неизменных
Четыре человека каждый день
Встречать наскучило...*

(Я. Полонский);

– Все лето, осень, а может быть, и зиму. Я, вы знаете, человек очень небогатый; дела мои расстроены, да и притом мне уже наскучило таскаться с места на место. Пора отдохнуть (И. Тургенев); И никто не знал ни того, что уже давно наскучило этой паре притворно мучиться своей блаженной мукой под бесстыдно-грустную музыку, ни того, что стоит глубоко, глубоко под ними, на дне темного трюма, в соседстве с мрачными и знойными недрами корабля, тяжело одолевавшего мрак, океан, вьюгу... (И. Бунин);

б) **парцелляция:**

*Покуда любо жить со мною,
Живи! наскучило - прощай,
Былую радость поминай!*

(Е. Баратынский);

– Отложи, – проговорил Лукашка. – Пусти меня на минуточку. Уж как наскучило мне! Страсть! Он в окно обнял ее голову и поцеловал (Л. Толстой); Полтора месяца я ходил таким образом, волочился за нею; извозчиков-лихачей нанимал поминутно и все мимо ее окон концы давал; замотался совсем, задолжал, а потом уж и разлюбил ее: наскучило! (Ф. Достоевский).

Семантика «зарождающегося» отторжения содержится в предложениях с лексемой **наскучивало**:

Если же Обломову наскучивало быть одному и он чувствовал потребность выразиться, говорить, читать, рассуждать, проявить волнение, – тут был всегда покорный и готовый слушатель и участник, разделявший одинаково согласно и его молчание, и его разговор, и волнение, и образ мыслей, каков бы он ни был (И. Гончаров).

Предложения с лексемой **наскучит** иллюстрируют лишь формирующееся отторжение действия, рождающееся в условиях монотонности его повторения:

*Будем, друг мой, сердиться открыто:
Легче мир - и скорее наскучит* (Н. Некрасов);

*Дорожить нас старость учит
В жизни солнечным теплом.*

*Будет время!.. Как умрем –
В холодке лежат наскучит...”* (А. Жемчужников);

2. Прискучило:

“Прискучило

*Мне на печке сидеть, а ходить по гостям
Неохоч я, - про то самому тебе ведомо”*

(Л. Мей);

Пленникам сильно прискучило сидеть в мешках, несмотря на то, что дьяк проткнул для себя пальцем порядочную дыру (Н. Гоголь).

3. Опостылело:

Выискался, однако ж, орел, которому опостылело жить в отчуждении (М. Салтыков-Щедрин).

4. Приелось:

а) приелось+инфинитив:

Осень. Изжелта-сизый бисер нижется.

Ах, как и тебе, прель, мне смерть

Как приелось жить!

(Б. Пастернак);

б) парцелляция:

– Што ж мы?

– В чем дело ж?

– Тошно!

– Приелось!

(М. Цветаева).

5. Расхотелось:

От этих слов девочки совсем уж притихли, и даже трогать кукол расхотелось (Л. Улицкая); Но теперь играть почему-то расхотелось (Л. Улицкая).

6. Не тянет:

Пора, хоть это уж и неприятно мне. Меня уж не тянет к ним. Но пора. Заеду на днях на полчаса (Н. Чернышевский).

Предложения с лексемой **не тянуло** демонстрируют отторжение действия, которое не было нежелательным в прошлом, а стало таковым только после ряда событий, произошедших с субъектом:

Несмотря на то, что люди уже давно ничего не ели, их и сейчас не тянуло на пищу, потому что желудки были завалены мясным обилием еще с прошлых дней (А. Платонов); Блевать его не тянуло, – он был из моряков (А. Платонов).

7. *Тошно/будет тошнить:*

Ведь на тебя смотреть тошно. Поглядите, добрые люди!.. Тьфу! (И. Гончаров); *Служить бы рад, прислуживаться тошно.* (А. Грибоедов); *Иной раз – нравишься ты мне... а когда – глядеть на тебя тошно...* (М. Горький); *Всех слушаю. Тошно слушать, рыжий!* (М. Горький); *И сон не в сон, как тошно жить* (А. Пушкин);

Мне тошно ждать успеха,

Мне эта медленность невмочь (И. Никитин).

Предложение *Ах, скоро будет тошнить От самого слова “юмор”!*.. (С. Чёрный) показывает отторжение действия по причине усталости и недовольства субъекта качеством действия.

В своей статье мы попытались осмыслить и систематизировать безличные предложения с семантикой отторжения как один из способов проявления нежелательности действия. Безусловно, наша классификация не является полной и требует дальнейшей разработки. Предложения же с семантикой отторжения действия не являются единственным звеном в цепи значений, репрезентирующих модальное значение нежелательности действия в структуре безличного предложения.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Моница Т.С. Модели односоставных предложений: структура и семантика. – М., 1993. – С. 37.

2. Ожегов С.И. и Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. – 4-е изд., дополненное. – М., 1999. – С. 482.

3. Бабайцева В.В. Система односоставных предложений в современном русском языке / В.В. Бабайцева. – М., 2004. – С. 216.

ВОЗРАСТНАЯ ФОНОЛОГИЯ В ГЕНДЕРНОМ АСПЕКТЕ

При усвоении русского языка ребенок переходит от использования одноуровневой фонологической системы к двухуровневой. Эта перестройка сопровождается рядом процессов. В работе рассматривается два из них в гендерном аспекте.

Первый связан с переходом от использования своеобразного изолирующего типа языка к использованию звукофонемного типа. У мальчиков он протекает в резко выраженных формах (революционным образом), а у девочек – эволюционным путем.

Второй связан с переходом от сознательного использования фонологической системы к бессознательному при реализации письменных форм речи. У мальчиков и девочек и в этом случае наблюдаются серьезные различия.

E.Y. Spiridonova

AGE PHONOLOGY IN GENDER ASPECT

Mastering Russian the child passes from use of single-level phonologic system to two-level. This reorganization is accompanied by a number of progresses. Two of them the considered in gender aspect in the work.

The first is connected with transition from use of original isolating type of language to use of sound-phonemic type. For boys it proceeds in sharply expressed forms (revolutionary way), and for girls - evolutionary way.

The second is connected with transition from conscious use of phonologic system to unconscious at realization of written forms of speech. For boys and girls there serious there are distereeness in this case as well.

Главная задача возрастной фонологии как раздела отнелингвистики состоит в том, чтобы выявить, какой фонологической системой реально пользуется конкретный носитель русского языка, каким образом формируется и функционирует эта система.

Описываемая система носителя русского языка состоит из двух уровней и обладает иерархической организацией. Нижний (базовый) уровень состоит из фонем 1-ой степени абстракции и сходен с системой фонем щербовской фонологии, а над ним надстраивается система фонем 2-ой степени абстракции, которая сходна с системой представителей фонем МФШ. При этом раздвоение фонологической системы объясняется функциональными причинами. Фонемы нижнего уровня ориентированы на обеспечение процессов восприятия речи, а верхнего – на процессы порождения речи и фиксации ее на письме [1].

Такая сложная и иерархически организованная система формируется постепенно. Вначале ребенок овладевает одноуровневой фонологической системой, состоящей из фонем 1-ой степени абстракции. Постепенно речь носителя русского языка становится более абстрактной и более контекстной. Тогда возникает необходимость формирования системы фонем 2-ой степени абстракции. Переход от использования одноуровневой системы к двухуровневой совпадает с периодом перехода от детства к отрочеству и заканчивается в период

переходного возраста [2], который не только стимулирует формирование двухуровневой системы, но и осложняет ее функционирование [3]. Описываемый переход совпадает с переходом от классификационного типа мышления к операционно-абстрактному [4], от преимущественно эмоционального способа общения, при котором используются прежде всего паралингвистические средства фонетической системы, к интеллектуальным формам общения, обеспечиваемым лингвистическими средствами языка [5]. Таким образом, возрастная фонология является естественным продолжением возрастной фонетики – иерархизированной науки с четкой последовательностью в ее структуре функциональных уровней. «Каждый функциональный уровень системы, порядок которых жестко детерминирован конкретными материальными структурами мозга, имеет специфические фонетические (перцептивные и артикуляторные) средства, специфические фонологические единицы и специфические механизмы перцепции и порождения речи» [6].

Акцентирование психофизиологических основ языковых способностей человека характерно для современной лингвистики, в частности психолингвистики. И.М. Румянцева определяет языковую способность «как психическую и психофизиологическую функцию человека <...>, обеспечивающую возможность человеческой психике отражать и обобщать внешний языковой материал, переводя его в особые внутренние коды в виде неосознаваемых и осознаваемых правил языка» [7]. Значит, в правилах языка должна существовать психофизиологическая составляющая, которая не учитывается классической фонологией, строящей свои выводы на анализе результатов речевой деятельности. Такой подход при рассмотрении функционирования фонологической системы языка не является случайным и опирается на русскую лингвистическую традицию в лице И.А. Бодуэна де Куртенэ, Л.В. Щербы, Л.С. Выготского, Н.И. Житкина, А.А. Леонтьева, А.Н. Гвоздева, Р.О. Якобсона и других выдающихся лингвистов.

Представители современной нейропсихолингвистики определили основы левополушарной и правополушарной фонетики, где формирование тех или иных фонетических и фонологических процессов связывается с функционированием левого и правого полушария головного мозга человека и результатом взаимодействия между ними [8].

Основное достижение возрастной фонологии усматривается и в расширении системных связей развивающейся фонологической системы с адаптивными процессами как социального, так и физиологического характера [9]. Для развития объяснительных возможностей возрастной фонологии в указанном направлении интересно рассмотреть основные ее положения и экспериментальные данные, на которых основываются ее выводы, в гендерном аспекте.

Данные нейропедагогики свидетельствуют о разных типах функциональной организации мозга у мальчиков и девочек [10]. Поэтому можно предположить, что у мальчиков и девочек по-разному протекают процессы, связанные с формированием двухуровневой фонологической системы в их языковом сознании.

В зарубежной языковедческой литературе и отечественном научном дискурсе понятие гендер имеет различные толкования: биодетерминистское направление настаивает на физиологической и психологической дифференциации языковых способностей мужчин и женщин; другое подчеркивает двойст-

венный характер пола, его природную и социальную (связанную с ней культурную) составляющую [11]. Мы придерживаемся первой точки зрения.

Для установления общих закономерностей возрастной фонологии группа одних и тех же учащихся из 22 человек наблюдалась в течение трех лет: в 3-м, 5-м и 6-м классах одной из московских общеобразовательных школ (4-ый класс по программе обучения не предусматривался). Обобщение экспериментальных материалов помогло установить не только основные этапы двухуровневой фонологической системы в языковом сознании учащихся, но и с помощью корреляционного анализа определить динамику развития уровня связи между развивающейся фонологической системой и другими языковыми способностями учащихся: с различными характеристиками чтения, с уровнем грамотности и разными видами слогаделения.

Были выявлены три процесса, которые исследовались с учетом гендерных различий. Первый процесс связан с установлением влияния скорости и глубины чтения, определяемые количеством слов, прочитанных или осмысленных в минуту, на уровень грамотности, выявляемый количеством орфографических ошибок, допущенных каждым участником эксперимента в проверочных диктантах. Мы использовали методику И.Ф. Неволина по измерению «глубины чтения» [12]. Уровень связи между анализируемыми явлениями с количественной стороны определялся величиной соответствующего коэффициента корреляции, который может менять свои значения от +1 до -1. Чем выше абсолютная величина значения соответствующего коэффициента корреляции, тем выше уровень анализируемой связи между изучаемыми явлениями. Если коэффициенты корреляции принимают отрицательные значения, то это значит, что с увеличением одного параметра уменьшается другой. Если показатель имеет положительное значение, то наблюдается обратная тенденция. Минимальная абсолютная величина значения коэффициента корреляции, при которой обнаруживается связь между сравниваемыми явлениями, равняется 0,22 [13].

Анализ коэффициентов корреляции показывает, что уровень связи между скоростью и глубиной чтения, с одной стороны, и грамотностью, с другой, от класса к классу снижается. Так, уровень грамотности и скорости чтения в 3-м классе: - 0,81; в 5-м: - 0,69; в 6-м: - 0,60; связь грамотности и глубины чтения в 3-м классе: - 0,75; в 5-м: - 0,71; в 6-м: - 0,66. Эти данные косвенно свидетельствуют о снижении уровня взаимодействия формирующейся двухуровневой фонологической системы с навыками чтения и письма, которые подвергаются меньшему контролю со стороны сознания, ибо учащиеся в меньшей мере используют правила, мотивированные фонологической системой русского языка [14].

Второй процесс связан с переходом от использования ребенком своеобразного изолирующего типа языка к использованию звукофонемного типа языка в своей речевой деятельности. При этом создаются благоприятные условия для формирования системы фонем верхнего уровня. Об этом свидетельствуют противоположные тенденции в развитии связи на протяжении трех лет между уровнем грамотности и разными характеристиками чтения, с одной стороны, и различными видами слогаделения, с другой. В экспериментах по слогаделению учитывались два типа ошибок учащихся: 1) слогаделение на основе фонетических критериев с учетом разницы между количеством выделяемых

слогов в слове и количеством гласных в нем; 2) слоговоеделение на основе морфологического критерия с учетом возможности совмещать границы слога и морфемы – осуществлять морфослогоделение. Анализ показал, что связь грамотности с ошибками при обычном слоговоеделении от класса к классу возрастает: в 3-м классе коэффициент корреляции равен 0,39; в 5-м: 0,54; в 6-м: 0,65. В то же время связь грамотности с ошибками при морфослогоделении снижается почти до нуля в 6-м классе (в 3-м классе коэффициент корреляции составляет 0,52; в 5-м: 0,46, а в 6-м по абсолютной величине снижается до -0,01, принимая отрицательное значение). Этот процесс носит универсальный характер, так как охватывает и письмо, и чтение.

Если учитывать абсолютные значения коэффициентов корреляции, то связь скорости чтения с обычным слоговоеделением от класса к классу снижается (в 3-м классе коэффициент корреляции равен -0,16; в 5-м: -0,3, в 6-м: -0,47). При морфослогоделении значения коэффициентов корреляции принимают следующие отрицательные значения: в 3-м классе -0,47; в 5-м: -0,57; а в 6-м: -0,01. Отрицательные значения коэффициента корреляции принимает потому, что с увеличением скорости чтения снижается количество ошибок при слоговоеделении и морфослогоделении. Значит, связь скорости чтения с морфослогоделением к 6-му классу резко снижается. Противоположные тенденции наблюдаются и при характеристике связи между глубиной чтения и ошибками при обычном слоговоеделении и морфослогоделении, хотя эти тенденции проявляются не столь ярко и последовательно, как в предыдущих случаях.

«В целом же полученные данные можно интерпретировать следующим образом. В начальной школе, например, в 3-м классе, слог как особая единица членения слова может ассоциироваться в языковом сознании учащегося с определенными лексическими и грамматическими значениями, слог <...> замещает собой морфему, поэтому ошибки при морфослогоделении оказывают влияние на грамотность и на различные характеристики чтения. В старших классах слог проявляет себя как автономная, ритмическая единица, а ассоциативные связи с лексическими и грамматическими значениями переходят в ведение фонем, из которых состоит слог...» [15]. Ребенок от силлабемного строя языка, где слог совмещает свои границы со словом или морфемой, переходит к использованию звукофонемного типа языка, который характерен для флективных языков, к которым относится русский язык [16]. Отмеченный период стимулирует развитие системы фонем в понимании МФШ: создаются условия для фонемных обобщений чередующихся звуков в пределах одной и той же морфемы.

Наконец, третий процесс связан с ослаблением взаимодействия двухуровневой фонологической системы с письменными формами речи, что становится базой для автоматизации навыков чтения и письма. Ослабление влияния разных характеристик чтения на уровень грамотности учащихся лишь косвенно свидетельствует об этом процессе. Экспериментальные данные по взаимодействию формирующейся двухуровневой фонологической подсистемы согласных и гласных с уровнем грамотности и разными сторонами чтения с наибольшей вероятностью свидетельствуют об этом. Так, во взаимодействии формирующейся двухуровневой фонологической системы с письменными формами речи можно выделить три этапа: предфонологический, фонологический и постфонологический. На первом этапе, когда правила чтения и грамотного письма,

мотивированные состоянием фонологической системы, начинают осваиваться, поисковая деятельность учащихся осуществляется в виде гиперкоррекции. На втором этапе, когда оба уровня фонологической системы в основном сформированы, взаимодействие фонологической системы с формами письменной речи увеличивается, что сказывается, например, на улучшении орфографической грамотности учащихся. На третьем этапе, когда процессы, связанные с письменными формами речи, автоматизируются, взаимодействие двухуровневой фонологической системы с процессами письма и разными видами чтения ослабевает. Эти выводы подтверждаются при сопоставлении соответствующих коэффициентов корреляции, полученных в результате статистической обработки экспериментального материала [17]. Таким образом, устанавливается, что процесс взаимодействия двухуровневой фонологической системы с письменными формами речи из области сознательной деятельности переходит в область подсознания.

Отмеченные выше три процесса носят универсальный характер. Если гендерные отличия будут в них установлены, то можно говорить о существенных различиях в формировании двухуровневой фонологической системы при гендерном подходе.

В исследуемую группу учащихся входило 13 мальчиков и 9 девочек. Анализ экспериментальных данных подтвердил предположение о том, что гендерный фактор играет значительную роль как в процессе формирования двухуровневой фонологической системы, так и в проявлении ее связей с конкретными языковыми способностями учащихся, такими как овладение навыками чтения и письма.

Двухуровневая фонологическая система у девочек формируется в целом быстрее, чем у мальчиков, так как влияние скорости и глубины чтения на уровень грамотности девочек снижается быстрее, чем у мальчиков. Об этом свидетельствуют соответствующие значения коэффициента корреляции. У мальчиков коэффициенты корреляции, характеризующие связь скорости чтения с грамотностью в 3-м, 5-м и 6-м, принимают такие значения: $-0,87$; $-0,81$; $-0,7$, а у девочек такие: $-0,74$; $-0,41$; $-0,47$. Связь глубины чтения с грамотностью у мальчиков: $-0,81$; $-0,72$; $-0,7$, а у девочек: $-0,61$; $-0,62$; $-0,57$. Из приведенных данных становится ясно, что уровень снижения изучаемой связи у мальчиков происходит относительно равномерно, а у девочек – скачкообразно. Это наблюдение говорит о более резком падении изучаемой связи у девочек по сравнению с мальчиками. Особенно это характерно для связи скорости чтения учащихся с уровнем их грамотности. Все это свидетельствует об особенностях развития двухуровневой фонологической системы у мальчиков и девочек, а также об особенностях перехода от фонологического периода взаимодействия фонологической системы с письменными формами речи к постфонологическому периоду этого взаимодействия.

Как показало проведенное исследование, у мальчиков повторяется общая тенденция, характерная для класса в целом: с увеличением связи слога деления с грамотностью снижается уровень связи грамотности с морфослога делением. Наиболее определенно эта тенденция проявляет себя в 6-м классе. Несколько иначе исследуемый процесс протекает у девочек. Высокое значение коэффициента корреляции между грамотностью и слога делением ($0,75$) и низкое его значение между грамотностью и морфослога делением уже в 3-м классе ($0,19$)

свидетельствует о том, что переход от одной системы к другой в отношении письменных форм речи у девочек достигает значительного уровня уже в этот ранний период, то есть девочки по развитию этого процесса обгоняют мальчиков. В 5-м классе количественные различия между двумя типами коэффициентов корреляции у девочек снижается ($0,51 > 0,47$). Вероятно, это говорит о том, что на процесс перехода отрицательным образом действует некий посторонний фактор. Можно предположить, что подобным фактором являются те физиологические изменения, которые связаны с переходом от детства к отрочеству. Обращает на себя внимание отрицательное значение коэффициента корреляции между грамотностью и морфослогоделением при достаточно высокой его абсолютной величине у девочек в 6-м классе ($-0,67$). Итак, переход от одного функционального содержания слога к другому у девочек начинается раньше и происходит не столь прямолинейно, как у мальчиков. Таким образом, можно отметить существенные гендерные различия и в этой сфере.

Далее рассмотрим динамику развития связи между скоростью и глубиной чтения и различными видами слогаделения в гендерном аспекте. Изменение абсолютных величин коэффициентов корреляции у мальчиков свидетельствует о том, что этот переход у мальчиков заканчивается лишь к 6-му классу. У девочек процесс перехода завершается, вероятно, уже в 3-м классе. Постепенное увеличение абсолютной величины коэффициента корреляции между скоростью чтения и морфослогоделением при переходе из 5-го класса в 6-ой говорит о том, что происходит активное формирование фонем верхнего уровня в языковом сознании девочек, то есть системы фонем в понимании МФШ, когда фонема непосредственно связана с функционированием в конкретной морфеме.

У мальчиков связь глубины чтения со слогаделением от класса к классу с учетом абсолютной величины коэффициентов корреляции увеличивается (как и при анализе этого типа связи с грамотностью), хотя величина этого типа связи со скоростью чтения меньше, чем с грамотностью.

Степень же связи глубины чтения с морфослогоделением остается во всех классах приблизительно на одном уровне, хотя в 6-м классе он несколько снижается. Это можно объяснить двумя причинами. Во-первых, в более ранний период совпадение морфемы и слога способствовало скорости осмысления читаемого текста. Во-вторых, в 6-м классе мальчики вступают в переходный период от детства к отрочеству, в результате чего усложняется сам процесс перехода от одного способа использования слоговой структуры при чтении к другому. Вероятно, наиболее уязвимой характеристикой при этом является глубина чтения.

У девочек наблюдается противоположная тенденция. Связь глубины чтения со слогаделением в 3-м и 6-м классах остается на одном и том же уровне. Лишь в 5-м классе наблюдается снижение этого показателя. Вероятно, причина снижения абсолютной величины коэффициента корреляции в 5-м классе по сравнению с другими классами можно объяснить активными физиологическими процессами, связанными с переходом от детства к отрочеству так же, как в случае с грамотностью.

Связь глубины чтения с морфослогоделением у мальчиков во время трехлетнего периода остается приблизительно на одинаковом уровне ($-0,52$; $-0,55$; $-0,48$), а у девочек этот тип связи от класса к классу возрастает. В 6-м классе он достигает значительного уровня, но при этом меняется знак коэффициента корреляции с отрицательного в 5-м классе ($-0,35$) на положительный в 6-м классе ($0,65$). Это говорит о том, что не слог как силлабема, а слог как элемент

ритмической структуры слова становится основной формой при восприятии письменного текста.

При гендерном подходе замечено, что у мальчиков онтологический процесс приобретает более резкие и явно выраженные формы, а у девочек он протекает эволюционным путем.

Наконец, переходим к рассмотрению в гендерном аспекте третьего процесса, связанного с переходом от сознательного использования фонологической системы к бессознательному при реализации разных письменных форм речи.

В работах по проблемам возрастной фонологии отмечается, что эксперименты на перевоорачивание односложных слов характеризуют формирование двухуровневой подсистемы согласных, а фонетические и фонологические ошибки – формирование соответственно нижнего и верхнего уровня подсистемы гласных. Исследование показало, что у девочек переход из 5-го класса в 6-ой сопровождается снижением взаимодействия фонологической системы в целом с различными сторонами чтения. Об этом свидетельствуют абсолютные величины соответствующих коэффициентов корреляции. Особенно это связано с формированием подсистемы согласных, которые быстрее приобретают законченный двухуровневый характер по сравнению с подсистемой гласных. В этом случае процессы чтения автоматизируются: переходят из области сознательной деятельности в область подсознания. Более сложным путем осуществляется взаимодействие глубины чтения с верхним уровнем подсистемы гласных, так как связь между глубиной чтения и фонологическими ошибками подсистемы гласных при переходе из 5-го класса в 6-ой у девочек не снижается, а увеличивается. Сопоставительный анализ коэффициентов корреляции в области гласных свидетельствует о том, что у мальчиков автоматизм чтения задерживается и не происходит перехода от фонологического периода к постфонологическому периоду, что наблюдается у девочек.

На следующем этапе перейдем к рассмотрению взаимодействия двухуровневой фонологической системы с уровнем грамотности. При этом используем прежние данные по перевоорачиванию односложных слов, по количеству фонетических и фонологических ошибок и с помощью корреляционного анализа сравним их с уровнем грамотности тех же мальчиков и девочек. Можно отметить существенные различия в этом взаимодействии, что свидетельствует о несхожести состояния фонологической системы в анализируемый период времени и различных темпах развития подсистемы гласных и согласных у мальчиков и девочек.

При этом различия носят такой же характер, что и при рассмотрении взаимодействия фонологической системы с различными сторонами чтения. Взаимодействие подсистемы согласных с грамотностью при переходе из 5-го класса в 6-й у девочек резко снижается ($0,48 > 0,01$), а у мальчиков этот процесс протекает относительно плавно ($0,61 > 0,52$), то есть девочки уже перешли от фонологического к постфонологическому периоду функционирования двухуровневой фонологической системы при использовании ее в письменных формах речи в период перехода от детства к отрочеству.

В то же время рассмотрение двух этих процессов в их взаимосвязи с гендерных позиций позволило более тесно связать эти процессы с внешней средой в широком понимании этого слова, в частности с физиологическими и психологическими особенностями ребенка. А это в свою очередь расширило возможности возрастной фонологии в объяснении механизмов овладения ребенком навыками чтения и письма.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Богомазов Г.М. Возрастная фонология (двухуровневая фонологическая система и ее роль в формировании чутья языка и грамотности учащихся 1–6 классов). – М., 2005; Богомазов Г.М. Возрастная фонология: теория, эксперимент, практика. Дисс. ... д-ра филол. наук. – М., 2006.
2. Богомазов Г.М. Возрастная фонология: теория, эксперимент, практика: Автореферат дисс... д-ра филологических наук. – М., 2006.
3. Мухина В.С. Возрастная психология. – М., 1998.
4. Рейс Филип. Психология подросткового и юношеского возраста. – СПб., 2000.
5. Винарская Е.Н., Богомазов Г.М. Возрастная фонетика. – М., 2005.
6. Винарская Е.Н., Богомазов Г.М. Возрастная фонетика // Вестник Минского государственного лингвистического университета. – Серия 1. Филология. – № 9. – 2002. – С. 92.
7. Румянцева И.М. Психология речи и лингвопедагогическая психология. – М., 2004. – С. 170.
8. Седов К.Ф. Нейропсихоллингвистика. – М., 2007.
9. Мельников Г.П. Детерминанта – ведущая грамматическая тенденция // Фонетика. Фонология. Грамматика. К семидесятилетию А.А. Реформатского. – М., 1971; Кубрякова Е.С. Мельников Г.П. О понятии языковой системы // Общее языкознание. Внутренняя структура языка. – М., 1972.
10. Еремеева В.Д., Хризман Т.П. Мальчики и девочки. Два разных мира. – СПб., 2000. – С. 8-9.
11. Кирилина А.В. Гендерные исследования в лингвистических дисциплинах // Гендер и язык. – М., 2005.
12. Неволин И.Ф. Психодиагностика понимания: разработка оперативных методов // Психосемиотика познавательной деятельности и общения. – М., 1990.
13. Богомазов Г.М. Возрастная фонология (двухуровневая фонологическая система и ее роль в формировании чутья языка и грамотности учащихся 1–6 классов). – М., 2005.
14. Богомазов Г.М., Кулешов В.Н., Спиридонова Е.Ю. О количественной оценке связи грамотности с другими формами проявления языковых способностей // Мастер-класс. МГПУ. Информационные технологии в предметной области. – Выпуск II. – Август 2004. – М., 2004.
15. Богомазов Г.М., Спиридонова Е.Ю. Взаимодействие навыков чтения и письма в процессе их формирования: гендерный аспект // Ребенок с нарушение письма и чтения: образовательные траектории и возможности сопровождения. Материалы третьей Международной конференции Российской ассоциации дислексии. – 21-22 мая 2007 года. – М., 2007. – С. 21.
16. Kasevich V.B., Tseitlin S.N. Russian verb paradigm in language acquisition: From isolation to inflection? – Language and cognition in language acquisition: Abstracts. Odense, 1977.
17. Богомазов Г.М. Возрастная фонология: теория, эксперимент, практика. Дисс. ... д-ра филол. наук. – М., 2006.

ЛИТЕРАТУРА

Д.Н. Жаткин, О.С. Гришина

А.С. ПУШКИН В ТВОРЧЕСКОЙ СУДЬБЕ Э.И. ГУБЕРА

В статье рассмотрены различные аспекты влияния А.С. Пушкина на духовное становление и формирование творческих приоритетов известного поэта и переводчика Э.И. Губера. Подробно рассказывается о роли Пушкина в появлении наиболее значительного труда Э.И. Губера – первого перевода на русский язык «Фауста» И.В. Гете. Проанализированы пушкинские реминисценции и традиции в поэме Э.И. Губера «Антоний», его стихотворениях «Награда поэта», «Поэт и люди», «Судьба поэта», «Путь жизни» и др.

D.N. Zhatkin, O.S. Grishina

A.S. PUSHKIN IN THE POETIC FATE OF E.I. GUBER

The article considers different aspects of Pushkin poetry and its influence on the development and formation of poetic priorities of the famous poet and interpreter E.I. Guber. A detailed narration which concerns the questions of the role of Pushkin in the appearance of the most important masterpiece written by Guber – his first translation of «Faust» by Goethe into Russian is given in the article. We analyse traditions of the Pushkin poetry in the poem of E.I. Guber «Antony», such poems as «Poet's Award», «The Poet and People», «The Life Way» and others.

Среди поэтов, пришедших в русскую литературу в 1830-е гг. и достигших творческого расцвета десятилетием позже, можно назвать Эдуарда Ивановича Губера (1814 – 1847). Э.И. Губер, родившийся в Саратовской губернии в семье лютеранского пастора, с раннего детства писал стихи на немецком и латинском языках, впоследствии, будучи гимназистом, освоил русский язык. Имя Губера впервые появилось в печати в 1831 г., когда были опубликованы стихотворный перевод из Ф. Шиллера «Стремление» (Телескоп. – 1831. – № 17) и стихотворение «Разочарованный» (Северный Меркурий. – 1831. – 29 апр.). «Среднего, почти невысокого роста, с широкими плечами, крупными чертами лица, толстым носом, такими же губами, с длинными темно-русскими волосами, беспорядочно разбросанными на голове, с пронизательными и выразительными глазами, нависшими бровями, густыми черными бакенбардами, смуглым, желтоватым цветом лица, в платье, небрежно надетом» [1], – таким представал Губер перед современниками. Кумиром Губера был А.С. Пушкин, которому молодой поэт старался подражать во всем, в том числе и во внешнем облике, отращая баченбарды наподобие пушкинских. «Мы все будем помнить это добродушное пушкинское лицо» [2], – писал В.А. Соллогуб в некрологической статье «Э.И. Губер», опубликованной «Санкт-Петербургскими ведомостями».

Губер подражал Пушкину и в стихах. К примеру, с пушкинского стиха «Погасло дневное светило», первого в одноименном стихотворении, написанном в 1820 г., начинается созданная Губером в юношеские годы дума «Георгий Московский» [3].

Переехав в Петербург для продолжения учебы в Институте корпуса путей сообщения, Губер быстро познакомился со многими известными писателями, в частности, с В.А. Жуковским, Н.В. Кукольниковым, А.Ф. Воейковым, стал посещать «литературные четверги» Н.И. Греча. Однако встретиться со своим кумиром, великим Пушкиным, Губеру не удавалось.

Наряду с Пушкиным сильное влияние на творческое становление Губера оказал немецкий ученый-историк и писатель И.Л. Фесслер (1756 – 1839), поселившийся в России в начале XIX века [4]. Именно под влиянием жизненных представлений и гражданских убеждений Фесслера Губер первым в России обратился к переводу «Фауста» И.-В. Гете [5]. В 1835 г. перевод первой части «Фауста» был завершен и отдан в цензуру, однако цензура не разрешила его к печати, после чего Губер «с досады» [6] уничтожил рукопись. Эта история стала известна В.А. Жуковскому, который рассказал ее Пушкину. Так Пушкин впервые услышал о своем давнем поклоннике, молодом литераторе Губере. Великий поэт решил разыскать Губера, ободрить его и предложить снова приняться за перевод.

О ближайшем участии Пушкина в переводе Губера как человеческой поддержкой, так и реальной творческой помощью сохранились свидетельства самого Губера, А.Г. Тихменева, В.А. Соллогуба, М.Н. Лонгинова, причем некоторые свидетельства носят вторичный характер. Вот, в частности, как описывал эти события А.Г. Тихменев: «... Пушкин разведал о квартире молодого человека и тотчас же отправился к нему, но, не застав дома, оставил карточку. Понятно, с каким изумлением нашел ее Губер, воротившись домой» [7]. Реакция Губера на неожиданный визит Пушкина подробно передана в некрологической статье В.А. Соллогуба: «Возвратившись однажды домой, узнал он от своего человека, что к нему приходил с визитом какой-то господин, назвавший себя Пушкиным. Губер, не оглядываясь, побежал к новому покровителю, который встретил его радушно, спрашивал про перевод <.. > и прибавил, что если Губер дорожит его приязнью и хочет к нему ходить, то он приглашает его не иначе как всякий раз с продолжением нового перевода «Фауста» [8].

С тех пор Губер стал регулярно бывать у Пушкина, каждый раз принося с собой фрагменты заново переводимой трагедии. Беседы с великим поэтом, тонким знатоком и ценителем изящного и прекрасного, впоследствии вспоминались Губеру как «утраченное невозвратное счастье», поскольку именно благодаря «живому участию, советам и ободрениям» [9] Пушкина стал возможным творческий подъем, итогом которого и явилась вторая редакция перевода первой части «Фауста». Губер утверждал, что трудился «при его (Пушкина. – Д.Ж., О.Г.) советах, под его надзором» [10].

Творческие контакты Пушкина и Губера были достаточно интенсивными. В частности, известно, что в ноябре 1836 г. Пушкин читал у Губера драму «Русалка», в которой мастерски соединены элементы крестьянского просторечия и поэтические формулы фольклора [11]. О сближении Пушкина и Губера сохранился ряд эпистолярных свидетельств. Так, в начале 1836 г. Губер писал своему брату Теодору: «Ежели я решусь когда-нибудь отдельно печатать

свои стихи, то я изберу для этого «Современник», потому что я весьма коротко познакомился с Пушкиным, который весьма одобряет мои произведения, особенно перевод «Фауста», за которым я сидел почти пять лет <.. >. Ежели я решусь вступить в журнальный цех, то я, конечно, изберу партию Пушкина» [12]. Уже после гибели Пушкина, в ноябре 1837 г. Губер в письме к родителям восторженно говорил об участии Пушкина в его судьбе и, в особенности, в переводе «Фауста»: «Любовь Пушкина ко мне, его влияние на литературу вообще не кончилось с его жизнью. Когда еще он был жив, то брал на себя все хлопоты и всю ответственность за «Фауста». Он давал мне слово продать 3000 экземпляров по 10 рублей, и Пушкин сдержал бы свое слово» [13].

В 1837 г. в VI и VIII томах «Современника», а затем и в других изданиях началась публикация отрывков из «Фауста» в переводе Губера; полностью перевод увидел свет отдельным изданием в 1838 г. [14]. «Современник» дал высокую оценку переводу «Фауста» в статье, автором которой являлся Я.К. Грот [15]: «Труд, совершенный г. Губером, так обширен и важен, что, независимо от своего достоинства, он уже внушает участие к себе и доверенность к исполнителю» [16].

Отдельное издание своего перевода Губер посвятил «незабвенной памяти А.С. Пушкина». В поэтическом посвящении недавно погибшему великому поэту Губер вспоминал историю знакомства с Пушкиным, события, подвигнувшие вновь вернуться к работе над переводом: «Когда меня на подвиг трудный/ Ты улыбаясь вызывал,/ Я верил силе безрассудной/ И труд могучий обещал» [17]. Далее автор посвящения подчеркивает значение пушкинских творческих достижений для своей литературной судьбы, в которой перевод «Фауста» стал одним из этапов: «С тех пор один, вдали от света,/ От праздной неги бытия,/ Благословением поэта/ В ночных трудах крепился я» [18]. Традиционно скромно оценивая собственное литературное дарование, Губер еще больше оттенял величественность фигуры Пушкина, подчеркивал историческое значение его творчества.

Вместе с тем один забавный случай наводит на мысль, что Губер несколько преувеличивал ту роль, которую сыграл Пушкин в судьбе перевода «Фауста». В «Современнике» (1837. – Т. VI. – №2) за подписью «Губерт» был помещен большой отрывок из «Фауста» (первые сцены от начала первого монолога до завершения прогулки за городскими воротами), обнаруженный в бумагах покойного Пушкина. Увидев, что опубликованный фрагмент существенно отличается от его перевода, Губер решил, что незадолго до смерти Пушкин переработал текст, о чем и незамедлил сообщить со страниц «Литературных прибавлений к «Русскому инвалиду», поскольку не считал возможным «украшать себя собственностью великого поэта»: «Многие места перевода исправлены Пушкиным, но нигде рука мастера не помогла столько слабому ученику, как в том отрывке <...>. Самое начало, переведенное мною в размере подлинника, так называемыми «Knittelverse», мастерски изменено им в звучный, прекрасный ямб» [19].

Вскоре, однако, выяснилось, что ни Губер, ни Пушкин не имели к опубликованному фрагменту перевода «Фауста» никакого отношения. Перевод был осуществлен Иваном Александровичем Бекон, отдан в неисправленной копии «на рассмотрение» В.А. Жуковскому, который, видимо без ведома переводчика, передал рукопись Пушкину без какой-либо подписи [20]. И.А. Бек

был вынужден выступить с «Литературным объяснением», в котором заявил о своем авторстве: «Не имея никаких притязаний на авторскую славу, но уважая право собственности, как своё, так и чужое, долгом считаю объяснить, что весь отрывок <.. > принадлежит исключительно мне, а не г. Губеру, и не Пушкину» [21]. Губер вынужден был признать чужое авторство в отдельном издании своего перевода, заявив, что «с удовольствием» освобождает себя «от труда г-на Бека» [22], характерными особенностями которого, по наблюдению позднейших исследователей, были романтизация образа Фауста и смягчение диалогов в сцене у городских ворот [23].

Перевод «Фауста», выполненный Губером, по общему мнению ученых (В.М. Жирмунский, Ю.Д. Левин и др.), уступает переводам, осуществленным другими поэтами, «не стоит на высоте стихотворной техники пушкинской эпохи» [24], однако получил при появлении достаточно высокие отзывы. «Кажется, что будто лира Пушкина ожила нарочно для того, чтобы передать нам великолепное творение германского поэта и философа языком и стихом, достойным его» [25], – писала в 1838 г. «Библиотека для чтения».

Приятные для Губера параллели с Пушкиным «Библиотека для чтения» проводила и в последующие годы, в частности, в 1845 г. О.И. Сенковский утверждал: «Пушкинский стих остался у Эдуарда Ивановича. Он один наследник и владетель этой драгоценности» [26]. Помимо Сенковского, благожелательные отклики на сборник Губера «Стихотворения» (1845) дали рецензенты «Иллюстрации» («<Губер> поет свои собственные страдания такими звучными, чистыми, полными чувства стихами» [27]), «Маяка» («...более всего вас займет его звучный, чистый – невычурный, благородный стих» [28]), «Северной пчелы» («стих г. Губера легок, гладок, приятен [29]).

В 1837 г., когда Россию потрясла весть о гибели Пушкина, Губер впервые отчетливо обнаружил свою созвучность поэзии М.Ю. Лермонтова. Лермонтов в первые скорбные дни откликнулся на происшедшее стихотворением «Смерть Поэта», широко распространившимся в списках и побудившим власти провести специальное расследование. Отклик Губера, появившийся существенно позже, 27 февраля 1837 г., несмотря на свою ограниченность и завуалированность протеста, был также проникнут возмущением, негодованием, угрозами отмщения убийце великого поэта: «Влачись в пустыне безотрадной/ С клеймом проклятья на челе!/ Твоим костям в могиле хладной/ Не будет места на земле» («На смерть Пушкина»; [30]). Губер преломлял тему гибели поэта через лирические размышления героя, осознавшего всю ничтожность своего таланта по сравнению с гениальностью безвременно ушедшего современника: «Я приношу на гроб поэта/ Смиранный дар моей души – / Простой листок в венке лавровом./ Простая дань души простой/ Не поразит могучим словом,/ Не тронет сердце красотой» [31]. Стихотворение Губера «На смерть Пушкина» увидело свет лишь по завершении николаевской эпохи, поскольку прежде «многие весьма понятные отношения препятствовали <...> их обнародованию» [32]. М.Н. Лонгинов, осуществивший публикацию произведения Губера в «Московских ведомостях» 12 ноября 1857 г., отмечал, что оно распространялось в списках по Петербургу и едва ли не с тех пор сохранилось в его архиве.

С трагическим уходом Пушкина и Лермонтова русская поэзия осиротела, во многом утратила ориентиры дальнейшего развития. «После Пушкина и Лермонтова трудно быть не только замечательным, но и каким-нибудь по-

этом! – писал В.Г. Белинский в статье «Русская литература в 1843 году». – И теперь в журналах изредка появляются стихотворения, выходящие за черту посредственности; но когда в том же номере журнала находишь стихотворение Лермонтова, то не хочется и читать других» [33]. И в таких сложных условиях творчеству Губера всё же удавалось, по наблюдению Р.В. Иезуитовой, обрести «своё лицо», прежде всего в тех случаях, когда поэзия шла от жизненных наблюдений самого поэта, содержала мотив одиночества («Друзья»), мольбы о счастье («Молитва»), разочарование, сомнение, горестные раздумья («Перепутье», «Путь жизни», «Три сновидения»), кладбищенские мотивы (не в мистическом понимании, а как выражение усталости от несправедливости и трагичности бытия) [34]. Однако даже в лучших стихотворениях Губер остается в чём-то ограниченным человеком, поскольку не может преодолеть романтический идеализм, воспринимает зло не как социальную проблему, а как черту общего миропорядка, обусловленную несовершенством жизни. Отсюда и ощущение трагической безысходности, и упоение собственными душевными страданиями, и нежелание конкретизировать, сделать более реальным образ своего оппонента, противника, и осознание бесплодности предпринимаемых усилий.

В русле пушкинского творчества рассматривал Губер тему поэта и поэзии. Так, в «Награде поэта» (1837) Губером развита тема стихотворения Пушкина «Поэт» («Пока не требует поэта...», 1827). Образ творца в восприятии Пушкина и Губера оказывался двойственным: вдохновение проводило лишь временную грань между поэтом и суетным миром, тогда как в повседневности любой, даже самый гениальный человек оказывался представителем своего круга, ничем не отличался от всех остальных людей, жил каждодневными заботами и проблемами, имел свои пороки и слабости. В подобном ключе Пушкин рассуждал о вдохновенном творце и в «Египетских ночах» (1835), где показано преображение человека в миг «приближения бога», создан образ итальянца-импровизатора, неординарного, вдохновенного поэта в минуты творчества, однако ничтожного и алчного обывателя в своей повседневной жизни. Символично, что в стихотворении М.Ю. Лермонтова «Поэт» («Когда Рафаэль вдохновенный...», 1828) вдохновение также представало «чудесным порывом», приподнимавшим творца над всем заурядным лишь на мгновения, по истечении которых он становился таким, как и все остальные: «Но скоро сей порью чудесный/ Слабел в груди его молодой,/ И утомленный и немой/ Он забывал огонь небесный» [35].

В стихотворениях «Поэт и люди» (1832), «Судьба поэта» (1833), «Награда поэта» (1835) Губер перепевает известное произведение Пушкина «Поэт и толпа» (1823), при этом сужая смысл и развивая тему в аспекте неизбежной обреченности поэта на одиночество в толпе, среди «черни». Неизбежная дань «романтическим преувеличениям», предельная гиперболизация мотивов и образов («черни кровожадной», «поэт разгневанный», «любопытна и глупа <...> к нему сбегается толпа») с особой силой проявились в «Судьбе поэта» Губера [36], где толпа глумится над творцом, «жрецом небес»: «Его и хвалит и порочит,/ И дико смотрит на него,/ Или бессмысленно хохочет/ Над вдохновением его,/ И как раба своей забавы,/ На шумный пир его зовет,/ И жрец небес, питомец славы,/ У ней поденщиком слывет!» [37]. Противопоставленный надменной и бессмысленной толпе поэт испытывает презрение со стороны окружающих,

подвергается гонениям, клевете, однако при этом не утрачивает способности к творчеству, находит утешение в общении с богом.

Строка «Прошедших лет минутное забвенье» [38] в стихотворении Губера «Путь жизни» (1836), хотя и создана, как указывает Ю.Д. Левин, «по образцу «Безумных лет угасшее веселье...», с чего начинается пушкинская «Элегия» [39], датируемая 1830 г., однако, на наш взгляд, может иметь существенно больший ассоциативный ряд в русских романтических элегиях. К примеру, о том же писали в своих элегических произведениях А.Ф. Мерзляков («С слезами обращаюсь к вам, / Минувши дни очарований» («Разлука», 1815; [40])), В.А. Жуковский («Минувших дней очарованье, / Зачем опять воскресло ты?» («Песня» («Минувших дней очарованье...»), 1818; [41])), А.А. Дельвиг («Протекших дней очарованья, / Мне вас душе не возвратить!» («Разочарование», 1824; [42])), Н.М. Языков («Не улетай, не улетай, / Живой мечты очарованье! / Ты возвратило сердцу рай – / Минувших дней воспоминанье» («Элегия» («Не улетай, не улетай...»), 1824; [43])). Поэты традиционно размышляют о разочаровании в любви, в возможности личного счастья, способности обрести душевную гармонию, отказываясь от поисков близкого человека.

Ю.Д. Левиным установлен значительный ряд пушкинских реминисценций у Губера. Так, исследователь указывает, что в стихотворении Губера «На кладбище» (1834) строка «Под могилой и крестом» [44], видимо, взята из относящегося к 1828 г. пушкинского «Утопленника» («И мертвец вниз поплыл снова, / За могилой и крестом» [45]). Образ свитка в «Расчете» (1843) Губера несомненно перекликается с тем же образом в «Воспоминании» («Когда умолкнет шумный день...», 1828) Пушкина: «Воспоминание безмолвно предо мной / Свой длинный развивает свиток; / И с отвращением читая жизнь мою, / Я трепещу и проклиная» (А.С. Пушкин) [46] – «...развертываю я / Печальный свиток жизни бедной, / Итог пустого бытия, / И бесполезный и безвредный» (Э.И. Хубер) [47]. Наконец, Ю.Д. Левин усматривает пушкинские аллюзии в поэме Губера «Антоний»: обращение к Москве в начале поэмы перекликается со строками XXXVI – XXXVII главы VII «Евгения Онегина»; сцена «Кабинет Антония» в шестой главе поэмы сделана по образцу пушкинской «Сцены из Фауста»; имя демонического искусителя Сильвио перенесено из «Выстрела», одной из «Повестей Белкина» [48]. «Медным всадником» Пушкина, вероятно, подсказаны такие строки в поэме Губера «Антоний»: «А там над Невою, и светел и ясен, / Как гений-хранитель в ночной тишине, / Судьей и владыкой, могуч и прекрасен, / Наездник на бронзовом скачет коне» [49]. Близость Губера в поэме «Антоний» традиции Пушкина видели не только исследователи последующего времени, но и современники двух поэтов – В.Г. Белинский, указавший на «излишнее подражание Пушкину» [50], и анонимный рецензент «Санкт-Петербургских ведомостей», заявивший, что «Антоний» – «бледный сколок с «Евгения Онегина», которому г. Губер подражает, по крайней мере, в способе изложения» [51].

Завершая статью, хочется отметить, что живое общение с Пушкиным, связь с пушкинскими традициями имели чрезвычайно важное, благотворное значение для творческого становления и развития Губера. Пушкинская традиция питала поэзию Губера глубокими мыслями и идеями, позволяла соответствующим образом воспринять и отразить многие стороны жизни, в целостной художественной форме передать переживания и настроения современника, всю противоречивую гамму его чувств.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Тихменев А.Г. Э.И. Губер: Биографический очерк // Губер Э.И. Сочинения: В 3 т. – СПб., 1860. – Т. 3. – С. 231.
2. Соллогуб В.А. Э.И. Губер // Санкт-Петербургские ведомости. – 1847. – 20 апреля (№87). – С. 407.
3. См.: Губер Э.И. Сочинения: В 3 т. – СПб., 1859. – Т. 1. – С. 433.
4. См.: Висковатов П.А. Эдуард Губер и Фесслер. – СПб., 1887.
5. Об этом подробнее см.: Деген Е. Э.И. Губер как поэт и первый русский переводчик «Фауста» // Cosmopolis. – 1898. – №4, 5; Жирмунский В.М. Гете в русской литературе. – Л., 1981; Левин Ю.Д. Э.И. Губер – переводчик «Фауста» Гете // Левин Ю.Д. Русские переводчики XIX в. и развитие художественного перевода. – Л., 1985. – С. 51-71.
6. Тихменев А.Г. Указ. соч. – С. 268.
7. Там же. – С. 269.
8. Соллогуб В.А. Указ. соч. – С. 105.
9. Фауст. Сочинение Гете. Перевод Эдуарда Губера. – СПб., 1838. – С. XXXI.
10. Губер Э.И. Литературное объяснение // Литературные прибавления к «Русскому инвалиду». – 1837. – 21 августа (№34). – С. 335.
11. Об этом событии см.: Русский архив. – 1897. – Т. 1. – №3. – С. 342.
12. Цит. по: Тихменев А.Г. Указ. соч. – С. 288.
13. Цит. по ст.: Котин В. «Незабвенной памяти Пушкина» // Годы и люди: Сб. – Саратов, 1989. – Вып. 4. – С. 71-72.
14. Фауст. Сочинение Гете. Перевод Эдуарда Губера. – СПб., 1838. – XXXIV, 248 с. Анализ перевода см.: Pohl Wilma. Russische Faust-Ubersetzungen. – Meisenheim am Glan, 1962. – S. 16 – 37.
15. Статья опубликована без подписи. Авторство Я.К. Грота устанавливается из содержания письма к нему П.А. Плетнева от 12 апреля 1847 г. См.: Переписка Я.К. Грота с П.А. Плетневым: В 3 т. – СПб., 1886. – Т. 3. – С. 49.
16. Современник. – 1839. – Т. 13. – №1. – С. 73.
17. Фауст. Сочинение Гете. Перевод Эдуарда Губера. – СПб., 1838. – С. VII.
18. Там же.
19. Губер Э.И. Литературное объяснение // Литературные прибавления к «Русскому инвалиду». – 1837. – 21 августа (№34). – С. 335.
20. Об этом см. в письме И.А. Бека к В.Ф. Одоевскому (1837): Российская национальная библиотека. – Ф. 539. – Оп. 2. – Д. 232. – Л. 3об.
21. Бек И.А. Литературное объяснение // Современник. – 1837. – Т. IX. – № 1. – С. 64.
22. Фауст. Сочинение Гете. Перевод Эдуарда Губера. – СПб., 1838. – С. XXXII.
23. Войналович Е.В., Кармазинская М.А. Бек Иван Александрович // Русские писатели. 1800 – 1917: Биографический словарь. – М., 1989. – Т. 1. – С. 201.
24. Жирмунский В.М. Гете в русской литературе. – Л., 1981. – С. 416.
25. Библиотека для чтения. – 1838. – Т. 31. – № 12. – Отд. VI. – С. 41.
26. Библиотека для чтения. – 1845. – Т. 70. – №6. – Отд. VI. – С. 15.

-
-
27. Иллюстрация. – 1845. – Т. 1. – 2 июня (№9). – С. 143.
 28. Маяк. – 1845. – Т. 22. – Кн. 44. – Новые книги. – С. 65-66.
 29. Северная пчела. – 1846. – 22 января (№18). – С. 71. Статья написана Л.В. Брантом и напечатана под псевдонимом Я.Я.Я.
 30. Поэты 1840-1850-х годов. – Л., 1972. – С. 139.
 31. Там же. Стихи 26-41 вошли с незначительными изменениями в «Посвящение» к переводу «Фауста» (Фауст. Сочинение Гете. Перевод Эдуарда Губера. – СПб., 1838. – С. VIII).
 32. Лонгинов М.Н. Воспоминания об Эдуарде Ивановиче Губере // Московские ведомости. – 1857. – 12 ноября.
 33. Белинский В.Г. Полное собрание сочинений: В 13 т. – М., 1955. – Т. 8. – С. 63.
 34. Подробнее см.: Иезуитова Р.В. Пушкин и эволюция романтической лирики в конце 20-х и в 30-е годы // Пушкин: Исследования и материалы. – Т. 6. Реализм Пушкина и литература его времени. – Л., 1969. – С. 89.
 35. Лермонтов М.Ю. Собрание сочинений: В 4 т. – М, 1975. – Т. 1. – С. 132.
 36. Анализ этого стихотворения см.: Иезуитова Р.В. Указ. соч. – С. 89.
 37. Поэты 1840 – 1850-х годов. – Л., 1972. – С. 132.
 38. Губер Э.И. Сочинения: В 3 т. – СПб., 1859. – Т. 1. – С. 68.
 39. Левин Ю.Д. Русско-немецкий поэт Э.И. Губер // Многоязычие и литературное творчество. – Л., 1981. – С. 121.
 40. Мерзляков А.Ф. Стихотворения. – Л., 1958.
 41. Жуковский В.А. Собрание сочинений: В 4 т. – М.-Л., 1959. – Т. 1. – С. 310.
 42. Дельвиг А.А. Полное собрание стихотворений. – Л., 1959. – С. 179.
 43. Языков Н.М. Полное собрание стихотворений. – М.-Л., 1964. – С. 123.
 44. Губер Э.И. Сочинения: В 3 т. – СПб., 1859. – Т. 1. – С. 52.
 45. Пушкин А.С. Собрание сочинений: В 10 т. – М., 1959. – Т. 2. – С. 221.
 46. Там же. – С. 206.
 47. Поэты 1840 – 1850-х годов. – Л., 1972. – С. 153.
 48. Левин Ю.Д. Указ. соч. – С. 120 – 121.
 49. Губер Э.И. Сочинения: В 3 т. – СПб., 1859. – Т. 1. – С. 300.
 50. Белинский В.Г. Полное собрание сочинений: В 13 т. – М., 1953. – Т. 3. – С. 137.
 51. Санкт-Петербургские ведомости. – 1839. – 30 апреля (№ 96). – С. 425.

«ФАБРИКА ЛИТЕРАТУРЫ» А. ПЛАТОНОВА КАК ПРОЕКТ ЛИТЕРАТУРНОГО «ПРОИЗВОДСТВА»

В статье анализируется конструктивный подход А. Платонова, к руководству литературным делом. Показано, как пролетарский художник, убежденный в том, что литература должна создаваться теми, кто непосредственно участвует в социалистическом строительстве, отменяя принцип классовой ненависти, пытается консолидировать советскую литературу вокруг новых, представляющихся писателю правильными идей.

I.I. Matveeva

“FACTORY OF LITERATURE” BY A. PLATONOV AS A PROJECT OF LITERARY PRODUCTION

The article analyzes the constructive approach of A. Platonov towards management of literary work. It shows how a proletarian artist, who is convinced that literature should be created by those who are directly involved in socialist forming, negating the principle of class-hatred, is trying to consolidate soviet literature around new right (according to the author) ideas.

Андрей Платонов – писатель, рожденный революцией, воспринявший и переплавивший многие идеи «левого искусства» [1]. Он причислял себя к пролетарским художникам и проповедовал творчество масс как в социальной жизни страны, так и в искусстве («К начинающим пролетарским поэтам и писателям», «Поэзия рабочих и крестьян»). В ранней публицистике Платонова звучит вера в то, что социализм разбудит духовные силы народа и создаст лучшее в мире искусство: «В ближайшие же годы <...> капитализм начнет приглашать людей искусства и науки со стороны, то есть из социалистических стран. <...> Причина такого явления – в иссякании творческих сил капиталистического общества» [2].

Вслед за Богдановым Платонов считал, что литература должна создаваться теми, кто непосредственно участвует в социалистическом строительстве – рабочими, инженерами, крестьянами – людьми, хорошо знающими тонкости какого-либо практического дела, поэтому вплоть до 1930-х годов он совмещал профессии писателя и инженера. Еще в начале своего писательского пути он сформулировал программу, которой был верен всю жизнь: «Жить, а не мечтать, видеть, а не воображать – <...> единственно истинное искусство» [3].

В середине 1920-х годов Платонов внимательно следил за ходом дискуссии, развернувшейся между литературными группировками по вопросам пролетарской прозы, писательской техники, любви и пола, «нового героя», сатиры и т.д. В центре борьбы находились РАПП и группа «Перевал» во главе с А.К. Воронским. Безусловно, Платонову как инженеру по образованию была интересна и позиция конструктивистов, заявивших в своем манифесте «Госплан литературы» (1925) о создании нового пролетарского искусства по аналогии с конструкторской деятельностью. С большим уважением он относился к

творчеству В. Маяковского и поискам лефовцев, но при этом оставался верен избранной единожды платформе независимости от литературных группировок [4].

Несмотря на то, что критика причисляла его к пролетарским писателям [5], воинственный тон журнала «На посту» (орган РАПП), его жесткие оценки признанных литературных авторитетов задевали Платонова, которому были близки многие положения журнала «Перевал» и, прежде всего, тезис о творческой свободе художника и лозунг «дорогу талантам»: «Нужно объявить войну бездарности в литературе, каким бы флагом эта бездарность ни прикрывалась <...> Дорогу пролетарскому художнику, дорогу попутчику, если есть у них что сказать по-своему или если они хотят учиться по-настоящему, потому что чувствуют в себе дар, беспокойство, наплыв чувств. <...> Нужно изгнать это махание партбилетом перед носом, это групповое самодовольство, эти ссылки на свое какое-то особое происхождение» [6].

Очевидно, Платонов чувствовал личное доверие к редактору «Красной нови», и не только потому, что Воронский поддержал Платонова, напечатав в 1925 году в своем журнале его стихи. Скорее, это была некая идейная близость. Не случайно в июле 1926 года Платонов отправил Воронскому письмо, в котором откровенно сообщал о трагических обстоятельствах своей жизни и просил помощи [7]. Вот почему сложная ситуация вокруг «Красной нови» кровно волновала Платонова, требовала вмешательства.

Следует оговориться, что ни одно из произведений, в которых затрагивается литературная полемика 1920-х годов, не было опубликовано при жизни Платонова. Это статья «Фабрика литературы» (1926), рассказ «Антисексус» (1926), фельетон «Московское общество потребителей литературы (МОПЛ). Отчет хроникера» (1927), статья «Великая глухая» (1931). Каждое из них представляет собой интереснейший материал, позволяющий судить об отношении писателя к литературной обстановке в стране. Давая своеобразный срез жизни творческой интеллигенции, они вольно или невольно обнажали политические проблемы страны, что сделало их публикацию в 1920-е годы невозможной.

Первой вещью, которой Платонов откликнулся на драматическую ситуацию в литературе, был очерк «Фабрика литературы». Считается, что это ироническая статья, пародирующая «центральные идеи работ В. Шкловского», что Платонов доводит до абсурда некоторые положения «левого искусства», в частности, тезис «производственного искусства» и «теорию монтажа» [8]. Однако есть основания считать статью вполне серьезной. Платонов выражает в ней, с одной стороны, недовольство современной критикой, а с другой, предлагает свой способ улучшения работы литературного цеха. При этом он привлекает личный опыт инженера-мелиоратора, проводившего в жизнь грандиозные планы по «ремонту земли» в Воронежской губернии. Оказавшись в Москве, он искал приложения своим незаурядным организаторским способностям на новом поприще – в области литературы.

Платонов считал, что художника можно и нужно учить мастерству. Для этого у него были веские основания: деятельное участие в воронежском союзе пролетарских поэтов и писателей, борьба с цензурой в работе над первым прозаическим сборником, стремление искоренять недостатки раннего творчества. Так, на жесткую критику рассказа «Чульдик и Епишка» в августе 1920 года Платонов ответил: «Мы растем из земли, из всех ее нечистот, и все, что есть на

земле, есть и на нас. Но не бойтесь, мы очистимся – мы ненавидим свое убожество, мы упорно идем из грязи. <...> Из нашего уродства вырастет душа мира. <...> Мы идем снизу, помогите нам, верхние...» [9].

Наставником, помогавшим «очиститься», вырастить творческие крылья, был для Платонова Г.З. Литвин-Молотов, председатель политотдела Совета Обороны, возглавлявший студию молодых пролетарских поэтов и писателей Воронежа в 1919–1920 годах. Он отличался образованностью, широким кругозором, строгостью и в то же время человеколюбием, чем вызывал уважение коллег. Но, пожалуй, главным его даром было безошибочное чутье на писательскую одаренность. Став редактором газеты «Красная деревня», Литвин-Молотов создал в коллективе творческую атмосферу. Он привлек талантливую молодежь: фельетониста и критика Г. Плетнева, М. Бахметьева, А. Тихова и др. Молодые поэты и писатели допоздна засиживались в редакции, до хрипоты спорили и были абсолютно уверены в поддержке старшего друга и учителя.

Из всего писательского молодняка Литвин-Молотов особенно выделял Платонова и всячески помогал ему. Перейдя на руководящую работу в Краснодарское издательство «Буревестник», а затем в московское издательство «Молодая гвардия», Молотов продолжал следить за судьбой молодого писателя. Он выпустил в издательстве «Буревестник» его первый стихотворный сборник «Голубая глубина», а затем стал литературным редактором прозаического сборника «Епифанские шляпы». Под его наблюдением начинающий писатель формировал собственный стиль, учился эзоповскому языку. По собственному признанию Платонова, без постоянной поддержки, советов Литвина-Молотова он не стал бы писателем.

Используя полученный в Воронеже опыт журналистской и практической инженерной работы, Платонов переносит его на карту всесоюзного масштаба. По сути, в статье «Фабрика литературы» он представляет на суд читателя грандиозный «проект» государственного института литературы.

Платонов выстраивает модель будущего литературного ДЕЛА как инженер – логически и иерархически. В первой части статьи он показывает типичные ошибки современной критики – невыполнимость задач, поставленных перед писателем: «Говорят – пиши крепче, большим полотном, покажи горячие недра строительства новой эпохи, нарисуй трансформацию быта, яви нам тип человека нового стиля с новым душевным и волевым оборудованием» [10]. По мнению Платонова, этого невозможно достичь в силу масштабности материала и малых сил отдельно взятого писателя. Платонов иронически сравнивает творческие потуги литераторов с «выдуванием мыльных пузырей»: «Бродит этот человек чужеземцем по заводам, осматривает электрические централи, ужасается обычному, близорукий на невнятно великое, потом пишет сентиментально, преувеличенно, лживо, мучаясь и стеля о виденных крохах и ошурках жизни... Получаются разъездные корреспонденции, а не художество. Получается субъективное философствование “по поводу”, а не сечение живого по “АВ” с проекцией плоскости сечения в неминуемую судьбу этого “живого”» (с. 598).

Взамен «выдувания мыльных пузырей» и жалких потуг в одиночку изобразить грандиозную эпоху Платонов предлагает объединить усилия писателей и критиков. Самый простой способ сделать творчество коллективным – это использовать полуфабрикаты – писательские записные книжки, куда заносятся

все жизненные впечатления художника: «Я сделал так (меня можно сильно поправить). Купил кожаную тетрадь (для долгой носки). Разбил ее на 7 отделов – «сюжетов» с заголовками: 1) Труд, 2) Любовь, 3) Быт.. <...> В эту тетрадь я неукоснительно вношу и наклеиваю все меня заинтересовавшее, все, что может послужить полуфабрикатом для литературных работ, как то: вырезки из газет, отдельные фразы оттуда же, вырезки из много- и малочитаемых книг <...> Затем я <...> беру целые диалоги, описания улиц, воздуха, обстановки и прочих чудес – все по готовому, лишь слегка изменяя их, соответственно замыслу или своим способностям и связывая интервалы цементом из личного багажа. Получается сочинение, где лично моего (по числу букв) 5–10%, зато все мое душевное желание, зато весь мой “монтаж”» (с. 602–603).

Платонов идет дальше – предлагает перепоручить заготовку полуфабрикатов «литкорам» – людям, хорошо знающим производство, но не имеющим достаточной литературной квалификации. Писатель считает эффект от использования «полуфабрикатов» колоссальным, ведь в них вложен разум, чувства, оценки тысяч людей.

Во второй части статьи Платонов предлагает схему литературного предприятия, где низовую ступень должны занять «литкоры», «мастеровые у станков», собирающие материал по определенным темам, сюжеты будущих произведений. На следующей ступени «литературного цеха» стоит национальный или областной «литкор» («цеховой мастер»), наиболее опытный литератор, обладающий тонким вкусом и глубоким образованием, способный «очистить» поступивший материал от всего неоригинального и, по желанию «литкора», слегка подправить его, «не переставляя даже запятых». Это своеобразный ОТК, «браковочный цех», препятствующий приходу в литературу слабых полуфабрикатов. Однако это звено литературного цеха не имеет права «обесцвечивать и обезглавливать материал литкоров» (с. 606). Далее следуют «монтеры» (литераторы, сборщики произведений), отбирающие и систематизирующие поступившие материалы. Платонов называет их «квалифицированными мастерами», организующими «всю массу полуфабрикатов, чтобы получилось произведение, а не крошка словес, фактов и девьей мечты» (с. 606).

Высший орган литературного предприятия – редакция, или «бюро избрания литературных методов». Это своеобразный «сборочный цех», во главе которого стоит опытный критик или бюро критиков. Его задача – «систематизировать опыт, изучать эпоху», вносить поправки, «улучшая качество, экономия и упрощая труд» писателя.

В свете сказанного та часть статьи, где речь идет о наставниках молодых литераторов, совсем не выглядит иронической. Ведь Литвин-Молотов и был тем самым цензором, «нацлиткором», как определил в статье Платонов. Именно Молотов «особенно хорошо знал свой народ и родную литературу», именно он давал правильные советы Платонову, уберегая его от опасностей и ударов судьбы.

Стремясь смягчить ситуацию в литературе, Платонов высказал пожелания критикам: «...центральный литкор должен работать “чуть-чуть”, не править материал, а – или выбрасывать его целиком, или оставлять тоже целиком, не переставляя даже запятых. <...> Нацлиткор должен особенно хорошо знать свой народ и родную литературу и должен давать советы и помощь литкорам (и в этом его главная работа)» (с. 606).

Каждое из звеньев «литературной фабрики» Платонов считал очень важным, но наибольшее значение придавал низовому звену («литкорам») и «монтерам» – опытным литераторам, придающим произведениям окончательную форму. Их доленое участие в общем деле он оценивал соответственно в 40% и 50%. О том, что для Платонова это было вполне серьезно, говорят следующие факты: к 1928 году он осуществил опыт совместной работы с Б. Пильняком (пьеса «Дураки на периферии» и губернские очерки «Че-Че-О»), в составе писательских бригад совершил поездки по Центрально-Черноземной области и в Туркмению.

Процент участия критиков разного ранга («нац-обл-литкоров» и «директоров-инженеров») Платонов сводил к минимуму – к 10% от общего количества затраченного труда. В таком же соотношении он предлагал распределять и заработную плату.

Все сказанное выше позволяет сделать вывод: перед нами – всячески пропагандируемое в 1920-е годы производственное разделение труда, когда каждый член коллектива выполняет порученный ему участок работы. При этом Платонов не утверждает, что создание произведения – процесс механический, напротив, по его мнению, «искусство получается в результате обогащения руд жизни индивидуальностью художника. <...> Ведь искусство получается <...> в результате сложения (или помножения) социального, объективного явления с душой человека» (с. 602).

В статье Платонов протестует против механического перенесения на лист «картинок с натуры», против того, чтобы герои произведений говорили прописные истины, иллюстрировали партийные лозунги. Он призывает внимательнее слушать простых людей, учиться у них живому слову, так как «свежие губы народа редко изрекают междометия или формулируют понятия, а дают явлениям некоторый конкретно-словесный образ, <...> поскольку народ – живой человек» (с. 602).

Название статьи («Фабрика литературы») – это метафора правильного отбора социального материала, взятого из самых глубин народной или производственной жизни, пропущенного через сердце литератора, очищенного, обогащенного критиками, которые не огульно критикуют авторов, допускающих ошибки, а принимают на себя ответственность за судьбу их произведений.

Платонов не претендует на истину в последней инстанции, он оговаривается: «...меня можно сильно поправить». Однако главное в статье – конструктивный подход к руководству литературным делом. Отметая принцип классовой ненависти, он пытается консолидировать советскую литературу вокруг новых идей, которые представляются ему правильными (отражение эпохи строительства социализма, показ «нового героя» и др.). Уверенные интонации автора, мягкий юмор свидетельствуют о его искренней вере в возможность повышения качества писательского труда.

Автор статьи рассчитывал на то, что его голос услышат, что он, как и в Воронеже, станет проводником, на этот раз, большого литературного ДЕЛА, поэтому, получив отказ редакции журнала «Октябрь», он направил статью в «Журнал крестьянской молодежи». Но и там положений статьи не приняли – публикация не состоялась. А между тем дискуссия продолжалась, страсти вокруг литературы все более накалялись, растравляя в Платонове «раны иронии» [11], подготавливая появление произведений, окрашенных совсем другим пафосом.

Примечания

1. Малыгина Н.М. Андрей Платонов: Поэтика «возвращения». – М., 2005. – С. 28–46.
2. Платонов А. Питомник нового человека // Октябрь. – 1999. – № 2. – С. 150.
3. Платонов А. Ответ редакции «Трудовой армии» по поводу моего рассказа «Чульдик и Епишка» // Платонов А. Сочинения. Т. 1. Кн. 2. – М., 2004. – С. 69.
4. Платонов А. Анкета участника Всероссийского съезда пролетарских писателей // Октябрь. – 1999. – № 2. – С. 122.
5. Лежнев А. О группе пролетарских писателей «Перевал» // Красная новь. – 1925. – № 3.
6. Воронский А.К. Литературные записи. Об искусстве. – М., 2006. – С. 143.
7. Корниенко Н.В. Вступительная статья к публикации статьи Платонова А. Фабрика литературы // Октябрь. – 1991. – № 10. – С. 195.
8. Корниенко Н.В. Комментарии // Платонов А. Взыскание погибших. – М., 1995. – С. 668.
9. Платонов А. Ответ редакции «Трудовой армии» по поводу моего рассказа «Чульдик и Епишка» // Платонов А. Сочинения. Т. 1. Кн. 2. – М., 2004. – С. 68–69.
10. Платонов А. Фабрика литературы: (О корен. улучшении способов лит. творчества) // Платонов А. Взыскание погибших. Повести. Рассказы, Пьеса. Статьи. – М., 1995. – С. 598. В дальнейшем текст статьи цитируется по этому изданию с указанием в скобках страниц.
11. Платонов А. Ответ на анкету «Какой нам нужен писатель» // Андрей Платонов. Воспоминания современников. Материалы к биографии. – М., 1994. – С. 287.

О.Г. Шильникова

МОДЕЛИРОВАНИЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОСТРАНСТВА В ЛИТЕРАТУРНО-КРИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

В статье отмечено, что используемые критикой «литературные ряды» оценки субъективно окрашены и ценностно ориентированы, основаны на эмоционально-чувственном восприятии текста. Показано, как пространственно-временное моделирование становится в критике средством воссоздания многоаспектной объемной зримой картины литературной жизни.

O.G. Shilnikova

MODELING OF ARTISTIC SPACE IN LITERARY- ARTISTIC DISCOURSE

The article argues that “literary rows” of marks used by critic are subjective and value oriented, based on emotional perception of text. It shows how space and time modeling becomes a mean of creation multiaspectual picture of literary life in ctitic.

По давно устоявшейся традиции критика имеет дело преимущественно с современным литературным процессом. В поле ее зрения попадают прежде всего новые артефакты и имена, которые либо еще не получили никакого отклика, либо остаются в культурном поле своего времени. Ценностно неопознанными, и оттого отношение к ним оказывается противоречивым и неоднозначным. Кроме того, мозаика литературной жизни всегда складывается из разных по исполнению и влиянию на читателей, по значению в художественном процессе и общественному резонансу произведений. И все они, независимо от эстетического уровня, являются предметом критического дискурса. При осмыслении актуальных культурных обстоятельств критик использует три основных вида дискурсивной деятельности – аналитическую, интерпретационную, оценочную. Именно эта последняя, являясь результирующим итогом двух первых, помогает в решении таких масштабных задач, как структурирование художественного пространства современности и концептуальное осмысление литературы прошлых эпох.

В качестве социально-культурного института критика осуществляет свои функции, используя „многообразные способы аксиологической рефлексии. Через различные формы ценностных суждений, а также посредством информационно-справочной, популяризаторской и рекламной деятельности она производит отбор и градацию художественных ценностей, занимается актуализацией либо, напротив, рутинизацией или даже девальвацией художественного наследия, включая его в духовную ситуацию современности и «вскрывая творческую драму художника под знаком своего времени» [1]. И, наконец, критика моделирует репутации отдельных авторов и даже целых литературных эпох. С ее помощью создаются и сокрушаются литературные кумиры, утверждаются истинные и ложные авторитеты, возвеличиваются или дискредитируются таланты. Несмотря на множественность и дифференцированность мнений внут-

ри критического дискурса, критике каждого историко-литературного периода за счет своеобразной пульсации смыслов, представлений и оценок обычно удается осуществить хотя бы частичную гармонизацию художественной инфоосферы своего времени. Особенно ясным это становится в исторической ретроспективе.

Очевидно, что все перечисленные направления оценочной деятельности реально воплощаются лишь на уровне индивидуальных критических систем, и притом в конкретных текстах. Поэтому закономерно возникает вопрос, какие именно механизмы используют аналитики для выражения своих аксиологических предпочтений в отдельных литературно-критических произведениях или в их совокупности.

Один из самых эффективных способов воссоздания целостной панорамы литературно-художественной жизни – это ценностное моделирование, позволяющее автору предельно наглядно для аудитории выразить свою позицию. В процессе структурирования неоднородного и разнокачественного художественного пространства критик определяет место и значение того или иного эстетического объекта – произведения, писателя, жанра, метода – в литературно-художественной ситуации своего времени, ориентируясь на свое представление о том, каким должно быть искусство, и на собственную парадигму оценочных координат. Из «элементов» художественного процесса (прошлого и настоящего), которым был присвоен определенный ценностный статус, он «конструирует» модель искусства или какого-то его сектора.

Несущей конструкцией такой модели является пространственно-временная ось координат, где характеристики произведений, авторов, направлений фиксируются в виде «литературных рядов» и литературных вертикалей, а главным «строительным» материалом служат качественные оценки. В пределах «ряда» по горизонтали в хронологической последовательности обозначаются «иерархические в художественном и общественно-функциональном планах пласты словесности» [2] с учетом ретроспективы и перспективы литературного развития. Вертикаль дает ранжировку писателей в соответствии с их ролью и местом в современном литературном процессе.

Чтобы создать подобную модель, критику необходимо осмыслить целый комплекс взаимосвязанных проблем: во-первых, определить параметры качественной оценки такого специфического явления, как произведение искусства, во-вторых, найти основания для субординации художественных ценностей, в-третьих, выбрать формы репрезентации в критическом тексте результатов своей теоретической рефлексии.

Любая гуманитарная дисциплина, имеющая своим предметом литературу как вид искусства, сталкивается с теми же вопросами. Однако если исходить из того, что критика – это отдельная область деятельности и специфический род литературных занятий, то придется признать: пути решения названных проблем в критике и в науке будут неодинаковы. В целом о соотношении критики и литературоведения было сказано немало, особенно в работах 70–80-х годов прошлого века, где критика почти всегда фигурировала в качестве компонента науки о литературе. Нас же в данном случае интересуют преимущественно аксиологические параметры критики, так как именно на этом уровне явно проступает неаутентичность этих двух областей.

Первое принципиальное различие связано с самим термином «лите-

ратурный ряд». В критике и в литературоведении он имеет разное смысловое наполнение [3]. Это обстоятельство было зафиксировано еще Ю.Н. Тыняновым, который не только ввел данное понятие в научный оборот, но и всегда четко разграничивал, о чем собственно он ведет речь – об оценке достижений писателя и определении его места историко-литературной наукой или о принципах конструирования «литературных рядов» в критических работах. В своем теоретическом труде «О литературной эволюции» (1927) Ю.Н. Тынянов связывал данное понятие с проблемой эволюции, исторической изменчивости и функциональной соотнесенности литературных явлений как элементов общей системы. С одной стороны, его представление о «ряде» предполагает наличие общего историко-литературного контекста, куда и вписывается изучаемое явление. С другой стороны, чтобы претендовать на достоверность, сами оценки литературных фактов не должны быть ни качественными, ни абсолютными. Они определяются тем, какое место занимает явление в литературной эволюции и насколько характерно оно для своего времени. Ю.Н. Тынянов предупреждал о наивности оценок, производимых «из одной эпохи-системы в другую» и о научной нецелесообразности построения замкнутых «литературных рядов», основанных; на ценностном подходе к художественным объектам.

В современной филологии, во многом благодаря усилиям С.И. Кормилова, в течение нескольких последних лет оживился интерес к проблеме «литературного ряда». Ее пытаются осмыслить в теоретическом аспекте и даже перевести в практическую плоскость [4]. В.Е. Ализев отмечает, что в настоящее время «опыты выстраивания литературных фактов в некие иерархии предпринимаются весьма настойчиво» [5].

В аспекте обсуждаемой нами темы принципиально важно, какие цели преследуют литературоведение и критика при «встраивании» оценки в иерархическую структуру «ряда». Наука всегда стремится к объективности и по мере возможности учитывает противоречивый нелинейный путь культурной эволюции, динамику общественно-исторического сознания и собственно эстетические закономерности развития искусства, так как озабочена созданием возможно более полного представления о нем.

Критика, в силу своей идеологической и эстетической актуальности, а также прагматической ориентации, с помощью «литературных рядов» выстраивает модель искусства, обладающую иными свойствами. Критика, по самой своей сути (и это было мощно продемонстрировано Бартом в его статье «История и литература») «не является и не может быть исторической, потому что она всегда состоит в интерпретации, ... в навязывании смысла произведению. Такое отношение между критикой и произведением – обязательно *анахроническое* в буквальном (а – для историка неприемлемом) смысле этого термина» [6]. Отсюда и эксплицируемая ею модель является значительно мифологизированной, то есть целостно отражающей не только реальные качества объекта, но в первую очередь представления субъекта. В данном случае под мифологизацией также имеется в виду «абсолютизация и наделение онтологически независимым статусом условных по своей сути аксиологических построений», «создание предельных, стремящихся к абсолюту и всеобщности смыслов и значений» [7]. Причем последние всегда претендуют на то, чтобы быть инкорпорированными в сознание реципиента с целью стать для него средством практического освоения мира художественных ценностей. Кроме того, по отношению к

аудитории эта модель может быть охарактеризована как манипулятивная [8]. Ее «элементы» располагаются в таком порядке и обозначаются таким образом, чтобы, воздействуя на рациональные и бессознательные уровни мышления читателя, заранее задать смысловой и эмоционально-чувственный горизонт восприятия картины современной художественной жизни.

Второе отличие заключается в том, что критика и наука неодинаково подходят к интерпретации самого понятия «качественная оценка» и к возможности его использования в ходе структурирования культурного поля. Так, М. Вебер настаивал на принципиальной невозможности сравнивать ценности разных национальных культур [9]. А, к примеру, Ю.Н. Тынянов полагал, что понятие качества вообще не может быть применимо при характеристике искусства. Он высказал серьезные опасения, что в литературной науке опора на теорию ценностей приведет к изучению «истории генералов», когда внимание исследователей будет сосредоточено лишь на главных и оттого разрозненных художественных явлениях, из которых нельзя будет составить представления об общей эволюции литературы. Однако, теоретически отвергая возможность имманентного изучения произведения и субъективных эстетических оценок в научном исследовании [10], он признавал правомочность подобного подхода в критике, «потому что соотнесенность современного произведения с современной литературой (а не с историко-литературным контекстом. – О. Ш.) – заранее предусмотренный и только замалчиваемый факт. (Сюда относится соотнесенность произведения с другими произведениями автора, соотнесенность его с жанром и т.п.)» [11].

В современной науке устойчивым является мнение, что оценки должны основываться в первую очередь на эстетических достоинствах, на степени художественного совершенства произведений и их роли в литературном процессе [12].

Для критики качественная оценка также всегда оказывается принципиально важной. Так, М.Е. Салтыков был убежден, что в роли «ценовщика» «только критика сможет провести ту разделительную черту, которая существует между гг. Тургеневым и Ключниковым». Однако содержание понятия качественной оценки здесь иное. Это происходит потому, что, включая художественный объект в духовную ситуацию своего времени, она приводит «горизонт ожидания», закодированный в произведении, в соответствие с «горизонтом ожидания» нынешней читательской аудитории и порождает созвучные времени новые смыслы или обогащает ранее выявленные значения художественных феноменов. Ведь критика «рассматривает произведения искусства, независимо от эпохи их создания, как актуально живые силы, формирующие современность» [13]. Отсюда стержнем для построения вертикальных и горизонтальных «рядов» служат не только степень талантливости автора или эстетическое совершенство его творений. Это может быть актуальный для самого критика, общества, какого-либо этапа культурного развития признак. К примеру, злободневность тематики, соответствие / несоответствие доминирующей стилевой тенденции эпохи, жанровое новаторство, внятность выражения писательского мирозерцания. Идеологически, а порою и экономически ангажированная и публицистически активная критика вообще не слишком склонна к объективности. Ее оценки часто бывают векторно сориентированы либо на индивидуально-личностную позицию автора, либо на редакционные, кор-

поративные, коммерческие интересы, хотя обычно действует целый комплекс факторов.

Следует учесть и разность аудиторной составляющей. Критика делает упор на опыте чтения художественного текста, оценивая «смысл и эффект этих произведений для читателя компетентного, но не обязательно ученого и профессионального. Критика ценит, судит; ее средствами являются симпатия (или антипатия), самоотождествление, самопроекция» [14]. Периодическое издание, которое служит для нее «идеальным местом», также может существенно влиять на оценки. Поэтому используемые критикой при моделировании «литературных рядов» оценки почти всегда субъективно окрашены, ценностно ориентированы и, по сравнению с наукой, являются более редуцированными, а порою и лишенными серьезной логической мотивации и основанными преимущественно на эмоционально-чувственном восприятии текста.

Созданием разного рода иерархий критика начала заниматься почти с самого момента своего зарождения. Это адекватный ее аксиологической сущности и функциональному назначению прием. Отчасти именно для подобных нужд ею были выработаны специальные жанры – литературное обозрение и параллель. Последняя и представляет собою статью о двух или нескольких писателях и произведениях, сравниваемых между собою. Б.Ф. Егоров, проведя анализ жанра параллели в работах XIX века, отметил приверженность к выстраиванию иерархий у Д.И. Писарева, М.А. Антоновича, А.А. Григорьева [15]. Исследователь объясняет этот факт преимущественно причинами личностного свойства: контрастностью мышления Белинского и романтической прямолинейностью, полемическим задором Писарева. Представляется, что необходимо указать и на более общий источник подобных пристрастий – аксиологическую природу самой критики.

Образцы иерархического структурирования литературного ландшафта обнаруживаются у представителей самых разных критических течений, и притом в работах несхожих жанровых форм – в обозрениях, полемических, проблемных, теоретических статьях, в циклах и даже рецензиях. Яркими примерами могут служить «Пантеон российских авторов» Н.М. Карамзина, обзоры А.А. Бестужева, вступление «Физиологии Петербурга» В.Г. Белинского, работа М.Е. Салтыкова о Я.П. Полонском (1869). Вариант более масштабного пространственно-временного моделирования – пушкинский цикл В.Г. Белинского. В сегодняшней критике предельно схематизированная форма иерархического моделирования представлена в жанре рейтинга («Книжная полка» «Нового мира», оценочные списки в «Новой библиотеке» Петра Алешковского на «Радио России»). Особым способом аксиологического осмысления литературного процесса в журнальном контексте является ранжировочный принцип организации всех рецензионно-библиографических материалов издания («Библиографическая служба» «Континента»).

Наглядные примеры преднамеренного выстраивания «литературных рядов» можно найти в критическом наследии Ю.Н. Тынянова. В статье «Литературное сегодня» (1924), обозревая пеструю художественную панораму первой половины двадцатых годов, критик предельно четко кроит ее по всем направлениям. Его цель – выявить привлекательные для читателей и продуктивные для дальнейшего развития самой литературы «нужные узлы», которые к тому времени уже наметились в словесности, рожденной советскими историко-культурными обстоятельствами.

В современной литературе он выделяет литературный «верх». Это талантливые оригинальные писатели, сумевшие удержаться на уровне психологической прозы XIX века и даже в чем-то развить ее традиции, – К. Федин, И. Шмелев, Б. Пастернак, а также Е. Замятин со своей «сатирической утопией» «Мы», высоко оцененной критиком как несомненная удача автора еще до выхода романа. Середину «ряда» занимают «крепкий писатель» Вс. Иванов, Л. Сейфуллина, О. Форш, М. Шагинян. У них отмечаются как сильные стороны – богатая лексика, эмоциональность, так и недостатки, например, излишняя нетворческая традиционность. Литературный «низ» представлен «отражающими бытовиками» – Аросевым, Зозулей, Никандровым, Никитиным. Они не делают никакого нового шага в художественном отношении. Их рассказы часто оказываются натуралистическими, тривиальными, открыто назидательными. И потому «они не освежают литературы и ничего не дают быту», считает Ю.Н. Тынянов [16]. Сюда же примыкает «марсианская» фантастика А. Толстого и «западный» роман «удачливого Эренбурга». На самом последнем ярусе тыняновского «ряда», почти за гранью искусства, находится проза Пильняка. «С Пильняком мы докатились до границ литературы стилистическая метель домела до края» [17]. Это «уже почти не литература». Таков суровый приговор писателю и всем, кто следовал его принципу «кускового конструирования» текста.

Специальные «ряды» критик моделирует и в пределах каждого направления современной беллетристики – бытового рассказа и повести, фантастического и «западного романа», сказа, романа о революционных событиях, художественной автобиографии. Для создания исторической глубины, перспективы осмысления проблемы он вводит в качестве «вертикальных» символов-ориентиров, с одной стороны имени Пушкина и Лескова, а с другой – Н.Н. Златовратского и М.Н. Загоскина. Среди более близких знаковых (эталонных) предшественников называются А.П. Чехов, И.А. Бунин, А.М. Ремизов. Так, в юмористическом сказе наверху пирамиды оказывается «классик» Н.С. Лесков. За ним следуют полупарадизные, со «сложными эмоциями» произведения М.М. Зощенко. Снизу «ряд» замыкает М. Волков со своим деревенским сказом «подпорченным слащавой моралью для младших классов трудшкол». Родословная «лирического сказовика» Л. Леонова ведется от образцового, понию критика, высокого, «почти стихового» ремизовского сказа. В анализе фантастических романов представлена ценностная оппозиция Е. Замятин – А. Толстой. В бытовой прозе А.С. Пушкин и Л.Н. Толстой являются противосом для Н.Н. Златовратского и всех современных представителей «отражающей литературы» разом.

Благодаря сложно организованной системе «литературных рядов», Ю.Н. Тынянову удается установить многообразные связи между различными жанровыми формами и писательскими индивидуальностями, неявно обозначив проблему традиции и новаторства. Это помогает ему определить сегодняшние приоритеты и отчасти наметить перспективы художественного развития, а читателю дает возможность внятно представить современную литературную ситуацию. Но, пожалуй, главный итог тыняновского ценностного моделирования стал очевиден только по прошествии значительного времени. Ведь уже в 1924 году в качестве «вершин» были безошибочно названы Л. Леонов, Б. Пастернак и Е. Замятин.

Еще одна функция «ряда» в критике состоит в том, что он создает для разбираемого автора определенный ценностный контекст. И этот контекст так же становится способом имплицитной оценки писателя и произведения. У Ю.Н. Тынянова пастернаковское «Детство Люверс», где «детство дано под микроскопом переходного возраста», характеризуется как неожиданное и удивительное явление, так как в нем есть «очень редкое, со времени Льва Толстого не попадавшееся, ощущение, почти запах новой вещи» [18]. Собственно, в статье среди множества упомянутых беллетристов один Пастернак оказался пусть и не наравне, но в одном «ряду» с классиком. Потому он начинает восприниматься аудиторией как один из самых талантливых претендентов на продолжение и развитие традиций русской психологической повести.

Таким образом, иерархическое пространственно-временное моделирование является в критике средством воссоздания многоаспектной объемной зримой картины литературной жизни. Этот прием позволяет автору статьи ясно и максимально экономно репрезентировать свою ценностную шкалу, не прибегая к пространным теоретическим выкладкам, комментариям, прямым оценочным формулировкам.

Для истории и теории критики реконструкция мифологизированных моделей художественного пространства, которые эксплицирует тот или иной литературный аналитик в отдельном критическом тексте или в совокупности своих работ, может быть весьма продуктивным. Это помогает в исследовании оценочно-прагматического дискурса литературной критики, давая о нем наглядное, в прямом смысле зримое представление, поскольку одновременно устанавливается и система аксиологических предпочтений автора-критика, и его оценочная парадигма.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Гроссман Л.П. Цех пера. Эссеистика. – М., 2002. – С. 235.
2. Кормилов С.И. Литературные ряды // Современный словарь-справочник по литературе / Сост. и науч. ред. С.И. Кормилов. – М., 2004. – С. 263.
3. Понятие «литературного ряда» в литературоведении см.: Дранов А.В. Литературный ряд // Западное литературоведение XX века: Энциклопедия. – М., 2004. – С. 224-225.
4. Современную библиографию по проблеме «литературного ряда» см.: Кормилов С.И. О соотношении «литературных рядов» (опыт обоснования понятия) // Известия АН. Сер. литературы и языка. – 2001. – Том 60. – №. 4. – С. 10-11. Попытки практически выстроить на материале литературы XIX-XX веков литературные ряды «классиков», писателей «первого, второго, третьего ряда» представлены в работах: Кормилов С.И. «Русская литература 20-90-х годов XX века: основные закономерности и тенденции»? // История русской литературы XX века (20 - 90-е годы). Основные имена / Отв. ред. С.И. Кормилов. – М., 1998. С. 18-20; Кормилов С.И. Литературные ряды // Современный словарь-справочник по литературе. – С. 263-267.
5. Хализев В.Е. Теория литературы. – М., 2002. – С. 156.
6. Женетт Ж. Поэтика и история // Женетт Ж. Фигуры. – М., 1998. – С. 13.
7. Коршунов Г.П. Миф // Социология. Энциклопедия. – Минск, 2003. – С. 571, 575.
8. О приемах манипулирования аудиторией подробнее см.: Кара-Мурза

С.Г. Манипуляция сознанием. – М., 2000; Полосин В.Г. Миф, религия, государство. – 1998; Ульяновский А.В. Социальный миф как бренд: антропология, эстетика, на границах запрета. В 2 томах. – СПб., 2003; Цуладзе А. Политическая мифология. – 2003.

9. «Как представляют себе возможность «научного» выбора между ценностью французской и немецкой культур – этого я не знаю» (Вебер М. Избранные произведения. – М., 1990. – С. 725-726.

10. Разрабатывая теоретические основы «новой» истории литературы, Ю.Н. Тынянов подчеркивал, что при изучении художественной эволюции самая оценка «должна лишиться своей субъектной окраски, и «ценность» того или иного литературного явления должна рассматриваться как «эволюционное значение и характерность» (Тынянов Ю.Н. О литературной эволюции // Тынянов Ю.Н. Литературный факт. – М., 1993. – С. 138).

11. Там же. – С. 140.

12. Дискуссию о принципах построения истории литературы в контексте современной теоретической мысли см.: Вопросы литературы. – 1996. – №№. 5-6; – 1997. – № 3.

13. Гроссман Л.П. Указ. соч. – С. 235.

14. Компаньон Антуан. Демон теории. Литература и здравый смысл. Пер. с франц. – М., 2001. – С. 24.

15. Егоров Б.Ф. О мастерстве литературной критики. Жанры. Композиция. Стилль. – Л., 1980. – С. 176-202.

16. Тынянов Ю.Н. Литературное сегодня // Тынянов Ю.Н. Указ. соч. – С. 257.

17. Там же. – С. 263.

18. Там же. – С. 259.

АПОКАЛИПТИЧЕСКИЕ МОТИВЫ ВО 2-ОЙ «СИМФОНИИ» А. БЕЛОГО

В статье анализируется новая жанровая форма, в которой реализована прямая апокалиптическая символика, ставшая для А. Белого откровением Всеединства.

M.V. Yakovlev

APOCALYPTIC TUNES IN THE 2ND SYMPHONY BY A. BELIY

In the article the author analyzes a new genre in which realizes itself the direct apocalyptic symbolism that became a revelation of unity of all for A. Belyi.

Опубликованная в 1902 году 2-я, «Московская», драматическая симфония стала дерзким литературным дебютом никому неизвестного автора и во многом определила судьбу поэта-символиста Андрея Белого. Заинтересованное внимание читателей и критики было вызвано, прежде всего, необычной *жанровой* формой произведения. Однако для самого писателя решающее значение имело ее мистико-философское содержание. Как художник-новатор Белый изначально стремился самоопределиться через пророческую, гностическую семантику своего творчества. В автобиографической статье «Почему я стал символистом и почему я не переставал им быть во всех фазах моего идейного и художественного развития» (1928) он отмечал: «В 1899 году Соловьев указал мне на направление моего плавания по морю жизни; направление – «Апокалипсис»: “Се творю все новое”» [1]. При этом Белый подчеркивал бунтарский пафос своего духовного самоопределения: «...Я был в период моего увлечения Соловьевым “*религиознизирующим*” символистом, а не “*символизирующим*” верующим (курсив автора). Моя вера с первых лет юности была бунтом дерзания, питаемая волей к новой культуре...» [1: 424].

Заявленная поэтом апокалиптическая природа творчества предполагает две основные литературоведческие проблемы — жанрово-стилевую и смысловую. В разделе «Вместо предисловия» автор выделял три «смысла» симфонии: музыкальный, сатирический и идейно-символический. В этом перечне для нас на первый план выдвигается последний. Согласно телеологической концепции мистического познания и творчества, представленной П. Флоренским в книге «Иконостас», последний «смысл» и есть первый — это своеобразная «конечная причина», «причина-цель», творящая первоидея, и она же цель, достигаемая в результате творчества [2].

Допуская возможность индивидуального откровения в рамках художественного творчества, представляется принципиально важным рассмотреть *содержание самого откровения*, явленного в литературном произведении. Апокалипсис, произведение, написанное в форме откровения тайн истории народа и индивидуальной души, — это не столько стилевая игра гностическими интуициями, становящаяся художественной модой на стыке веков, это некое информативно значимое послание, которое по преимуществу и интересует нас в данной статье.

Работа над текстом симфонии сопровождалась особой датировкой, особым чувством *времени*. Отдельные этапы, отдельные части произведения датировались церковным календарем, обозначались религиозными праздниками весны 1901 года. По одним источникам начало работы приходится на «Фомину неделю» (9–15 апреля), по другим – на «святую», то есть пасхальную неделю. Вторая часть в целом была написана в ночь между Днем Святой Троицы и Духовым днем (20–21 мая). День Святой Троицы, или Пятидесятница, – праздник сошествия Святого Духа на землю, День Рождения Церкви Христа, когда апостолы и другие верующие получили благодатные дары Святого Духа, среди которых был и дар *пророчества*. Причем Христос, обещая ученикам послать на землю Святого Духа, в частности говорил, что Дух откроет им тайный смысл Его Слова, научит понимать Писание. Пророческий дар – это не только провозглашение *будущего*, но и откровение уже известного, выявление вневременной *Истины* Слова Божьего.

21-летний писатель в самом деле пережил некое экстатическое состояние. В материалах к биографии о знаменательной для него ночи Белый писал: «<...>Я почувствовал сильное вдохновение: я выставил рабочий столик на балкон, поставил свечку и всю ночь напролет писал: <...> и эта ночь отразилась в этой части; всё то, что разливалось для меня в заревом воздухе ночи, то вылилось в образах 2-ой «Симфонии»; я чувствовал определенно, как пером моим водит чья-то рука; никогда я не писал так безотчетно...» [3]. Созданная в этом состоянии вторая часть представлялась автору главной, ключевой. Собственно, из нее и родилась концепция «Симфонии».

Работа над третьей частью пришлась на начало июня 1901 года. В течение июля и августа завершены третья и четвертая часть. Автором эти части воспринимались в рефлексивном смысле: «В августе во мне окончательно созревает план: «*сорвать*» апокалиптическую романтику «Симфонии» (курсив автора). Я ее кончаю сперва нотою максимального пессимизма, картиною вымирания всего человечества <...>; вся апокалиптическая идеология Мусатова есть «*первый блин комом*»» [3: 502]. Апокалиптик-индивидуалист Мусатов противопоставляется автором «*батюшке*» Иоанну, который сохраняет церковную традицию: «*батюшка Иоанн, символ Иоаннова начала в старчестве, один знал заранее об ошибках в гнозисе Мусатова, но – таил про себя свое знание*» [3: 503]. Данное противопоставление знаменательно. Оно во многом обозначает раздвоение творческого типа самого Белого, определяет его эволюцию и внутреннее разделение между интуитивно-экстатическим озарением художника и «*трезвением*» аналитического разума.

В апреле 1902 года «Симфония» была опубликована. В материалах к биографии автор снова связывает свой текст с религиозными вехами: произведение было напечатано на Страстной неделе – 8–14 апреля. Очевидно, писатель видел в этих хронологических параллелях символический смысл. Это было некое прозрение в *вечность*, выход за рамки линейного времени к времени *номинальному*, апокалиптическому.

Публикация стала и временем «крещения» нового пророка, закреплением нового *имени*, о чем сам писатель вспоминал с иронией. Произведение он хотел подписать псевдонимом «Буревой», но М.С. Соловьев, «крестный отец» автора «Симфонии», заметил, что, когда читатели узнают настоящее имя автора, получится не «Буревой», а «Бори вой», – и будут смеяться. Знаковый

псевдоним «Андрей Белый» вызывает различные ассоциации, но ключевой, вероятно, следует считать апокалиптическую аллюзию, связанную с символом *белого камня* как знака посвящения в тайну: «и дам ему белый камень и на камне написанное новое имя, которого никто не знает, кроме того, кто получает» (Откр. 2:17). В симфонии также развиваются образы «белого всадника» и «белого дитя» – символы апокалиптического Христа.

Впрочем, и интуиция смеха, обозначенная М.С. Соловьевым, будет играть важную роль в самосознании и поэтике Белого. Образы *шута, безумца, юродивого* станут неотъемлемой частью его художественного мира.

В предисловии («Вместо предисловия», 26 сентября 1901) автор пояснял, что «сатирический» смысл симфонии он направлял против «крайностей мистицизма». А.В. Лавров во вступительной статье к книге «Симфонии» (Л., 1990) утверждает, что «ирония – основной способ видения мира во второй «симфонии», вскрывающий двойственность бытия и призывающий преодолеть эту двойственность, духовным импульсом превзойти роковую зависимость от мира и от навязываемых им мыслительных и поведенческих императивов» [4], «в ироническом отсвете подаются самые близкие Белому идеи и пророчества» [4: 23]. Эту черту отмечает и сам автор. В мемуарах «Начало века» (1932) писатель противопоставляет «Симфонию» «Стихам о Прекрасной Даме»: «и Блок и я, совпав в темах по времени, совсем по-разному оформили темы; у Блока она – всерьез, у меня она — шарж» [5].

А.В. Лавровым ирония симфонии возводится к традиции Вл. Соловьева, который, по его же словам, в поэме «Три свиданья» (26–29 сентября 1898) в «шутливых стихах» воспроизвел «самое значительное из того», что «до сих пор» случалось с ним в жизни. Заметим, однако, что литературная ирония Соловьева отличается от иронии А. Белого. У Соловьева это *самоирония*, похожая на православное самоумаление, смирение. Он *не* иронизирует над самим предметом откровения. Строки поэмы, передающие *видение Вечной Женственности*, написаны в высоком стиле.

Оставшийся в воспоминаниях *смех* Вл. Соловьева, видимо, производил на современников такое сильное впечатление, что они запомнили сам смех, не акцентируя внимание на том, *почему и над чем* он так вызывающе смеется.

Для молодого, да и для зрелого художника А. Белого ирония практически не знает ограничений. Экстатически увлекаясь чем-либо, писатель допускает стилевые срывы, например, гневно противопоставляя, но в то же время и сближая порой в одной фразе такие словообразы, как «фаллус» и «Христос» [1: 444]. Очевидно, что тенденция к подобным стилевым пассажам затемняет гностический взор и искажает откровение.

В таком гностическом мареве А. Белый и сформировался как художник. Для многих это может оцениваться как эстетическое достижение, как полифонизм, как образное богатство в духе эстетики барокко. Однако для настоящего духовного творчества, для молитвенного подвижничества и богопознания решающее значение всегда имело утонченнейшее искусство *различения духов*. «Заблуждается и вводит в заблуждение, — утверждает П. Флоренский в «Иконостасе» (1918–1922), — когда под видом художества художник дает нам *всё* то (курсив автора), что возникает в нем при подымающем его вдохновении, — раз только это образы восхождения: нам нужны предутренние сны его, приносящие прохладу вечной лазури, а то, другое, есть психологизм и сырье, как бы ни

действовали они сильно и как бы ни были искусно и вкусно разработаны» [2: 429]. Так называемый *сим-фонизм*, а часто и *поли-фонизм* Белого близок той образной системе, которую Флоренский противопоставляет подлинному *символизму*, основанному на телеологическом «нисхождении» духовного прозрения обратно в эмпирическую действительность. Вместо нагромождения и разбросанности импрессионистических оттенков такой символизм ясен и прост: «Но да будет слово ваше: «да, да»; «нет, нет»; а что сверх того, то от лукавого», – наставлял учеников Христос (Матф. 5:37)

Отметим, что Белый остро осознавал эту проблему. Стремление теоретически сформулировать символизм как мировоззрение и *метод* познания развивалось на протяжении всей его жизни.

Более сложным и причудливым путем софиургии для него было художественное творчество. Показательны его многочисленные попытки рационально объяснить читателям, что же собственно он хотел сказать в очередной поэтической, да и прозаической книге. Художественное творчество и духовный гнозис как-то не стыковались в его самовыражении. Во 2-й симфонии представлены *оба пути*: интуитивно-музыкальный и идейно-символический. На стыке этих путей реализовывался сатирико-иронический взгляд на мир. Каковы же основные апокалиптические пласты произведения?

Прежде всего, система образного пространства строится на традиционном для романтизма противопоставлении *повседневности и особенного*.

Заметим, что в течение жизни поэт параноидально раздваивался между внешним и внутренним, между нарциссической самореализацией в обществе (как впоследствии и в антропософском «обществе») и мистическим самоуглублением. Подчеркнем – в его случае общество было не социальной абстракцией, а именно коллективной структурой, сложившейся в светском XIX-ом веке. К такому обществу принадлежала мать поэта, его частью были Соловьевы. В него вошел и в нем во многом жил и сам Белый. Эта *светская, салонная* среда раскрывается, в частности, в автобиографической поэме «Первое свидание» (1921), где авторский герой (с законной долей самоиронии) предстает неким Онегиным своего времени: «И я – не гимназист: студент... / Сюртук – зеленый, с белым кантом; / Перчатка белая в руке; / Я – меланхолик, я – в тоске, / Но выгляжу немного франтом...» [6].

В начале симфонии Белый «музыкально» фиксирует общее состояние *скуки*, характерной для настроения *общества* и перенесенной в *природу*: «5. Все были бледны, и надо всеми нависал свод голубой, серо-синий, то серый, то черный, полный музыкальной скуки, вечной скуки, с солнцем-глазом посередине» [7: 90] и далее: «1. Двое спорили за чашкой чаю о людях больших и малых. Их надтреснутые голоса охрипли от спора. 2. Один сидел, облокотившись на стол. Он поднял глаза к окну. *Увидел* (курсив автора – М.Я.). Оборвал все нити разговора. Поймал улыбку вечной скуки» [7: 90].

Эпитет «вечная» обозначает мотив вечности, развивающийся на протяжении всей симфонии. Его знаковыми образами становятся, с одной стороны, *женщина в черном*, символизирующая *старое*, а с другой стороны – *красавица зорька*, являющая новое. Собственно, интуиция вечности раскрывается через идею *возвращения* и определяет пространственно-временную идею произведения. Она реализуется и в жанровой модели и композиционно – через систему повторов.

В предисловии Белый пояснял, что задача симфонии «состоит в выражении ряда настроений, связанных друг с другом основным настроением (настроенностью, ладом); отсюда вытекает необходимость разделения ее на части, частей на отрывки и отрывков на стихи (музыкальные фразы); неоднократное повторение некоторых музыкальных фраз подчеркивает это разделение» [7: 89]. Заметим лишь, что повторы в действительности не «разделяют» текст, а наоборот – *соединяют* его. В гностическом отношении молодой поэт интуитивно структурирует сложное многосоставное и многоуровневое пространство, стремясь придать ему математическое *единство*, показать его *цельность*. Музыкальное единство «основного» настроения связано с интуицией *ожидания* откровения и собственно апокалиптических событий в историческом плане.

Тем самым симфоническое повторение, возвращение раскрываются и как «музыкальное настроение» и как содержание самого откровения: «1. Говорил Сергей Мусатов: “Приблизилось... Опять возвратилось... Началось... 2. Вы все были свидетелями того, глядя на звезду, сиявшую, как и 1900 лет назад... 3. Ныне она вновь нам светит!”» [7: 172]. И даже возражающий новому пророку мудрый батюшка Иоанн *чувствует* то же самое: «2. ...Он думал: “Игрушки... Но опасные игрушки”. / <...> 4. Одинокое двory пели от затаенной грезы: “Возвращается... Опять возвращается” (курсив автора)». И батюшка плотней закутался в свою шубу. 5. Он многое *знал*, но до времени молчал» [7: 175].

Что же это «возвращается»? Отметим, что в симфонии в принципе не выделяется авторский голос, точнее, он дан в многоголосии, полифонически. В воспоминаниях «Начало века» Белый иронически говорит об «оспаривающих друг друга *Белых*»: «Компания их: мистик, кантианец, поэт, стиховед, оккультист, скептик, индивидуалист, коллективист, анархист и социалист – таким я выгляжу извне» [8]. Добавим еще индуизм, даосизм и точные науки. Эта ироническая самохарактеристика, однако, позже приводит Белого к «итоговой» формулировке новой философии, которую в работе 1928 года «Почему я стал символистом...» он определяет как *плюро-дуо-монизм* [1: 438].

Итак, «пророк» Мусатов провозглашает явление миру апокалиптического «младенца», рожденного «женой, облеченной в солнце». Это явление понимается как новый этап богооткровения, как *воплощение* Духа-Утешителя. В материалах к биографии Белый писал: «<...>Мы формулируем нашу мистическую символику приблизительно в таких терминах: Дух Утешитель будет иметь в истории такое же воплощение, как Христос; он родится младенцем; его мать – женщина, которая будет символом Церкви (Жены, облеченной в солнце), рождающей новое слово, третий Завет <...>» [3: 21].

Смысл апокалиптической современности Мусатов понимает как «борьбу с Грядущим Зверем» [7: 172] и столкновение «старой», умирающей Европы и «новой» духовно преображенной России: «2. Он видел Москву, а над Москвой громады туч с льдистыми верхами, а на туче *жена, облеченная в солнце*, держала в объятиях своих священного младенца <...> 6. А вдали Антихрист бежал обратно на север Франции» [7: 163].

Символические образы симфонии напрямую восходят к 12 главе Апокалипсиса. Новое «старого» заключается в осуществлении пророчества. Героем оно понимается в *буквальном* смысле и потому не «осуществляется». Апокалиптический «Зверь», младенец, рожденный во Франции, умирает от «желудочного расстройства» [7: 176], не исполнив своего демонического предназна-

чения. «Женой, облеченной в солнце», мыслится «рыжеволосая» и голубоглазая «сказка» – молодая светская красавица, тоскующая о несостоявшейся любви. А священным младенцем, ее сыном, которому надлежит «пасти народы жезлом железным» [7: 178] оказывается... Нина – *дочь*, которую они с мужем «одевают мальчиком» [7: 178].

В книге «Начало века» Белый указывает на один из источников пародирования апокалиптического видений. Мусатов назван фанатичным (до сектантства) «соловьевцем» — характерно, что в симфонии воскресший Соловьев участливо осуждает своего «последователя». А *оплотнение* (от слова «плоть») символики Вечной Женственности связано с историей А.Н. Шмидт, объявившей себя Душой мира, *той самой*, которая являлась визионеру в Египте и образ которой воплотился в его поэме «Три свиданья». Белый признается, что «бред» Мусатова построен им «по образу и подобию бреда Шмидт» [5: 144].

Разочарованный книжный апокалиптик, глава «неохристиан» Мусатов оказывается во власти философствующих чертей, типологически напоминающих собеседника Ивана Карамазова, и ищет духовного спасения у «традиционалиста» батюшки Иоанна, имеющего, однако, свою тайну и свое знание.

Отметим, что крайности «соловьевства» и ирония по поводу религиозно-философских собраний, пророчески предсказанных Белым, все же не отменяли для него самого откровения. В статье 1905 года «Апокалипсис с русской поэзии» поэт заклинает Вечную Женственность: «Явись! Пора: мир созрел, как золотой, налившийся сладостью плод, мир тоскует без Тебя. Явись!» [1: 416]. А в духовной автобиографии «Почему я стал символистом...» Белый поясняет, что плюро-дуо-монизм закономерно приводит его к откровению Христа: «С той поры особенно осязаю тесный знак равенства между моей стародавней сферой *Символа* (курсив автора) и сферой *Христа, вторично грядущего* (курсив мой. – М.Я.) в новую культуру (для меня – символизма, для Штейнера – антропософии)» [1: 460]. Отметим, что все эти пояснения – результат более поздней рефлексии или пласт мыслей и образов, в тексте четко не выявленных. В симфонии контрапунктом ложному, преждевременному откровению оказывается «музыкальная» и визуальная интуиции.

Апокалиптической горячке интеллигентов противопоставляется *интуиция любви*. Она выражается через образ старого священника, «батюшки» Иоанна, участвующего в религиозно-философских собраниях, и «красавицы зорьки», чей веселый, задорный и чистый *смех* составляет сквозной мотив симфонии: «1. Уже заря разгоралась с новой силой, когда хилый священник приподнялся с кресла. 2. Он говорил о вселенской любви с опущенными долу глазами. 3. Тихий ветерок качал его атласные кудри, а губы старичка священника расплывались в грустную улыбку. 4. Ничего он не принимал и не отвергал из сказанного, но говорил о любви. 5. И был ветерок... И не знали, был ли он от вздыхающих, сладких сиреней или от белых слов отца Иоанна. 6. А безумная зорька растопила яшмовую тучку и теперь хохотала, разгораясь, украсившись серебряной утренницей» [7: 136]. И в финале Иоанн успокаивает и наставляет надломленного Мусатова: «14. Люби и молись: всё побеждает вселенская любовь» [7: 189].

С образом мудрого и просветленного любовью батюшки Иоанна А. Белый связывает и «белое царство» Духа, «третье царство» [7: 179], провозглашенное Дрожжиковским (впрочем, сам «неохристиянин» Дрожжиковский (Мережковский?) далее развенчивается, как и его вторая ипостась Мережкович, на-

писавший книгу о соединении христианства и язычества [7: 154]), — и *самого себя* (!): «На Воронухиной горе стоял некто *спокойный и знающий*, подняв воротник ватного пальто; на нем была надета фуражка с кокардой» [7: 191] — «кокардой» студенческой?

Этого персонажа, Алексея Сергеевича Петковского, радостно приветствует отец Иоанн как своего единомышленника. Их сближает ожидание приближения Духа Утешителя: «Звук рога (в который трубит воскресший Вл. Соловьев. — М.Я.) явственно пронесся над Москвой, а сверху неслись световые вихри, световые потоки белым Духовым днем» [7: 146], — и внутреннее *знание* Господа: «Так, Господи! Я знаю Тебя» [7: 192], — так завершается созданная Белым в экстатическом вдохновении вторая часть симфонии.

Заметим, что в симфонии предсказывается не только явление Утешителя, но и *Мстителя*, что вскоре и осуществилось исторически: «Ждали *утешителя*, а надвигался *мститель*...» (курсив автора) [7: 181]. Старое и вечно новое также наполняет в симфонии и души чутких женщин — столь далеких и близких духовно лучезарной *сказки* и «*черной монашки*», сидящей под молодой яблоней с «белыми, душистыми цветами» [7: 193]. Что же это? «17. Невозможное, нежное, вечное, милое, старое и новое во все времена», — музыкально формулируется это чувство во второй части [7: 133]. В финале это переживание обозначается как откровение: «4. Без слов передавали друг другу, что еще не всё потеряно, что еще много святых радостей осталось для людей... 5. *Что приближается, что идет, милое, невозможное, грустно-задумчивое...*» (курсив автора) [7: 193].

Образ батюшки Иоанна позволяет предположить, что это несказанное чувство — любовь. Любовь как Сущность Бога. Не установленная заповедью любовь к Богу, но внутренне переживаемая любовь Бога к человеку, лично к тебе, откровение любви. Собственно, это и есть телеологическая сущность апокалипсиса.

Не формулируясь напрямую, эта *музыка* определяет художественное целое симфонии. Согласно известному философскому закону, целое больше суммы частей, его составляющих. Это Целое есть Дух, являющий себя в индивидуальной душе людей и Душе мира через любовь.

Так новая жанровая форма, помимо реализации прямой апокалиптической символики, стала для Андрея Белого откровением Всеединства, музыкальным знаком Софии.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Белый А. Символизм как миропонимание. — М., 1994. — С. 430.
2. См.: Флоренский П. А. Сочинения: В 4 т. — Т. 2. — С. 416.
3. Здесь и далее архивные материалы цитируются с указанием страницы после номера ссылки в квадратных скобках по примечаниям А. В. Лаврова к изданию: Белый А. Симфонии. — Л., 1990. — С. 502.
4. Белый А. Симфонии. — Л., 1990. — С. 22.
5. Белый А. Начало века. — М., 1990. — С. 144.
6. Белый А. Собр. соч.: Стихотворения и поэмы. — М., 1994. — С. 449.
7. Здесь и далее «Симфония» цитируется по: Белый А. Симфонии. — Л., 1990, — с указанием страницы в квадратных скобках после номера ссылки.
8. Белый А. Начало века. — М., 1990. — С. 534.

ПУБЛИКАЦИИ АСПИРАНТОВ

Е.Ю. Константинова

ФИЛОСОФИЯ ТВОРЧЕСКОЙ ЛИЧНОСТИ В ДНЕВНИКАХ М.М. ПРИШВИНА В КОНТЕКСТЕ ИДЕЙ А.А. МЕЙЕРА

В статье анализируется продуктивное для понимания творческой личности в дневниках М.М. Пришвина сопоставление идей Мейера и Пришвина.

E.Y. Konstantinova
PHILOSOPHY OF A CREATIVE PERSONALITY IN DIARIES OF
M.M. PRISHVIN IN THE CONTEXT A.A. MEYER'S IDEAS

In the article the author analyzes the productive for understanding of a creative personality in diaries of M.M. Prishvin the comparison of Meyer's and Prishvin's ideas.

Диалогическое мышление в русской и западной философии ищет путей выхода из кризиса культуры, особенно остро переживавшегося в начале XX века, кризиса, суть которого, по словам М. Бахтина, заключается в «дурной неслиянности и невзаимопроникновенности культуры и жизни» [1]. На Западе идеи диалогизма развиваются в работах М. Бубера, в России – в творчестве М. Бахтина, А. Мейера, А. Ухтомского и других мыслителей. Все они развенчивали теоретическое мышление как монологичное, замкнутое на себе, лишённое диалогической составляющей.

Идея диалога и связанное с ней участное мышление имеют в своей основе Евангельскую заповедь любви к ближнему: «...чтобы раскрыться для сущностного диалога, надо не дозвлет себе, надо искать “источник жизни”, “источник воды живой”...вне себя, в другом, будь этот другой человек или Бог, “я” должно нуждаться в “ты”...» [2]. Конфликт культуры и жизни, духа и материи снимается через утверждение другого «я» как уникального духо-телесного единства: «В понимании христианства Бахтин точно отмечает два направления: одно – неоплатоническое, и в нем “другой есть прежде всего я-для-себя, плоть сама по себе и во мне и в другом – зло”; а на почве второй тенденции нашла свое развитие идея преображения тела в Боге как другом для меня» [3].

Религиозный аспект понятий «Я» и «Ты», идея личностной реальности как живой реальности общения наиболее полно раскрыты в трудах А. Мейера. В 1919 году Пришвин слушал лекции Мейера, о чем свидетельствует дневниковая запись от 10 ноября 1919 года: «Лекция двухчасовая в Народном университете о творчестве художников слова накануне революции. Мейер: борьба с позитивизмом» [4]. Связь идей Мейера и Пришвина мало изучена, хотя такое

сопоставление продуктивно для понимания концепции творческой личности в дневниках Пришвина.

В работах Мейера понятие жизнь обретает особое значение: «жизнь - не безличный, безвольный, бессловесный “процесс”, а самосознающая акция, у которой есть свое “я” и свое слово» [5]. Реальность понимается Мейером «как живое действие», которое «не исчерпывается отдельными “я” или вообще “я” человеческим» [6], в основе жизни – верховное личное начало реальности, универсальное «я».

Путь достижения человеком личностного бытия – это «“выход из себя” – в сферу объективно сущего (“не-я”)» [7], отождествляемый Мейером с жертвенным действием, суть которого – преодоление низшего, природного я в процессе его восхождения к высшему, духовному Я. Личностное бытие предполагает, по Мейеру, «обращенность “я” к другому “я”, – следовательно – встречу, совместную акцию многих, их свободную связь в порядке зовов и откликов» [8]. Преодоление индивидуальным сознанием своей обособленности возможно внутри совершенного общежития, в основе которого лежит принцип «едино-множественности», сочетание единства многих я: «я в тебе и ты во мне, я и ты одно, я есть ты... и их полной неслиянности (два, три, много лиц друг к другу обращенных» [9]. Община-личность - это экклезиальное, сверхорганическое единство, которое не должно быть отождествлено с безличным социальным и природным целым: «Мир таких “я” есть совершеннейшее единство многих, экклезия личностей, град вышний, царство свободных творящих «я» [10].

Понимание реальности как диалога Я и Ты становится для Пришвина разрешением конфликта плоти и духа, человека и природы. Символическая многозначность образов **цвет** и **крест** раскрывает сложность этой проблематики в дневниках 1918-1919 годов. Цвет земной – это многоликий мир природы; образ небесного цвета связан с темой радования божественной, преображенной красоте творения. Крест – это страдание как жертвенный отказ от мира, земли, цветов ради утопического будущего. «Принципы социализма... те же самые, как и церковные, только в нем не хватает церковной школы любви» [11], – пишет Пришвин в 1918 году. Жертва как отречение от мира противопоставляется в дневниках Христовой жертве, смысл которой – принятие грехов мира на себя, его преображение не через отрицание, а через любовь. Образ мирской чаши, ассоциативно связывает образ автора, изнутри, кровно переживающего страдания народа, с образом Христа, испившего чашу страданий мира сего, не потеряв при этом любовь к людям. Мирская чаша – это символ участной позиции Пришвина по отношению к миру: происходящее не пугает его, он не уходит от социума в природу или во внутренний мир своего «я». Жертва здесь - выход к другому. Писатель сопереживает своему времени, ощущает «трагедию повседневности» как свою собственную (образы простых людей, затерянных в революционном вихре, наполняют страницы дневников этого периода).

Вместе с тем, крест – это путь восхождения через жертву в целостную едино-множественную реальность, смерть природного, стихийного «я» ради воскресения его в «Мы»: «Сознательное “я” для того и существует, чтобы перетворить стихийное Я в Мы. Так что гибель Я сознательного (малого разумного) предопределена, и у Христа она возводится в сознание (смертию смерть): сознательная смерть для спасения души и воскресения. Эта смерть (страдание) и есть единств<енный> путь выхода сознат<ельного> из себя» [12]. Для При-

швина важна надприродная сущность Я - духовное начало, преображающее стихию, возводящее ее до личности. Для Пришвина, как и для Мейера, истинное бытие – это преображенная реальность личностного общения. В этом контексте движение «от теории к жизни» – не только путь к естественному бытию (хотя внимание к природному ритму не ослабевает у писателя на протяжении всех дневников), а выход из Я к Ты, то есть в личностную реальность, к личностному принципу восприятия, который проецируется и на природу как Ты: «Пришвин дает нам природу, поскольку в ней действительно содержится родственный человеку... культурный слой» [13].

«Личность есть проявление существа мирового» [14], – пишет Пришвин в дневнике 1920 года. Идея личностной реальности как единства многих «я» в Боге появляется еще в ранних дневниках: «...это “я” мое – часть великого мирового Я, оно может свободно превратиться в того или иного человека, облечься тою или иною плотью. Это Я – вершинная линия, проведенная над бесчисленными “я” всяких ямок, долин, горушек, пригорков. Это Я уже было, когда я маленький родился в помещичьем деревенском доме черноземной полосы» [15]. Условие бытия личного – обращенность во вне, к другому – одновременно становится для Пришвина и основой творчества: «Так что в основе творчества лежат как бы две силы: Я и Ты» [16]. Другой – это и вечно искомый и обретаемый предмет творчества, и необходимая для творческого акта внешняя личная сила («существо мировое», Ты): «Я ленюсь, тоскую, ничего не делаю, потому что нет Тебя: “Я – это Ты в моем сердце единственный”. Я ищу, я действую, я живу, а ты приходишь как бы на зов мой...» [17]. Этим ощущением двусторонней, диалогической связи с внешним миром «в порядке зовов и откликов» (выражение А.А. Мейера) пронизаны следующие лирические откровения Пришвина: «...Каждый камень говорил мне свою душу... Мне стоит только спросить себя о предмете, и он сейчас же отвечает...» [18].

Преображение стихийного «я» в личность – не только залог спасения одного человека, но и «Христов путь спасения мира от проклятия» [19]. Как и Мейер, Пришвин противопоставляет социальным попыткам преобразования мира идею религиозного творчества жизни, образу коммуны (чан, легион, множество, поглощающее личность) – идею истинного коллектива: «Истинный человеческий коллектив имеет одно лицо – это есть личность, тогда как коллектив Легиона не имеет лица. Безличный коллектив есть Легион индивидуальностей (бесы)» [20]. Образ идеального общества, особенно волновавший Пришвина в 1920-е годы, перекликается с идеей экклезиального целого, общины-личности у Мейера. Необходимое, но неосуществленное в реальной революции преобразование мира мыслится Пришвиным как чаемая, истинная революция будущего: «Я жажду истинной революции, я – чающий евангелия революции... Будет такое же возрождение общества, какое было со мной лично, когда сердце мое освободилось для любви к миру в его подробностях...» [21].

Религиозное преобразование мира является, по Пришвину, продолжением художественного творчества, в основе которого – «любовь раз-личающая»: «Если бы художественное творчество захватило весь дух и всю плоть человека, то оно бы стало религиозным.... в своем кругу, в своей частице плоть и дух художника имеет судьбу, одинаковую с религиозным творчеством, т. е. с творчеством жизни» [22]. Движение личности по пути к истинному творчеству жизни Пришвин описывает как восходящую спираль: «...родина, над ней отечество,

над отечеством творческие труды, над ними прямое любовное воздействие на людей и воскрешение отцов (церковь, в котором священником Я)» [23]. Творчество жизни как различение, оличивание реальности в дневниках последних лет будет осмыслено Пришвиным как «восстание человека на метод природы» [24] – обожение мира, преобразование природы, человека и всего космоса в многоединое, соборное целое.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Бахтин М. К философии поступка // Философия и социология науки и техники. – М., 1986. – С. 88.
2. Аверинцев С.С. «Риторика и истоки европейской литературной традиции». – М., 1996. – С. 22.
3. Семенова С. Г. «Основные философские объединения, высылка мыслителей» // Философский контекст русской литературы 1920-1930-х годов. – М., 2003. – С.72.
4. Пришвин М. М. Дневники 1918-1919. – М., 1994. – С. 327.
5. Мейер А. А. «Философские сочинения». – Paris, 1982. – С. 199.
6. Там же. – С. 171.
7. Там же. – С. 202.
8. Там же. – С. 202.
9. Там же. – С. 176.
10. Там же. – С. 387.
11. Пришвин М. М. Дневники 1918-1919. – М., 1994. – С. 137.
12. Пришвин М. М. Дневники 1920-1922. – М., 1995. – С. 190.
13. Пришвин М. М. Собр.соч.: В 6-ти т. – М., 1957. Т. 4. – С. 12.
14. Пришвин М. М. Дневники 1920-1922. – М., 1995. – С. 116.
15. Пришвин М. М. Дневники 1905-1954 // Пришвин М. М. Собр. соч. В 8-ми тт. – М., 1986. – Т. 8. – С. 78.
16. Там же. – С. 126.
17. Пришвин М. М. Дневники 1920-1922. – М., 1995. – С. 69-70.
18. Пришвин М. М. Дневники 1905-1954 // Пришвин М.М. Собр. соч. В 8-ми тт. – М., 1986. Т. 8. – С. 32.
19. Там же. – С. 536.
20. Пришвин М. М. Дневники 1920-1922. – М., 1995. – С. 191.
21. Там же. – С. 191-192.
22. Там же. – С. 190.
23. Пришвин М. М. Дневники 1923-1925. – М., 1999. – С. 12.
24. Пришвин М. М. Собр. соч. В 6-ти т. – М., 1957. – Т. 5. – С. 707.

РЕЦЕНЗИЯ

на монографию Э. Я. Фесенко «Художественная концепция личности в произведениях В.А. Каверина»

Книга профессора кафедры теории и истории литературы Северодвинского филиала Поморского государственного университета им. М.В. Ломоносова Эмили Яковлевны Фесенко «Художественная концепция личности в произведениях В.А. Каверина» (Изд. 2-е, доп. – М.: КомКнига, 2006. – 160 с.), посвященная исследованию нравственно-философской проблематики произведений крупного русского писателя на фоне художественно-этических исканий русской литературы XX века, вводит читателя в прекрасный художественный мир Вениамина Александровича Каверина – человека, сумевшего до преклонных лет сохранить в себе молодость души.

Отмечая, что писатель Вениамин Александрович Каверин в течение почти 70 лет работал в литературе, не одно поколение выросло на книгах Каверина, девиз его героя – «Бороться и искать, найти и не сдаваться!» – стал для многих нравственной опорой и поддержкой в жизни, Э.Я. Фесенко уточняет, что не только дарил читателя В.А. Каверин художественными произведениями – он был человеком большой филологической культуры, его труды отличались глубиной проникновения в историко-литературный процесс, поэтику, а также в проблемы искусства в целом. Будучи учеником, родственником и близким другом Ю. Н. Тынянова, ставшего для писателя «вторым университетом», В.А. Каверин понимал силу нравственного значения подлинной гуманитарной науки, в частности филологии, в обществе. Э.Я. Фесенко отмечает, что отзывчивость, доброжелательность, толерантность, мягкий юмор, скромность В.А. Каверина, соседствовали с принципиальностью его суждений, касающихся литературы – дела, которому он посвятил свою жизнь, а также отвращением к предательству и страданием от невозможности работать.

В данной книге большое внимание уделяется особенностям поэтики В.А. Каверина – автор исследует сквозные мотивы творчества писателя (сон, театр, игра, двойничество, тайна, память и др.), способность к острой наблюдательности, использование гротеска, приёма «остранения», способность пародировать различные стили литературы, интерес к документу. Э.Я. Фесенко особо останавливается на умении писателя осваивать романное пространство. Отмечая, что в литературоведении XX века появилось новое понятие – «метароман» (по сравнению с «циклом»), исследовательница тонко замечает о реализации «общей идеи бытия-в-творчестве» в каверинских произведениях, что позволяет ряд его произведений рассматривать как «метароманный цикл», в котором выделяются «определённые типологические ряды героев». Обращаясь к исследованию общего движения филологической мысли, которую Ю.М. Лотман определял как тенденцию интеграции – «превращение контекста в текст» («творчество всей жизни как одно произведение»), Э.Я. Фесенко убедительно показывает, что «большинство персонажей являются своеобразным alter ego автора», который, как и его герои-творцы, сам находился «в состоянии внутренней гармонии», способствующей созиданию, и его духовные силы «направ-

лены на поиски истины», в отличие от ведущих двойную игру и разрушаемых этой двойственностью персонажей и их прототипов.

В интереснейшей научной работе Э. Я. Фесенко убедительно исследуется один из самых спорных вопросов литературоведения – о романтическом герое, в частности в творчестве Вениамина Каверина. Рассматривая ранние произведения Каверина («Скандалист», 1928, «Исполнение желаний», 1936), поздние («Открытая книга», 50-е гг., «Двойной портрет», 60-е гг.), а также «итоговые» («Перед зеркалом» и «Эпилог», 70-е), Э.Я. Фесенко убедительно доказывает органичность связи сюжета с глубокой нравственностью замысла. Конфликты «положительных» и «отрицательных» героев Каверина – это «символический поединок Добра и Зла», двух философских линий жизни – «философии разрушения» и «философии созидания». Основываясь на определении Белинского, выделявшего два направления в русском романтизме – «активный» и «пассивный», Э.Я. Фесенко, на наш взгляд, совершенно справедливо относит творчество Каверина к первому из них. «Присущий молодости этический максимализм», к исследованию значения которого в творчестве Каверина обращается Э.Я. Фесенко, даёт возможность сделать вывод о том, что писатель потому «искал и находил романтику в самой действительности», оттого «его произведения были окрашены героико-патриотическим, жизнеутверждающим пафосом», что «он всю жизнь писал книги, героем которых был романтик и в которых доминировало авторское романтическое восприятие мира». Э.Я. Фесенко очень изящно показала, что «моделирующая роль романтизма выявляется <...> в особом мировидении, в особом романтическом языке», и это особое видение мира «предполагает понимание его беспредельности, его вечного движения».

Э.Я. Фесенко обращается в книге к не менее важной в литературоведении проблеме эволюции творческой личности, исследованию которой посвящена вторая глава монографии. Тенденция семидесятых годов прошлого века «соединить в единый поток русскую культуру» обращает читателя к документальным произведениям. Указывая, что Каверин ещё в 20-е годы XX века изучал «мемуарные формы и всю жизнь пытался примирить своё пристрастие к воспоминаниям с их рассыпающимся фрагментарным сюжетом и потребностью организовывать жёсткий сюжет своих произведений», автор монографии находит точное и тонкое замечание о поисках писателя: «ибо невыдуманный материал не укладывается в него (произведение. – В. Б.)». И хотя известно, что со второй половины двадцатых годов проблема дневниковости практически теряет своё значение, так как личные записи, по выводу М. Чудаковой, «воспринимались как потенциальные вещественные доказательства, свидетельствующие не в пользу владельца», и просто-напросто уничтожались владельцами, Э.Я. Фесенко, исследуя «дневниковость» и «антидневниковость» каверинской прозы в общем контексте культуры XX века, убедительно доказывает, что «высокий научный профессионализм» Каверина – «и художника, и исследователя», проявившийся в его мемуарной прозе, есть «сплав раздумий о месте человека в жизни, об искусстве, о служении ему».

Э.Я. Фесенко неоднократно подчёркивает, что концепция творчества в прозе В. Каверина неразрывно связана с концепцией творческой личности, поэтому закономерно, что «ключевые аспекты произведений Каверина связаны с темой памяти, с темой творчества». Поэтому автор монографии убедительно доказывает, что «первоисточником» трилогии Каверина «Освещённые окна»,

1970-1975 гг., явились «люди, события, обстоятельства, само Время – то, что повлияло на становление её героя как человека и как художника». Э.Я. Фесенко исследует, как Каверину удалось создать «тончайшие психологические переживания ребёнка – подростка – юноши», раскрыть «различные движения души своего героя, чувства которого были часто противоречивы»; ею уловлено и прочувствовано главное в творчестве Каверина – «о чём бы и о ком бы он (Каверин. – В.Б.) ни рассказывал, он всегда рассказывал о себе, вынося свои поступки на суд читателей». Э.Я. Фесенко, оценивая место трилогии Каверина в русской литературе, совершенно справедливо отмечает, что исповедальность автобиографической книги Каверина со звучащей в ней романтической мелодией детства и юности будет ещё долго нужна людям, особенно в век иронии, подтекста, умолчания.

Исследуя проблему героя в эпистолярном романе «Перед зеркалом», Э.Я. Фесенко отмечает, что здесь Каверин даёт ответ на волнующий его всю жизнь вопрос о «сущности женственности», а «каверинская концепция таланта <...> смыкается с классической традицией <...> что талант – это мучительный дар, за который всегда приходится расплачиваться». Автор монографии исследует, с одной стороны, как в эпистолярном романе Каверина присутствует своеобразное романтическое мировидение, а с другой – как решена проблема двойничества, выразившаяся, в частности, в попытке «разрешить вечный конфликт между мечтой и действительностью», а также в «создании образов двойников, которые появляются у его персонажей, живущих сложной духовной жизнью». Углубление этих исследований дано в главе IV «Принцип „двойного портрета” в романе В.А. Каверина „Двухчасовая прогулка”». Э.Я. Фесенко в «Двухчасовой прогулке» обращает наше внимание на явно слышимый голос В. Каверина – основательного учёного, страстного публициста, мудрого философа.

Углубляясь в каверинский художественный мир, Э.Я. Фесенко совершенно справедливо утверждает его непреходящую эстетическую и нравственную ценность, обладающую «способностью к созиданию, саморазвитию и, следовательно устремлена в будущее, во вневременное духовное пространство».

Книга Э.Я. Фесенко о В.А. Каверине, написанная прекрасным языком, являющая свободное передвижение мысли автора книги во времени и пространстве, восхищающая богатством сравнений, сопоставлений, точностью теоретических определений, глубиной исследования вопроса, представленного в научной полемике, – это, несомненно, большой подарок читателям, любящим русскую литературу и творчество В.А. Каверина. Исследование Эмили Яковлевны Фесенко – большая творческая удача!

*В.Б. Белукова,
кандидат филологических наук, доцент
(МГОУ)*

Памяти педагога, ученого, друга

Доцент Нина Сергеевна Гродская (1921–2007)

11 марта 2007 г. скончалась доцент Нина Сергеевна Гродская, старейший, талантливый педагог факультета русской филологии МОПИ–МГОУ, крупный специалист-исследователь русской классической литературы XIX века, замечательный человек, добрый и отзывчивый. Она родилась 30 мая 1921 г. Ее творческий путь начался до Великой Отечественной войны, когда она поступила в знаменитый ИФЛИ. Нина Сергеевна с удовольствием вспоминала годы учебы.

Годы войны, 1942-43 гг. Нина Сергеевна работала на предприятии 5-го Водопроводного района ПЕАУ «Мосводопровод», что позволило ей получить впоследствии медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.».

Основная трудовая деятельность Нины Сергеевны была связана с МОПИ имени Н.К. Крупской (в настоящее время МГОУ), где она преподавала с 1955 по 1985 гг. Работу в МОПИ начинала с должности ассистента, а с 1963 г. она – доцент кафедры русской классической литературы. Нина Сергеевна была награждена медалью «За доблестный труд». Н.С. Гродская зарекомендовала себя как творческий, весьма эрудированный педагог вуза и литературовед. Читаемые ею курсы лекций по истории русской литературы второй половины XIX века на дневном и вечернем отделениях факультета русского языка и литературы отличались содержательностью, высоким научно-методическим уровнем, подлинным лекторским мастерством. С не меньшим успехом она вела практические и семинарские занятия, читала спецкурс о творчестве А.Н. Островского. Талантливый вузовский педагог, Н.С. Гродская умела увлечь студентов творчеством русских классиков – А.Н. Островского, И.С. Тургенева, Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского; большая индивидуальная работа со студентами приводила к успеху многочисленных дипломных, курсовых сочинений, выполненных студентами под ее руководством. Н.С. Гродская много сил и времени отдавала руководству научным студенческим кружком, проведению научных студенческих конференций.

Будучи крупным островковедом, ученицей проф. А.И. Ревякина, Нина Сергеевна принимала активное участие в подготовке к изданию первого Полного собрания сочинений А.Н. Островского в 16-ти томах (книги выходили в свет в Гослитиздате в 1949-1953 гг.). Выполняя обязанности ученого секретаря в редакционной коллегии, Н.С. Гродская проводила текстологическое исследование рукописей и их комментирования. Особенно большой вклад внесен ею в 8, 14 и 15 тома.

Нина Сергеевна была старожилдом дома творчества СТД имени А.Н. Островского Щелыково. Приехав туда впервые в конце 1940-х годов, она сохранила верность этому прекрасному поэтическому месту на протяжении всей жизни. Там она встречалась с потомками А.Н. Островского.

Много сил и энергии Нина Сергеевна отдала подготовке Собрания сочинений А.П. Чехова в 13-ти томах (1974-1983 гг.), ее особенным участием отмечены 1 и 2 тома, а также совмещенный 12 и 13 том.

Вместе с тем Нина Сергеевна много занималась общественной работой, направленной на научную организацию филологической деятельности в вузах России и союзных республик. Будучи членом Научно-методической комиссии Министерства просвещения СССР, выполняя обязанности ее ученого секретаря, она организовывала обсуждения учебных программ, участвовала в рецензировании учебников и учебных книг; постоянно выступала с серьезными научными докладами на конференциях и симпозиумах в разных городах нашей страны.

До последних дней своей жизни Нина Сергеевна была творчески активна. По просьбе кафедры она была официальным оппонентом на защитах диссертаций, активно участвовала в работе Ученого совета факультета русской филологии, публиковала научные статьи в журнале «Литература в школе», газете «Народный учитель». Буквально перед ее смертью успел выйти сборник «К 75-летию МОПИ-МПУ-МГОУ. МГОУ: вчера, сегодня, завтра», где были опубликованы воспоминания Нины Сергеевны о вузе: «Годы, события, люди». Она любила свой вуз МОПИ-МПУ-МГОУ, его сотрудников, своих друзей и многочисленных учеников. Ее как отзывчивого гуманного человека и талантливого ученого-филолога знали в столичных высших учебных заведениях (МГУ, МГПУ, МГЗПУ) и многих других вузах России.

Нина Сергеевна Гродская была ярким, талантливым человеком. Она оставила неизгладимый след в душе тех, кто ее знал. Память о Нине Сергеевне сохранится на долгие годы.

ВСПОМИНАЮТ КОЛЛЕГИ И УЧЕНИКИ

Анна Ивановна Журавлева, доктор филологических наук, профессор кафедры истории русской литературы МГУ имени М.В. Ломоносова: Вузovsky преподаватель не может и не должен быть специалистом по творчеству одного автора, даже и очень большого. Но, как и всякий человек, зная многих и объективно понимая их роль в русской культуре, он не свободен от личных привязанностей в литературе, кто-то ему душевно ближе, на чье-то слово он отзывается горячее и непосредственнее. Такой «темой жизни» был для Нины Сергеевны Гродской Александр Николаевич Островский. Думаю, не случайно в массовой просветительской книге «Горячее слово истины», выпущенной к юбилею 1973 года, именно ей поручили составить «портрет Островского по воспоминаниям современников». Ей, бесспорно, была близка и симпатична личность великого драматурга, с его простотой, сердечностью, юмором и глубоким трезвым умом.

Нина Сергеевна хорошо понимала, что значил для Островского театр, и это чувствуется в выборе ею сюжетов для научной работы. Люди театра и пьесы о театре интересовали ее, пожалуй, больше всего. В посвященном Островскому томе «Литературного наследия» ей принадлежит работа «Из творческой истории "Без вины виноватых"», в сборнике «Наследие А.Н. Островского и советская культура» – статья о Шмаге и Счастливецеве, в сборнике памяти А.И. Ревякина (2003 год) – статья «Школа нравов» о пьесах Островского на современной сцене. Даже последняя ее, еще не опубликованная статья о «Бесприданнице», предназначавшаяся для готовящейся персональной энциклопедии Островского, вышла за рамки первоначально предполагавшегося жанра, разрослась – словно Нина Сергеевна торопилась досказать о любимом драматурге что-то очень для себя заветное.

Татьяна Константиновна Батурина, доктор филологических наук, профессор кафедры русской классической литературы: Ранней весной 2007 года ушла из жизни Нина Сергеевна Гродская – наш любимый педагог, наставник, старший друг.

Как важно для молодой, развивающейся души иметь мудрого, доброго руководителя. Это счастье было дано всему нашему курсу в конце 60-х годов. Мы встретились с Ниной Сергеевной в августе 1968 года, когда только лишь поступили на филологический факультет МОПИ им. Н.К. Крупской. Доброжелательная, приветливая, интеллигентная Нина Сергеевна сразу запомнилась нам. А на третьем курсе она стала нашим преподавателем: читала лекции по русской классической литературе второй половины XIX века. Существует особый дар преподавания, которым обладают далеко не все педагоги. Этот дар был у Нины Сергеевны. Она читала лекции вдохновенно, самоотверженно, стремилась к духовному единению с молодыми слушателями, щедро делилась с нами богатством своих знаний. Нина Сергеевна влияла на наши молодые души, ставила перед собой высокую задачу их воспитания. Она стремилась соединить знания с душой студента, прекрасно понимая, что главное в обучении – ум и сердце. Потому так живо откликались мы на то слово, которое несла любимая преподавательница. Она никогда не ставила нам двоек, не «заваливала» на экзаменах, никого не поучала, не читала скучных нотаций, а просто любила нас и все делала для нашего нравственного развития. Она увлекала и покоряла нас, верила в способности каждого студента, бережно растила молодые дарования. Потому так легко и радостно было на ее лекциях, а на экзаменах – не страшно, хотя Нину Сергеевну отличали требовательность и бескомпромиссность.

Помню заседания научного студенческого общества, проводимые Ниной Сергеевной. Мы выступали с первыми научными опытами. Конечно, они были далеки от совершенства, но как хотелось нам порадовать нашу преподавательницу! Никто не был ею забыт. В каждом выступлении она видела достоинства, умела поддержать, направить, окрылить в научном поиске. А потом под руководством Нины Сергеевны я писала дипломную работу о лирическом герое в поэзии Н.А. Некрасова. Глубокий мир великого художника слова открылся именно на занятиях Нины Сергеевны. Эта любовь к творчеству Некрасова осталась в сердце на всю жизнь.

После окончания института, в годы обучения в аспирантуре и работы в школе, а потом в вузе, я всегда находила у Нины Сергеевны поддержку, совет, понимание. Осмысливая сегодня прошлое, думаю, что был у Нины Сергеевны благодатный дар любви к человеку, потому в каждом она находила доброе начало. Великое счастье, что был в нашей жизни этот скромный, любящий Человек!

Татьяна Васильевна Зуева, доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы МПГУ: Я была знакома с Ниной Сергеевной в общей сложности 40 лет: с 1967 года до ее смерти в 2007 году. Я была ее студенткой, слушала ее прекрасные лекции по истории русской литературы, была членом ее спецсеминара по русской литературе. Нина Сергеевна была чутким, отзывчивым человеком, влюбленным в свое дело. С трепетной нежностью относилась она к студентам. С годами наши отношения переросли в дружбу.

По приглашению Нины Сергеевны мы вместе посещали спектакли по пьесам Александра Николаевича Островского. Благодаря Нине Сергеевне я вместе со студентами провела несколько фольклорных экспедиций в Островском райо-

не Костромской области, где мы записали много ценного материала, по-знакомились с музеями Щелыкова, с прямыми потомками великого драматурга.

На протяжении всех 40 лет наше общение с Ниной Сергеевной было глубоко содержательным, связанным с нашими общими научными интересами. Светлая память о Нине Сергеевне в моем сердце никогда не померкнет.

Олег Георгиевич Егоров, выпускник МГОУ (МОПИ) 1978 года, доктор филологических наук: Мне посчастливилось знать Нину Сергеевну более тридцати лет. Я поступил на филфак МОПИ им. Крупской в 1974 году, но познакомился с Ниной Сергеевной только через полтора года, когда она стала читать у нас курс русской литературы второй трети XIX века. Кафедра, на которой работала Нина Сергеевна, была небольшой и в основном состояла из опытных педагогов. Нина Сергеевна считалась старожилом кафедры, проработав на ней к тому времени около пятнадцати лет.

Наверное, можно выделить в личности Нины Сергеевны две ипостаси – педагогическую, профессиональную и человеческую, душевную. Работа со студентами строилась на энтузиазме, на вере педагога в своего подопечного.

Нина Сергеевна умела (я бы даже сказал – имела особый дар) находить среди студенческой массы перспективную молодежь и всячески помогала ей в продвижении на научном поприще. Сближение педагога и ученика начиналось, как правило, на втором курсе и проходило полный цикл: курсовая – дипломная – кандидатская.

В своих лекциях Нина Сергеевна сочетала строгий академизм с эмоциональной насыщенностью и идейным пафосом. Ей были одновременно свойственны строгость в изложении материала и какая-то безыскусность в минуты разрядки во время лекции. Ее смех разительно контрастировал с той атмосферой строгости, которая господствовала на факультете в ту эпоху.

Нина Сергеевна всегда была очень занятым человеком: руководила работой аспирантов (по разрешению министерства, за особые педагогические заслуги), участвовала в различных творческих комиссиях, готовила конференции по А.Н. Островскому, была членом нескольких ученых советов. Ее нельзя было застать сидящей на месте или в состоянии отдыха. Ее энергичная фигура, с незабываемым «венцом» заплетенных в косу волос, стремительно пронеслась по коридорам и аудиториям, заряжая бодростью и оптимизмом окружающих.

Жизненные невзгоды не сломили Нину Сергеевну духовно. Пережив тяжелую утрату и отойдя от активной педагогической работы, она продолжала интересоваться судьбой своих учеников. Помню, как после длительного недуга она пришла на мою защиту и своим присутствием оказала мне неоценимую нравственную поддержку.

Постоянная, исключительная занятость помешала Нине Сергеевне защитить докторскую. Очень интересный материал о творческой лаборатории Островского ей, к сожалению, не удалось опубликовать. Но значительную часть ее творческой энергии вобрали в себя ее любимые ученики. Их она окружала почти материнской опекой, постоянно интересовалась их работой уже после защиты, была в курсе их достижений, искренне радовалась успехам. Нина Сергеевна олицетворяла тот тип бескорыстного педагога-наставника, который остался в прошлом. Тем важнее нам, ее ученикам, сохранить о ней добрую память и донести ее до новых поколений словесников.

Елизавета Ивановна Дудина, кандидат филологических наук: Нина Сергеевна Гродская – солнечный человек, солнечный преподаватель. Она необычайно тепло относилась к каждому студенту, к каждому аспиранту. Для всех находила добрые слова, ценила индивидуальность. Так в одном из писем после встречи со своими бывшими студентками она писала о них: «Поэтические натуры, умеющие находить красоту повсюду. Наше общение мне очень дорого». Ее радовали «сердечные воспоминания», как она сама говорила. Нина Сергеевна, будучи тонким, глубоким исследователем творчества разных писателей, ведя спецкурс, спецсеминары, очень деликатно, тактично анализировала работы студентов, формировала будущих молодых ученых. Запомнились ее высказывания: «Критиковать всегда легче, труднее увидеть какое-то положительное зернышко даже в заведомо слабой работе», «Если человек духовно богат, его жизнь всегда будет содержательной и осмысленной».

Профессор Майя Фёдоровна Тузова (1929-2007)

В декабре 2007 года не стало Майи Фёдоровны Тузовой – профессора кафедры современного русского языка нашего университета, который был её родным домом в течение шестидесяти лет: сначала, в 1947 году, она поступила в МОПИ имени Н.К. Крупской, стала студенткой отделения логики и психологии при факультете русского языка и литературы, затем, в 1951 году, М.Ф. Тузова с отличием окончила институт и получила распределение в аспирантуру при кафедре русского языка, где работала над кандидатской диссертацией «Русская военная лексика второй половины XVII и первой половины XVIII вв.». Успешно защитив диссертацию в 1955 году, Майя Фёдоровна стала преподавателем в любимом вузе, на родном факультете, где трудилась почти 50 лет. МОПИ им. Н.К. Крупской – МПУ–МГОУ – поистине её alma mater.

В 1975-1980-м гг. она являлась деканом факультета русского языка и литературы. Студенты многих поколений помнят лекционные курсы, которые с большим мастерством читала М. Ф. Тузова. Это – историческая грамматика, старославянский язык и, конечно же, современный русский язык. Записи её размеренной лекторской речи сохранились в памяти и нынешних учителей, и преподавателей вузов – все они когда-то были её студентами. Она была живой памятью факультета, вуза: хорошо помнила выпускников, аспирантов – по именам, по годам и городам, неизменно приходила на вечера встречи...

М.Ф. Тузова – один из авторов учебника «Современный русский литературный язык», а также сборников упражнений и методических пособий, в том числе для школьников и абитуриентов. В них отразились её обширные лингвистические знания и большой методический опыт.

С 1980 по 2007 гг. она руководила методическим объединением преподавателей современного русского языка на родной кафедре, читала лекции для коллег, учителей Московской области, аспирантов и соискателей лингвистических кафедр факультета русской филологии. В 1992 году она стала профессором.

М.Ф. Тузова – заслуженный работник высшей школы Российской Федерации (1999 год), член-корреспондент Международной академии наук педагогического образования (МАНПО).

Высоки её заслуги как Учёного секретаря диссертационного совета. Оперативность, чёткость, требовательность и вместе с тем чуткое отношение к соискателям учёной степени характеризуют эту сторону деятельности профессора Тузовой М.Ф.

За долгие годы служения делу подготовки педагогических кадров для Московской области М.Ф. Тузова много сил отдала общественной работе, будучи членом Учёного совета родного факультета и университета.

Майя Фёдоровна всегда была корректна и внимательна к людям.

Светлая память о ней будет жить долго в наших сердцах.

Факультет русской филологии

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЕЙ

1. Для публикации научных работ в выпуске серии «Русская филология» «Вестника МГОУ» принимаются статьи на русском языке с аннотацией на русском и английском языках. При этом публикуются научные материалы преимущественно докторов и кандидатов наук, докторантов, аспирантов, соискателей, преподавателей вузов.
2. Объем статьи – не более 16 тысяч знаков.
3. Необходимо сдать дискету с электронным вариантом и распечатку на бумажном носителе (1 экземпляр). В материалы следует включить сведения об авторе: фамилия, имя, отчество (полностью), место работы или учебы (должность), ученая степень, ученое звание, домашний адрес, контактный телефон. К материалам аспирантов и докторантов приложить отзыв научного руководителя (консультанта) и рекомендацию кафедры, на которой выполняется работа.
4. Текст статьи оформляется в соответствии со следующими требованиями: 1) текстовый редактор Microsoft Word for Windows; 2) межстрочный интервал – 1,5; 3) верхнее поле – 2 см, нижнее – 3 см, левое – 3 см, правое – 1,5 см; 4) шрифт Times New Roman; 5) кегль – 14; 6) страницы не нумеруются; 7) выравнивание по ширине; 8) перенос не задается.
5. Иллюстративный материал (слова, словосочетания, предложения) печатается курсивом без **кавычек**; семантика языковых единиц печатается обычным шрифтом и выделяется ‘английскими кавычками’: Речь. ‘Способность говорить, говорение’; дефиниция слова, взятая из словаря, должна быть паспортизирована последующей ссылкой на словарь в примечаниях.
6. На первой строке у правого поля полужирным курсивом печатаются **сначала инициалы**, затем фамилия автора. Через строку по центру – название статьи прописными буквами полужирным шрифтом. Ссылки в тексте цифровые, сквозная нумерация в квадратных скобках. **Концевые сноски исключаются**. В конце статьи через строку прописными буквами полужирным шрифтом пишется **ПРИМЕЧАНИЯ**.
7. Редакционная коллегия оставляет за собой право не рассматривать материалы, оформленные без учета перечисленных требований. Присланные материалы не возвращаются. В случае принятия статьи условия публикации оговариваются с ответственным редактором.

Ответственный редактор серии «Русская филология» – доктор филологических наук профессор *Лекант Павел Александрович*, **зам. отв. редактора** – доктор филологических наук профессор *Шаповалова Татьяна Егоровна*.

Адрес редколлегии серии «Русская филология» «Вестника МГОУ»: 107005, г. Москва, ул. Ф. Энгельса, д. 21-а, МГОУ, комн. 105. Телефон (495) 265-08-07.

ВЕСТНИК
Московского государственного
областного университета

Серия
«Русская филология»

№ 1

Подписано в печать: 5.02.2008.
Формат бумаги 60x86 /₈. Бумага офсетная. Гарнитура «SchoolBookC».
Уч.-изд. л. 8. Усл. п. л. 7,25. Тираж 500 экз. Заказ № 13.

Издательство МГОУ
105005, г. Москва, Радио, д. 10а.